

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПУТЬ
К ЗДОРОВЬЮ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

ТЕХНОЛОГИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
В ЭВОЛЮЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА:
ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ
И ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ

ЭКОФИЛОСОФИЯ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

2022/ № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: Философские науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Купц Т. — д-р философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Митио М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония)

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Песоцкий В. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный областной университет, научный руководитель журнала

Сафонов А. Л. — д-р филос. наук, доц., Московский государственный областной университет

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2022. — № 1. — 90 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University». Series: Philosophy
Moscow Region State University

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Murmansk Arctic State University

L. A. Demina – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Kutafin Moscow State Law University

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Tver State Technical University

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Dr. of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

D. Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

T. Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V. L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Lomonosov Moscow State University

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow State University of Psychology and Education

V. A. Pesotsky – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow Region State University, Scientific Consultant

A. L. Safonov – Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

M. Janjić – Doctor of Philology, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the

license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series:

Philosophy. – 2022. – № 1. – 90 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Елдин М. А., Малоземов С. И.</i> Моральные и политические основы имперских традиций Балканского полуострова и России	6
<i>Комаров А. П.</i> Значение симбиоза духовных постулатов «вера – идея» для казачества ..	16
<i>Майкова В. П., Молчан Э. М., Гавва Р. В.</i> Философия любви в русской литературе и важность её усвоения для формирования системы жизненных ценностей.	23
<i>Седанкина Т. Е.</i> Вопросы адаптации студентов направления подготовки «Теология» к условиям обучения в вузе и их социализации в научно-исследовательском пространстве	32
<i>Удалова Л. В., Горшкова С. Е., Мещерякова Л. Я., Батурина О. Ю.</i> Саморазвитие личности как путь к здоровью подрастающего поколения	44

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Луценко В. Е.</i> Религиозная философия немецкого философа Франца Ксавера фон Баадера	53
--	----

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Бакланов И. С., Пелевин С. И.</i> Технологии и технологическое сознание в эволюции постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу	60
<i>Георгиу Т. С.</i> Философия автоматизации и искусственного интеллекта: от мифологического талоса до будущих киборгов	68
<i>Гурьянова А. В., Жданова В. В.</i> Экофилософия как мировоззренческая основа глобализации и цифровизации	76
<i>Костадинович Д., Бондарева Я. В.</i> К вопросу о методике научных исследований	85

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

- M. Eldin, S. Malozemov.* Moral and Political Foundations of the Imperial Traditions of the Balkan Peninsula and Russia 6
- A. Komarov.* The Significance of the Symbiosis of the Spiritual Postulates “Faith – Idea” for the Cossacks 16
- V. Maikova, E. Molchan, R. Gavva.* The Philosophy of Love in Russian Literature and the Importance of its Assimilation for the Formation of a System of Life Values 23
- T. Sedankina.* Issues of Adaptation of Students of the Direction of Preparation “Theology” to the Conditions of Learning at the University and Their Socialization in the Research Space . . . 32
- L. Udalova, S. Gorshkova, L. Meshcheryakova, O. Baturina.* Self-Development of the Person as a Way to the Health of the Growing Generation 44

HISTORY OF PHILOSOPHY

- V. Lutsenko.* Religious Philosophy of the German Philosopher Franz Xaver von Baader 53

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- I. Baklanov, S. Pelevin.* Technologies and Technological Consciousness in the Evolution of Post-Industrialism: From Information Society to Knowledge Society and Digital Society . . . 60
- T. Georgiou.* Philosophy of Automation and Artificial Intelligence: From Mythological Talos to Future Cyborgs 68
- A. Guryanova, V. Zhdanova.* Ecophilosophy as a Worldview Basis of Globalization and Digitalization 76
- D. Kostadinovic, Ya. Bondareva.* To the Question of the Technique of Scientific Research . . . 85

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(1-924.64)(471-0+571)

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-6-15

МОРАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИМПЕРСКИХ ТРАДИЦИЙ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА И РОССИИ

Елдин М. А., Малоземов С. И.

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва*

430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68, Республика Мордовия, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Провести комплексный анализ перспектив формирования имперской традиции россиян как системы политической морали полиэтнического общества. Византия и балканские страны оказались предшественниками в указанном опыте формирования традиций. В российской специфике она проявилась на основе её практической реализации в толерантном отношении человека к другим людям.

Процедура и методы. В работе рассматриваются идеи взаимосвязи российской имперской традиции и духовного наследия Балкан. Утвердившись с принятием христианства, имперская традиция проявилась в нравственных поучениях мыслителей Средневековой Руси, в светских направлениях общественной мысли XVIII – первой половины XIX вв., в христианских, метафизических и идеалистических учениях о нравственности второй половины XIX – начала XX вв., в неортодоксальной советской этической мысли, в этике русского зарубежья и в современном светском контексте социального бытия. В российской этической мысли традиционно преимущественное внимание уделялось практическому аспекту идеи гуманизма, путям претворения её в жизнь. В ходе исследования применялись цивилизационный и формационный подходы, системно-структурный, сравнительно-исторический, диалектический и компаративный методы.

Результаты. Определены ключевые компоненты социально-политической концепции отечественных истоков имперской традиции. В указанном плане отмечено, что произведения мыслителей Средневековой Руси выражали призыв к активной заботе о благе другого человека, деятельному человеколюбию, рассматривавшемуся как основа благочестия. Освещены вопросы сущности человеческой ценности, величия разума, совершенствования духа. Сделан вывод о том, что балканско-византийская традиция для россиян оказалась истоковой в формировании теоретических и практических концепций религиозной идентичности и моральной базы бытия культур.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет получить представление о моральных и политических основах имперских традиций Балканского полуострова и России. Значительным вкладом российской этической мысли в теоретическую разработку проблемы духовного единства российского общества явился глубокий анализ путей практического воплощения идеи человека как высшей ценности в отношении к другим людям.

Ключевые слова: византийское наследие, духовная культура, идентификация, религиозность, Русь, традиция, этничность

MORAL AND POLITICAL FOUNDATIONS OF THE IMPERIAL TRADITIONS OF THE BALKAN PENINSULA AND RUSSIA

M. Eldin, S. Malozemov

National Research Ogarev Mordovia State University

ul. Bol'shevistskaja 68, Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Abstract

Aim. To conduct a comprehensive analysis of the prospects for the formation of the imperial tradition of Russians as a system of political morality of a multi-ethnic society. Byzantium and the Balkan countries turned out to be the predecessors in this experience of tradition formation. In the Russian specifics, it manifested itself on the basis of its practical implementation in the tolerant attitude of a person to other people.

Methodology. The article discusses the ideas of the relationship between the Russian imperial tradition and the spiritual heritage of the Balkans. Having established itself with the adoption of Christianity, the imperial tradition manifested itself in the moral teachings of thinkers of the Medieval Russia, in the secular directions of social thought of the XVIII – first half of the XIX centuries, in Christian, metaphysical and idealistic teachings on morality of the second half of the XIX – early XX centuries, in the unorthodox Soviet ethical thought, in the ethics of the Russian diaspora and in the modern secular context of social existence. In Russian ethical thought, traditionally, primary attention has been paid to the practical aspect of the idea of humanism, ways of implementing it. The study used civilizational and formational approaches, system-structural, comparative-historical, dialectical and comparative methods.

Results. The key components of the socio-political concept of the domestic origins of the imperial tradition are identified. In this plan, it is noted that the works of thinkers of the Medieval Russia expressed a call for active concern for the welfare of another person, active philanthropy, which was considered as the basis of piety. The questions of the essence of human value, the greatness of the mind, the perfection of the spirit are highlighted. It is concluded that the Balkan-Byzantine tradition for Russians turned out to be the source in the formation of theoretical and practical concepts of religious identity and the moral basis of the existence of cultures.

Research implications. The conducted research allows us to get an idea of the moral and political foundations of the imperial traditions of the Balkan Peninsula and Russia. A deep analysis of the ways of practical implementation of the idea of man as the highest value in relation to other people has become a significant contribution of Russian ethical thought to the theoretical development of the problem of the spiritual unity of the Russian society.

Keywords: Byzantine heritage, spiritual culture, identification, religiosity, Russia, tradition, ethnicity

Введение

Социокультурные перемены, происходящие в российском обществе и на Балканах, актуализируют значение сочинений византийских отцов, имеющих моральную ориентацию и воздействующих на нравственно-психологический уровень самосознания личности и социума, что особенно значимо в условиях нравственного самоопределения современного российского общества.

Особенно ярко это проявилось в развитии универсального русско-российского самосознания народа России, выразившегося в идеологии «Москва – Третий Рим».

Взгляды английского историка и идеолога Просвещения Э. Гиббона на причины крушения Римской империи настолько актуальны, что, по мнению Э. Д. Фролова, новейшая наука об Античности во взглядах своих по этому вопросу так и не смогла продвинуться вперёд [5, с. 5–7]. Касаемо византийского периода среди исследователей имеет место плюрализм мнений. Интерес к истории Византии, возросший к концу XVIII в. под влиянием рационализма и Просвещения, был вызван сменой ортодоксального взгляда на Византию как хранимую Богом Империю более научным, плюралистическим.

Например, английский историк конца XVIII в. Э. Гиббон испытывал рационалистическую враждебность к Византийской империи и неприязненно относился к политике Восточной и Западной Церквей эпохи Средневековья. Подобного взгляда придерживался и писатель поздней Викторианской эпохи У. Леки. Он характеризовал византийскую культуру как «наиболее совершенную», тем не менее саму империю «без малейшего сомнения» называл посредственной. Со временем Византия лишила себя «всех составляющих величия». Её история представляла собой монотонную череду интриг, отравлений и заговоров; это «история постоянной неблагодарности» [18, р. 13–14]. Однако подобные взгляды видятся излишне упрощёнными, ибо Византия отличалась как от государств европейской Античности, так и от западноевропейского Средневековья. На наш взгляд, сомнения Э. Гиббона по поводу благости воздействия христианства на состояние гражданского общества беспочвенны, ибо он недооценивает духовный ресурс христианства [13].

Концепции современной византологии колебались от рассмотрения Византии в качестве постепенно деградирующего реликта Римской империи (наследники просветительской парадигмы Ш. Лебо и Э. Гиббон, отчасти Т. Моммзен) до признания её самостоятельной цивилизационной величиной, ограниченной, впрочем, точными временными рамками (А. Неандер и Я. Ф. Фальмерйер в Германии, Т. Н. Грановский и А. П. Зернин в России). Безусловно отвергая первую позицию, К. Н. Леонтьев не соглашается и со второй, считая византизм не сепаратным историческим явлением, но цивилизационной парадигмой, чьи черты оказывали системообразующее влияние на иные страны, входившие в орбиту византийского сообщества [1]. Византизм как синтетический культурфилософский и социально-политический концепт не только отражает специфику отечественной культурно-цивилизационной идентичности, но и практически востребован в современной России. Стоит отметить, что в вышедших после написания книги

К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство» византологических исследованиях XIX – начала XX вв. (работы В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, Ф. А. Курганова, К. Крумбаха, Ф. Дёльгера, Ш. Дилия, Дж. Бьюри, С. Ламброса и др.) ограниченность обоих подходов была преодолена. Однако современный англоязычный мир ассоциирует Византию с некой чёрной дырой, призрачной и малоизвестной. Византистика как наука, изучающая историю и культуру Византийской империи, призвана сдёрнуть этот полог неизвестности. Однако не все сферы изучения данной дисциплины одинаково исследованы. И число проблем, подлежащих научному рассмотрению, растёт. Как отмечают Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон и Р. Кормак, Византия, вызывавшая традиционно косвенный интерес, *damnatio memoriae*, этот «приговор к забвению», тем не менее, сейчас начинает его преодолевать [20, р. 4].

Морально-политические истоки диалога народов Балкан и России

Моральные традиции Балкан и России связаны единством Православия и общими корнями византийской культуры. Поэтому изучение этического наследия Болгарии, Греции, Румынии и Сербии, являющихся православными странами, сопоставляя его с современным опытом культурного возрождения России, позволяет ввести в типологическую систему значительный теоретический и практический массив данных по формированию представлений о своеобразии византизма, установлению закономерностей развития традиций для разработки структурно-функциональной прогностической модели православного сообщества. На наш взгляд, это позволит заложить основы творческой концепции нравственной деятельности по восстановлению, реконструкции и новому воспроизводству моральной специфики как Балкан, так и России.

Главным источником пополнения государственной казны Никейской империи являлось сельское хозяйство. Продукция пахотного земледелия, животноводства и садоводства активно экспортировалась на соседние территории [16, р. 102–104]. Это

позволяло полностью удовлетворять потребности двора и вести активное городское строительство [16, р. 110–111]. Императоры в целях укрепления народной популярности покровительствовали ремеслу и торговле, строили приюты, богадельни, больницы. Конечно, этнические конфликты [9, с. 134–140] и мятежи аристократии [19, р. 70, 79–81] также имели место. Однако подобные чрезвычайные для империи условия, по мнению греческого историка-византиниста Э. Арвелер, сплачивали благодаря узам солидарности и сотрудничества [15, р. 28–33].

Церковь также получала от государства материальную помощь. Не удивительно, что история существования Византийской империи не пестрит противоречиями между церковью и светской властью [16, р. 46–59]. В этом плане показателен факт оставления патриаршего престола и удаление в монастырь патриарха Арсения Авториана в 1259 г. в знак протеста против узурпации власти Михаилом Палеологом.

Согласно данным исследований по институциональному развитию государств византийцев, возникших на развалинах Восточно-Римской империи после 1204 г., наблюдается упрочение сотрудничества структур верховной монархической власти и аристократических кругов ромеев Вифинии. По словам Г. Л. Курбатова, «в Никейской империи императорам удалось упрочить позиции императорской власти. “Вертикальная социальная мобильность” усилилась. Институт соправительства исчез. Назначавшийся лично императором великий стратопедарх был его заместителем в управлении. Значительные средства позволили императорам Византии содержать постоянные наёмные отряды, находившиеся под командованием великого коннетабля. Опираясь на них, можно было сдерживать и устремления феодалов. Всё это позволило ... выиграть борьбу за “византийское наследство”»¹. В религиозно-нравственной практике бытия народа вифинских территорий будущего никей-

ского государства указанное обстоятельство проявлялось в форме консолидации моральных сил византийского народонаселения под эгидой православного эллинизма. Особое внимание уделялось разработке форм выражения нравственной консолидированности социума никейских греков в системе общественных отношений и мира в целом. Основным содержанием нравственных требований, устанавливавшихся православными нормами ценностей для византийцев, была сама идея высшей ценности религиозного неконформизма, выступавшая в роли принципа отношения к духовной ситуации того времени. К числу основных рассматривавшихся форм её выражения на этом уровне были любовь, добродетельность, милосердие, обращённость человека к миру, его нацеленность на благо каждого человека и всего общества (общее благо). Особое внимание уделялось разработке форм её выражения в системе общественных отношений и мира в целом – соборности, всеединству. Основным содержанием нравственных требований, устанавливавшихся российскими формами гуманизма для человека, была сама идея высшей ценности человека, выступавшая в роли принципа отношения к людям.

Традиция имперского политического таксиса – порядка православной ойкумены

В значительной степени это хрупкое равновесие базировалось на материальной заинтересованности знати в императорских пожалованиях в виде титулов, земельных владений [16, р. 90]. В период царствования Иоанна Ватаца высокие государственные должности стала занимать прослойка элиты незнатного происхождения по принципу личной преданности династии Ласкарисов. Продолжение подобной тенденции привело к появлению родов Филов, Стратигопулов, Асиденов и Музалонов.

Социальную базу балканских правителей составляли прежде всего средние землевладельцы, зажиточное свободное крестьянство, военные поселенцы-стратиоты и акриты

¹ Курбатов Г. Л. История Византии: от античности к феодализму: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1984. С. 173.

[8, с. 122]. Ш. Н. Эйзенштадт справедливо отмечает, что византийской системе свойственна относительно высокая способность к преобразованиям и перестройке внутренней структуры. В наибольшей степени изменения были затронуты в соотношении сил между императорским окружением, аристократией и свободным крестьянством [14, с. 179].

Вместе с тем понятие таксиса являлось одним из центральных понятий политической идеологии православных государств. Его смысл заключался в осознании сближения земного и небесного порядков. Византия, как и Россия, имела единый центр схода сил общественного напряжения – царскую власть. Именно она была ответственна за снятие этого напряжения [12, с. 230]. Таким образом, в русской конфессиональной культуре власть истинного православного царя рассматривалась в качестве гарантии возможного «спасения» после смерти. Подобное понимание власти царя объясняет массовый характер крестьянских движений, для объяснения которых важен не столько анализ социально-экономических процессов, сколько ощущение потери «чувства святости» государства, окончания «освящённой благодатью» жизни и наступления бездуховности.

В настоящее время приходится констатировать: многие евразийские регионы не смогли преодолеть не столько своё имперское наследие, сколько непреодолимое вестернизированное, закостенелое в «казённом патриотизме» прошлое. В свою очередь, и Россия не смогла реализовать проект единого духовно-конфессионального пространства в Евразии. Замысел создания «московского Ватикана» отталкивался от традиционных представлений о «Руси – втором Иерусалиме» и «Москве – третьем Риме». Если идея тверского инок Фомы приписывала русскому православию официальное богословское определение универсальной Вселенской церкви, то максима старца Филофея не только обосновывала широкую миссионерскую деятельность Русской православной церкви среди нехристианских народов, но и явилась смысловой основой мессианских представлений о роли московских государей как преемников римских и византийских императоров [4, с. 340].

Обе концепции в религиозно-духовном плане утверждали «вселенскость» русского православия и указывали на Россию как на оплот истинной Церкви, становясь мощным духовным стимулом, нацеленным в будущее. Однако Московская третьеримская царская идея оказалась заблокированной. На военном самолёте американцы доставили и возобновили деятельность во втором Риме константинопольского патриарха Афинагора, который блокировал в 1948 г. проведение Всеправославного Собора под эгидой Москвы.

Проблема духовной диалогичности в современной политической жизни народов России и Балкан

В современных реалиях евразийский регион оказался перед необходимостью поиска резервов для ликвидации отставания в развитии, обладая статусом второстепенного, периферийного сообщества. Подобная перспектива чревата усугублением социально-экономической и политической нестабильности. Следствием демографического оскудения может стать окончательный распад единого культурного и экономического пространства. В частности, показательны судьба бывшей территории югославского государства и совсем новейшие события с отделением Косово от Сербии, боснийский конфликт, хорватско-сербское противостояние и др. Современные исследователи процесса размежевания этносов на Балканах отмечают откровенные ошибки под руководством И. Б. Тито в процессе территориального устройства Югославии [7; 11; 17].

Сохранение культурного диалога пространства многих евразийских государств (Азербайджана, Турции, Испании, Британии, Украины, Боснии и Герцеговины) остаётся до сих пор вопросом времени. Второстепенное значение материальной стороны бытия общества в российской социокультурной традиции долгое время позволяло сглаживать многие социально-экономические противоречия. Эта тенденция сложилась в пору государственной культурной политики изоляционизма и укрепления идей особого предназначения России.

Тотальная вестернизация, являясь духовной и социальной реальностью, означает поглощающую интеграцию в западную систему ценностей. В этой связи вселенский патриарх Варфоломей, рассуждая о роли православия в современном мире, называет прологом тотальной вестернизации жестокие гонения на Древнюю церковь. Поэтому патриарх уповает на смирение как православную добродетель. Выработанное страданием, оно на протяжении веков формировало православное богословие и духовность [3, с. 68].

В России тенденции этнического размежевания и культурной демаркации восточных славян носили тектонический характер. Уже в XVII в. Украина оказалась экономически и на бытовом уровне более развитой, нежели сильная в военно-политическом отношении Россия. Сегодня продолжается распад некогда единой восточнославянской духовной общности. Многие украинские националисты отрицают общность православия на Руси. Присоединённые Прибалтика и Польша также оказались на порядок выше на бытовом и экономическом уровне качества жизни населения указанных регионов. В XIX – XX вв. западная периферия Российской империи стала обгонять центр в различных сферах социокультурного бытия, центральный регион Великороссии надорвался.

Опасности, связанные для Российской Федерации с её изменениями культурно-религиозного типа, очевидны. Для того, чтобы их избежать или уменьшить их отрицательные последствия, необходим поиск модели исторического государственно-религиозного (церковного) культурного и духовного синтеза, чётко определяющей статус православия в обществе. Только опыт диалога традиций в длительном плане времени может избавить от погружения в хаос межрелигиозных и межэтнических конфликтов. Так, в косовский конфликт, процесс его урегулирования оказались втянуты не только имеющие свои интересы на Балканах европейские государства, но и мировое сообщество в целом в лице международных организаций, например НАТО и ООН.

Проблемы перспектив российско-балканского духовного диалога

Приближение России к решению балканского узла религиозно-политических проблем обнажило проблему противоречивости религиозного сознания в Российской империи. Весьма прозорливой оказалась проекция К. Н. Леонтьева: в религиозно-политической конструкции российского социума важное место занимает вопрос византийского легитимизма. Для России завоевание и, соответственно, возвращение православным восточным народам их древней столицы – Константинополя – создаёт проблему её легитимного господства в Евразии в религиозном и этническом плане. Суть проблемы состоит в утрате Москвой её статуса «Третьего Рима» и главы всего православного мира. К тому же представления о Константинополе как исключительно экуменическом городе в масштабах всей восточнохристианской ойкумены противоречит русскому религиозному комплексу об особом славянском национализме. Превращение же российского общества в сверхсекулярное, по словам исследователя истории религии Х. Гонсалеса, ко второй половине XX в. делало Грецию единственной страной, в которой для православного христианства сохранялись шансы на подобие традиционного союза церкви и государства [6, с. 306].

Однако современная духовная традиционность и конфессиональная резистентность культур во многих странах бывшего СССР и Восточной Европы уступила место теплохладности, приспособления ко всеядному культурно-нравственному конформизму, а затем стала на путь внутреннего саморазрушения. Современный исследователь А. Буровский верно отмечает, что большинство учёных солидарны в том, что способность развиваться определяет само существование системы. Как только в культуре начинает преобладать традиция, реагирование культуры на окружающее начинает ослабевать [2, с. 402].

Активное участие национальных православных церквей в экуменическом

движении, нацеленное на устранение разобщённости христианских конфессий, сближают традиции православия с Западом. В результате наблюдаются не только утрата внутреннего единства и этнополитизация традиций православия, но и потеря православными авторитета своей духовной идентичности. И сегодня некогда величайшая цивилизация поствизантийского мира находится в крайне сложном положении. По словам А. А. Улуныя, для Греции стабильность и эффективность статуса региональной державы необходимо постоянно поддерживать, «лавируя и блокируясь с более сильными государствами Европы, а затем и с Америкой»¹.

Прагматизм современного духовно-культурного бытия – проблема эффективности парадигмы восточнохристианской культурной ойкумены современности, её перспективного будущего может быть решена посредством возобновления диалога православного культурного дискурса как живой духовной традиции народов поствизантийского содружества. В этом восстановлении морального престижа традиций духовности россиянам следует возрождать духовную притягательность православной церкви в России, возвращать нравственные основы диалога этнотрадиций российских культур современного общества и духовных основ исторической государственности россиян. Тогда россияне смогут привнести элементы стабильного процесса культурсозидания и другим евразийским народам. Однако российский подход к данной этноконфессиональной проблеме довольно противоречив. Стремление России добиться признания Запада наблюдалось на фоне включения её в борьбу за легитимизацию себя как поствизантийского ортодоксального общества.

В современных взглядах элит на политическую культуру и традиции США рубежа XX–XXI вв. доминируют утверждения о том, что западные ценности носят универсальный характер, поскольку люди желают потреблять те духовные и материальные блага, которые им даёт

Запад. По предположениям Ф. Фукуямы, З. Бжежинского, Дж. Редвуда, М. Фридмана и других «ортодоксов» теории и практики *Rax Americana*, приход этой эпохи довольно близок. Несмотря на имеющуюся критику «великой» либеральной идеи современными скептиками (С. Хантингтон, Н. Фергюссон, Г. Киссинджер и др.), можно утверждать, что мы сегодня наблюдаем сложную эпоху доминирования очередной волны вестернизации по-американски.

Важно осмыслить вклад российской духовной традиции в судьбах современного культурного развития страны и смежных с ней этносообществ. Согласимся с позицией В. В. Ильина касательно сохранения единого культурного и политического российского пространства: Россия не только создала сильную государственность, что имеет непреходящее значение в имперостроительстве, но и обеспечила гражданский мир и гарантировала выход в историю евразийским народам [10, с. 32].

Современная глубинная социокультурная трансформация российского общества, разрушение исконных традиций России актуализирует значение нравственных ориентиров отечественной духовности. Качественная нравственная традиция включала в себя традиционное трудолюбие, аскезу, законопослушание и жажду духовной веры. Без них невозможно сформировать ценностные основы современной отечественной культуры, учитывая последствия «казенного патриотизма» и постмодернизма в расщепляющемся традиционалистском укладе постсоветского социального пространства.

Воспринятое россиянами от византийцев духовное взаимодействие имеет особое значение в исследовании закономерностей формирования традиций православных регионов, определении практической их ценности для современного диалога новых социокультурных общностей. Общие корни византийской культуры, единство православия неразрывно связывают духовные традиции балканских стран (Болгарии, Греции, Румынии, Сербии) и России, составляя неотъемлемую часть наследия православных государств.

¹ Улуныя А. А. Политическая история Греции XX века: учебное пособие. М.: Ленанд, 2004. С. 186.

Заключение

Рассмотрение генезиса российской нравственной культуры выявило деструктивные тенденции духовной ситуации XXI в., выразившиеся в системном разрушительном фрагментировании традиционных ценностей для всего социума.

Имперский традиционализм в культуре и политике подчинил свои мечты политике государств Западной Европы. Для России её великая идея осталась лишь исторической памятью, позволяющей в пространстве Европы лишь отличать следы своего исторического движения.

Отечественные мыслители Серебряного века в своих учениях об общественном идеале в качестве высшей цели всемирно-исторического процесса выдвинули тезис о духовно-целостной, религиозной структуре общественного и культурного сознания. Сущность такой культуры заставляет задуматься над судьбами современного направления развития общественной мысли и культурного самосознания российских народов, которые связаны с Россией многовековыми традициями религиозного наследия и диалога.

Проблема имперскости в культурной идентичности многоединства не нова, она рассматривалась ещё античными мыслителями. Чувственный социокультурный тип с присущей ему «духовностью» может быть синтезирован с умозрительным социокультурным типом, для которого характерна «материальность» в рамках

соборно-интегральной имперской культуры, преодолевающей их ограниченность. В указанном плане справедливой представляется мысль о целесообразности использования опыта универсализации духовной культуры россиян нового времени, а именно петербургского периода развития культуры. Присущий тому времени синкретический синтез культур и традиций умирал вестернизаторские и ориенталистские тенденции.

Роль отечественной интеллигенции в обновлении российского имперского общества представлялась архаичной. Архаизация общественного сознания объяснялась периферийностью, изолированностью страны от основных научных и экономических центров мира. Радикальные изменения в России конца XIX в. дали пищу для размышления многим исследователям-гуманитариям. Рассмотрение наследия русской философии на примере славянофильского философского направления позволяет раскрыть подлинный смысл обращения к русской духовной традиции.

Обращение к творчеству представителей современной гуманитарной мысли позволяет проследить общую схожесть во взглядах на роль человека и миссию имперской традиции в российском мире, в которой человек наделён творческим и гуманистическим началом. Именно такое представление составляло источник русского религиозно-философского ренессанса.

Статья поступила в редакцию 15.10.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Д. А., Скрипкин И. Н. Византизм К. Н. Леонтьева как концепция русской культурно-цивилизационной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). Ч. 1. С. 28–31.
2. Буровский А. М. Крах империи: Курс неизвестной истории. М.: АСТ, 2004. 462 с.
3. Варфоломей. Приобщение к Таинству: православие в современном мире / пер. Н. Л. Холмогоровой. М.: Эксмо, 2008. 366 с.
4. Волокитина Т. В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943–1948 гг. // Славяне и Россия: славяне в Москве: к 870-летию со дня основания г. Москвы / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 339–360.
5. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. Т. 1 / пер. В. С. Неведомского. СПб.: Наука, 1997. 427 с.
6. Гонсалес Х. Л. История христианства: в 2 т. Т. 2: От эпохи Реформации до нашего времени / пер. Б. А. Скороходова. СПб.: Библия для всех, 2002. 377 с.

7. Городецкая Н. Б. «Сербы» или «югославы»: к вопросу о национальном самоопределении в социалистической Югославии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 63–76.
8. Елдин М. А., Малоземов С. И. Аграрная политика Никейской империи и духовно-нравственный фактор в истории восстановления византийской державы // *Локус: люди, общество, культура, смыслы*. 2021. Т. 12. № 1. С. 119–132.
9. Жаворонков П. И. Положение и роль этнических групп в социально-политической структуре Никейской империи // *Византийский временник*. 1996. Т. 56 (81). С. 134–143.
10. Ильин В. В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М.: КДУ, 2009. 198 с.
11. Пономарева Е. Г. Новые государства на Балканах. М.: МГИМО-Университет, 2010. 252 с.
12. Хохлов В. А. Византийская культура и философско-теологическая мысль России XIX в. // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2020. Т. 21. Вып. 2. С. 229–233.
13. Шувалов В. И. Э. Гиббон и проблема христианства как социально-психологического феномена // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2019. № 1 (49). С. 79–89.
14. Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
15. Ahrweiler H. L'expérience niceenne: L'an prochain a Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*. 1975. Vol. 29. – P. 21–40.
16. Angold M. A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261). Oxford: University Press, 1975. 332 p.
17. Dragović-Soso J. Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i oživljavanje nacionalizma. Beograd: Fabrika knjiga, 2004. 411 s.
18. Lecky W. E. H. A History of European Morals from Augustus to Charlemagne. Vol. 2. New York, Appleton and Company, 1869. 423 p.
19. Pappadopoulos J. B. Theodore II Lascaris, Empereur de Nicee. Paris: Librairie Alphonse Picard et fils, 1908. 214 p.
20. The Oxford Handbook of Byzantine studies / ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. New York: Oxford University Press, 2008. 1021 p.

REFERENCES

1. Belyaev D. A., Skripkin I. N. [K. N. Leontiev's Byzantium as a Concept of Russian Cultural and Civilizational Identity]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 3 (77), vol. 1, pp. 28–31.
2. Burovsky A. M. *Krah imperii: Kurs neizvestnoj istorii* [The Collapse of the Empire: A Course of the Unknown History]. Moscow, AST Publ., 2004. 462 p.
3. Bartholomew. Encountering the Mystery: Understanding Orthodox Christianity Today (Rus. ed.: Kholmogorova N. L., transl. *Priobshchenie k Tainstvu: pravoslavie v sovremennom mire*. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 366 p.).
4. Volokitina T. V. "Moscow Vatican": The Idea of Creation and Attempts to Implement It. 1943–1948. In: Danchenko S. I., ed. *Slavjane i Rossija: slavjane v Moskve: k 870-letiju so dnja osnovanija g. Moskvy* [Slavs and Russia: Slavs in Moscow: to the 870th Anniversary of the Founding of Moscow]. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2018, pp. 339–360.
5. Gibbon E. History of the Decline and Fall of the Roman Empire (Rus. ed.: Nevedomskiy V. N., transl. *Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii*. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 427 p.).
6. Gonzalez H. L. The Story of Christianity (Rus. ed.: Skorohodov B. A., transl. *Istorija hristianstva*. T. 2: *Ot jepohi Reformacii do nashego vremeni*. St. Petersburg, Biblija dlja vseh Publ., 2002. 377 p.).
7. Gorodetskaya N. B. "Serbs" or "Yugoslavs": On the Question of National self-determination in socialist Yugoslavia. In: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2017, no. 2 (22), pp. 63–76.
8. Eldin M. A., Malozemov S. I. [The Agrarian Policy of the Nicene Empire and the Spiritual and Moral Factor in the History of the Restoration of the Byzantine Empire]. In: *Lokus: ljudi, obshchestvo, kul'tura, smysly* [Locus: People, Society, Culture, Meanings], 2021, vol. 12, no. 1, pp. 119–132.
9. Zhavoronkov P. I. [The Position and Role of Ethnic Groups in the Socio-Political Structure of the Nicene Empire]. In: *Vizantijskij vremennik* [Byzantine vremennik], 1996, vol. 56 (81), pp. 134–143.
10. Ilyin V. V. *Rossija v soobshchestve mirovyh civilizacii* [Russia in the community of world civilizations]. Moscow, KDU Publ., 2009. 198 p.

11. Ponomareva E. G. *Novye gosudarstva na Balkanah* [New States in the Balkans]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2010. 252 p.
12. Khokhlov V. A. [Byzantine Culture and Philosophical and Theological Thought of Russia in the XIX century]. In: *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2020, vol. 21 (2), pp. 229–233.
13. Shuvalov V. I. [E. Gibbon and the Problem of Christianity as a Socio-Psychological Phenomenon]. In: *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences], 2019, no. 1 (49), pp. 79–89.
14. Eisenstadt S. N. *Revoljucija i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izučenie civilizacij* [Revolution and Transformation of Societies. Comparative Study of Civilizations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 416 p.
15. Ahrweiler H. L'expérience niceenne: L'an prochain a Constantinople. In: *Dumbarton Oaks Papers*, 1975, vol. 29, pp. 21–40.
16. Angold M. *A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261)*. Oxford, University Press, 1975. 332 p.
17. Dragović-Soso J. Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i oživljavanje nacionalizma. Beograd, Fabrika knjiga, 2004. 411 s.
18. Lecky W. E. H. *A History of European Morals from Augustus to Charlemagne*. Vol. 2. New York, Appleton and Company, 1869. 423 p.
19. Pappadopoulos J. B. *Theodore II Lascaris, Empereur de Nicee*. Paris, Librairie Alphonse Picard et fils, 1908. 214 p.
20. Jeffreys E., Haldon J., Cormack R., eds. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*. New York, Oxford University Press, 2008. 1021 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елдин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва;
e-mail: eldin1974@yandex.ru

Малоземов Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва;
e-mail: semalozemov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail A. Eldin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University;
e-mail: eldin1974@yandex.ru

Sergey I. Malozemov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev State University;
e-mail: semalozemov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Елдин М. А., Малоземов С. И. Моральные и политические основы имперских традиций Балканского полуострова и России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-6-15

FOR CITATION

Eldin M. A., Malozemov S. I. Moral and Political Foundations of the Imperial Traditions of the Balkan Peninsula and Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 6–15.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-6-15

УДК 124.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-16-22

ЗНАЧЕНИЕ СИМБИОЗА ДУХОВНЫХ ПОСТУЛАТОВ «ВЕРА – ИДЕЯ» ДЛЯ КАЗАЧЕСТВА

Комаров А. П.*Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет)**109004, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть значение симбиоза духовных постулатов «вера – идея» в аксиологической структуре казачества.

Процедура и методы. Автором проанализированы исследования по истории и современному состоянию казачества, по которым можно выявить духовные ценности казаков и проследить эволюцию данных ценностей. Проанализированы также онтологические основания казачества в различные исторические эпохи и сделан вывод о роли симбиоза постулатов «вера – идея» в духовной жизни казаков. В ходе исследования были использованы такие методы социально-философского исследования, как метод сравнительного философского анализа, метод синтеза, метод интерпретации. Нами также был применён философско-исторический подход, который позволил осмыслить динамику духовных ценностей казачества, что позволило доказать положение о том, что, исторически изменяясь, духовные ценности казаков меняли природу казачества как общности.

Результаты. Сделан вывод, что в разные исторические эпохи на главенствующее место в аксиологической иерархии казачества выходили как вера, так и идея. Вера всегда являлась основой мировоззрения казаков. Это обстоятельство способствовало утверждению в казачьей среде духовной парадигмы жизни и служения казачества – «казак без веры – не казак».

Теоретическая и/или практическая значимость. В исследовании доказано, что духовные ценности казачества основываются на симбиозе духовных постулатов «вера – идеал бытия» или «идея – вера», что имеет особое значение для исследования аксиологических оснований этой уникальной социальной общности. Практическая значимость работы заключается в том, что её выводы могут быть использованы в процессах: развития государственной политики в сфере поддержки российского казачества, формирования общероссийского идеала на основе ставшего традиционным для казаков постулата «вера – идея»; внесения изменений в содержание общего образования, воспитательной деятельности всех участников образовательных отношений; поддержки деятельности российских СМИ и учреждений социальной сферы, ориентированных на формирование у казачества базовых положительных ценностей и на их распространение среди других социальных общностей России.

Ключевые слова: аксиология, вера, духовный постулат, идея, казак, казачество, православие, Русская Православная Церковь, ценность

THE SIGNIFICANCE OF THE SYMBIOSIS OF THE SPIRITUAL POSTULATES “FAITH - IDEA” FOR THE COSSACKS

A. Komarov*Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky
(First Cossack University)**ul. Zemlyanoi Val 73, Moscow 109004, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the meaning of the symbiosis of spiritual postulates “faith – idea” in the axiological structure of the Cossacks.

Methodology. The author analyzes the studies on the history and current state of the Cossacks, which can reveal the spiritual values of the Cossacks and trace the evolution of these values. The ontological foundations of the Cossacks in various historical epochs are analyzed and conclusions are made about the role of the symbiosis of the “faith – idea” postulates in the spiritual life of the Cossacks. The research uses the following methods of the socio-philosophical research: the method of comparative philosophical analysis, the method of synthesis, the method of interpretation. The philosophical and historical approach was also used, which made it possible to comprehend the dynamics of the spiritual values of the Cossacks. This enabled to prove the statement that, while historically changing, the spiritual values of the Cossacks changed the very nature of them as a social community.

Results. It was concluded that in different historical epochs, both faith and an idea were prior in the axiological hierarchy of the Cossacks. Faith has always been the basis of their worldview. This circumstance contributed to establishing in the Cossack environment the spiritual paradigm of life and service “a Cossack without faith is not a Cossack”.

Research implications. The study proves that the spiritual values of the Cossacks are based on the symbiosis of spiritual postulates “faith – the ideal of being” or “idea – faith”, which is important for the study of the axiological foundations of this unique social community. The practical significance of the work lies in the fact that the conclusions obtained in its course can be used for improvement of the state policy to support the Russian Cossacks, as well as for the formation of a national ideal on the basis of the “faith-idea” postulates established by the Cossacks; for making adjustments to the content of general education and family upbringing, for supporting the activities of the Russian media and social institutions oriented on developing the basic values among the Cossacks and their dissemination in the country.

Keywords: axiology, faith, spiritual postulate, idea, Cossack, the Cossacks, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, value

Введение

Во все периоды своей истории для казачества православная вера являлась базовой духовной ценностью. При этом необходимо уточнить, что она эволюционировала в рамках симбиоза духовных постулатов «вера – идея». Это означало, что в ходе различных периодов своего развития в общественном сознании казачества как социальной общности доминирующее место занимали как вера, так и идея [5, с. 161].

Сделанный выше вывод порождает потребность в анализе содержания этих двух феноменов. Известно, что понятия «вера» и «идея» в среде казачества понимаются, как правило, на эмпирическом уровне, что не даёт возможности их полного и всестороннего раскрытия. Вместе с тем, именно на идеале Бога, на православной вере и идеалах Церкви как духовных ценностях основывался «патриотизм казачества», об-

раз жизни казака и казачки, уклад казачьей семьи и казачьего общества – хутора или станицы.

Анализируя понятие «вера» в религиозном аспекте, следует указать, что его трактовка не претерпевала существенных изменений в различные исторические эпохи. Вера представляет собой некое ощущение единения человека и Бога, принятие Его в качестве высшей Сущности, что сопровождается ожиданием поддержки от Него в сложных для человека периодах жизни, надеждой на лучшее будущее в неземной жизни. Последнее формируется через веру, хотя нередко оснований для такого вывода бытие не даёт. Приобретаемый благодаря вере оптимизм, ориентация на позитивное будущее, а, значит, достаточно конструктивное восприятие окружающей действительности проявляется в основанной на опыте вероисповедания возможности воз-

никновения благоприятных условий по воле Божией, что приведёт в дальнейшем к разрешению проблемных ситуаций в жизни верующих. Такой оптимизм является важным фактором ориентации казаков на достижение поставленных целей, обнаружения новых точек приложения их сил, формулирования важных задач и обретения ранее недоступных и малоизвестных ценностей.

Не меньшее значение для человека имеет и ориентация на идеал. Безусловно, идеал не является истиной, но, поскольку истина представляет собой знание, которое отражает природные и сущностные характеристики объекта, существующего независимо от нашей воли, идеал является именно тем знанием, которое представляет нам картину мира не такой, какой она существует в реальности, а такой, какой она должна быть согласно нашему желанию, прогнозу [2, с. 3]. И в данном случае идеал является противоположностью истины.

Однако идеал обладает определённой спецификой – он не является заблуждением, несмотря на своё принципиальное отличие от истины. Заблуждение представляет собой отклонение знания от истины, происходящее вопреки желанию субъекта, в то же время как идеал является точным представлением о желательных изменениях в том или ином объекте. Это означает, что «идеалов» может оказаться очень много, однако их плюрализм не противоречит с монизмом истины. Чтобы построить картину будущего (должного), следует знать как истинную картину существующего, которая отражает конкретное бытие человека, той или иной социальной общности, так и идеал будущего.

Воплощая идеал в жизнь через свою деятельность, человек наполняет последнюю смыслами, которые содержатся в самом идеале. Если же жизнь людей не наполнена идеалами, то она становится бессмысленной. Это позволяет сделать вывод – истина без идеала не имеет перспектив в будущем, а идеал без истины не может быть достигнут.

Духовные основы образа жизни казака

Духовной основой образа жизни социальных общностей могут выступать и вера, и идеал. Казачество не является исключением. Так, характеризуя образ жизни казаков допетровского времени, В. М. Пудавов писал: «Проникнутая высоким чувством христианства, жизнь эта пролегла в непрерывной кипучей борьбе и, нося на себе кровавый венец мученический, всегда оставалась торжествующей победительницей во славу веры Христовой и царства Русского. Первыми словами боевого девиза, вышитого золотом на знамёнах казаков, были “За веру...”» [8, с. 87]. Тем самым, вера и идеал оказывались близкими, что проявлялось в исповедании казачеством Православия. При этом православная вера являлась аксиологической основой идеалов казачества, определяя в симбиозе «вера – идея» свою доминирующую позицию.

Следует заметить, что определяющими формами своей жизнедеятельности казачество считало не «стиль жизни» и не «качество жизни», а «образ жизни», что само по себе является ценностью, поскольку образ жизни представляет собой духовное образование, сочетаемое с определёнными вещественными компонентами [3, с. 47]. По нашему мнению, образ жизни представляет собой совокупность принципов, идей, воззрений, мировоззренческих установок, которые определяют мотивацию деятельности и общения человека. Образ жизни также предполагает использование определённых средств, приемлемых для достижения общественно значимых целей [1, с. 21], определяет характер и содержание видов ответственности в случаях, когда результаты активности того или иного субъекта не позволили достичь запланированной цели.

Образ жизни казаков базировался на православной вере и любви к Родине. Следствием этого выступали такие социальные установки, как:

- ориентация казачества на обеспечение единства и целостности страны;
- сохранение российским государством своего подлинного суверенитета;
- охрана устоев государства [8, с. 93].

Но принадлежность к вере означала для казаков и принадлежность к Православной Церкви. Чувство такой принадлежности формировалось в процессе совместной молитвы, празднованиях православных праздников, участии в жизни прихода и в других совместных делах в русле осуществления принципа соборности¹.

При обобщении сказанного эту связь следует сформулировать в такой логике: быть казаком означает не только находиться рядом с православным храмом и охранять веру, быть казаком означает принимать всё, что происходит в храме и в Церкви. Для этого казаки были обязаны соблюдать все православные обряды и участвовать в таинствах Церкви. К примеру, нельзя быть казаком и не причащаться, не исповедоваться, жить в невенчанном браке.

Православие как основа служения казачества

В контексте указанной выше логики, утверждался и закреплялся в среде казачества главный духовный принцип формирования казачьей общности, определявший смысл жизни и службы казаков, – «казак без веры – не казак». И в настоящее время данный принцип является основным принципом духовного единения казачества [9].

Как убедительно показал в своих исследованиях С. Н. Лукаш, идеал беззаветного служения Родине, который сформировался в среде казачества, имел свои корни в православном идеале служения Богу во Христе. Это принципиально важно, т. к. усилия Церкви, наряду с семьёй и другими институтами образования и социализации обеспечивали утверждение в сознании казаков и казачек смыслов и ценностей казачьей культуры. Единение Церкви, семьи, казачьей общины было основано не на механистическом, бессистемном подходе, который предполагал бы разовые воспитательные и обучающие действия. Такое единение базировалось на традициях ка-

зачьего общежития и русской соборности, совместной жизни детей и взрослых, объединённых благородной целью укрепления духа казачества и его культуры [6, с. 98].

Казак всегда воспитывался как «воин духа». Его мировосприятие и образ жизни должны были утвердить в более молодых товарищах особый уклад казачьей души, основанный на православной вере и патриотических ценностных ориентациях. Поэтому казак обязан был сравнительно легко преодолевать трудности военной жизни и быта, не поддаваться страху и унынию, жажде наживы и стремлению к власти. Он должен был являться для окружающих примером честности, смелости, трудолюбия, целеустремленности, самоотверженности, поскольку смыслом его жизни являлось служение Отечеству, Богу, казачеству в целом и своей семье в частности [7, с. 54].

Поэтому воинскую культуру казачества следует характеризовать как культуру воина – патриота, защитника Отечества, православной веры, национального достоинства народа. Воинское служение обусловило особенность исповедания казачеством христианства, которое основывалось на синтезе православных ценностей с соблюдением казачьих боевых традиций, базировавшихся на словах Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13).

В условиях соблюдения норм православного вероучения и выполнения воинского долга у казаков постепенно формировались такие черты, как: осознание ответственности за судьбу Родины, своей казачьей общности (войска, станицы, хутора), своего рода и своих товарищей; чувство собственного достоинства; глубокое уважение к личной свободе в сочетании с уважением к окружающим. Однако, говоря о свободе, следует заметить, что её понимание казаками носило исключительно православный смысл. Свобода понималась ими в качестве добровольного и осознанного служения Богу, своей Родине и казачеству, а не как своеволие.

¹ Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. О смыслах. М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2018. С. 254.

Легендарная казачья доблесть также базируется на православных идеалах, что в своё время породило поговорку: «Мать казака – Православная вера, а шашка – сестра». Так традиционно проводы казака на военную службу сопровождаются общим напутственным молебном. Храм казаки посещают с оружием, но, по сложившейся традиции, обнажают его лишь в почётном карауле у знамени в момент принятия присяги и при чтении Евангелия, символически демонстрируя готовность защитить православную веру¹.

Эволюция духовных ценностей казачества в XX в.

Установление Советской власти внесло коренные изменения в бытие казачества. Оно прекратило своё существование как особое сословие, влившись в рабочий класс и крестьянство – основные классы советского общества, а также в состав интеллигенции. Однако, несмотря на это, духовный стержень казачества, о котором речь велась выше, не разрушился. По-прежнему определяя духовные ценности казаков, он в определённой мере видоизменился, сменив свою основу с парадигмы «вера – идея» на парадигму «идея – вера».

Такой смене способствовало возникновение противоречия между «верой» и «идеями», детерминированное противоречием между «нижними» и «верхними» слоями казачества. Долгое время эти две составляющие духовной основы казачества сосуществовали достаточно гармонично. Однако социально-экономическое расслоение казачества, во многом стимулированное превращением его в служилое сословие Петром I, социально-экономическим развитием страны в период перехода от феодальных к капиталистическим отношениям, не могло не сказаться на духовной составляющей казачьей жизни. После установления в нашей стране Советской власти, которая провозгласила идею по-

строения бесклассового справедливого общества, не допуская имущественного неравенства, и предполагавшего равенство социальное, ценность веры утратила свою доминирующую роль. В связи с этим очевиден тот факт, что вера не могла оставаться и системообразующим фактором жизни казаков.

Как известно, Декрет ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. упразднил казачество как сословие и, соответственно, распустил казачьи воинские формирования². Однако такое формальное упразднение создало для Советской власти значительные трудности, поскольку вызвало недовольство в казачьей среде. Неудивительно поэтому, что территории компактного проживания казаков стали в Гражданскую войну основными базами формирования Белого движения, казачьи части и подразделения были главной силой Добровольческой армии. Справедливости ради отметим, что в Красной Армии также имелись казачьи части и подразделения, но в их составе воевала лишь небольшая, не более десяти процентов от общего числа казачества, часть.

После того, как в 1925 г. пленум ЦК РКП(б) признал недопустимым «игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер в борьбе с остатками казачьих традиций» [4, с. 39], духовная парадигма «идея – вера» начала проявлять себя в практической плоскости. Она стала духовной основой формирования в 1936 г. ряда казачьих кавалерийских дивизий, преобразованных позднее в кавалерийские корпуса, которые героически сражались в годы Великой Отечественной войны.

Идея построения в стране коммунизма, и прежде всего, его первой фазы – социалистического общества, стала доминантой сознания как тех казаков, которые занимались мирным трудом, так и тех, кто служил в советских Вооружённых Силах. Такова была динамика изменения базовых

¹ Философия и религиозная основа казачьего мировоззрения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazak41.ru/page5.html> (дата обращения: 04.01.2022).

² Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 10 (24) ноября 1917 года // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 72.

духовных ценностей казачества в период СССР, которая привела к господству парадигмы «идея – вера».

Социально-политические и экономические преобразования в нашей стране, начавшиеся во второй половине 80-х гг. и приведшие к распаду Советского Союза, актуализировали обращение к традиционным ценностям казачества. С начала 90-х гг. XX в. начался процесс возрождения казачества, духовной основой которого стала парадигма, в которой на первое место была поставлена «вера» [6, с. 41]. При этом православная вера как ведущая духовная ценность казачества провозглашалась всеми без исключения казачьими обществами и общественными объединениями казаков постсоветской России.

Заключение

В настоящее время казаком можно считать не только и не столько того, кто имеет «казачьи корни», но прежде всего того, кто исповедует православие, принимает традиционные ценности казачества, руководствуясь в своей жизни этими ценностями и православными канонами. Это не исключает, что казаком может быть человек, народ которого традиционно исповедует другую, нежели православие, конфессию. При этом

принадлежность казаков к православной вере – это факт, который свидетельствует о том, что в духовной парадигме возрождающегося в России казачества, в основе формирования и воплощения в действительность ценностей казачества, находится «вера», а не «идея». При этом следует признать, что первенство идеи было определяющим фактором в сохранении ценностей казаков, которые сохранялись и воспроизводились в Советском Союзе.

Таким образом, ценности казачества стали утверждаться на существовавшей до установления Советской власти духовной парадигме казачества «вера – идея». Представляется, что сегодня наиболее перспективным для разрешения многих внутренних и внешних противоречий развития казачества может быть «взгляд» на него как на социальную общность, утверждающуюся на основе духовного симбиоза «вера – идея», где основополагающую роль играла бы православная вера. Данная мысль вполне согласуется с фактами, свидетельствующими о несомненной взаимообусловленности развития в современной России не только казачества, но и других социальных общностей, соработничества государства и Церкви.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакурадзе А. Б. Функции и иерархия ценностей управления социальной организацией // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 17–26.
2. Бакурадзе А. Б. Что есть истина, и как её понимают и воспринимают современные педагоги? // Эксперимент и инновации в школе. 2013. № 3. С. 2–4.
3. Бондарева Я. В., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 43–51.
4. Комаров А. П. Социально-философский анализ ценностей современного российского казачества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 1. С. 37–48.
5. Комаров А. П. Эволюция традиционных ценностей казачества в Российской империи и СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 158–166.
6. Лукаш С. Н. Педагогика казачества: прошлое и настоящее Юга России. М.: Центральное изд-во УМНЛ, 2008. 302 с.
7. Митрополит Кирилл (Покровский). Приумножая духовные и культурные традиции казачества. Ставрополь: Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2019. 213 с.
8. Пудавов В. М. История Войска Донского и старобытность начал казачества. М.: Мир русского слова: Сверхновая Былина, 2015. 484 с.
9. Шафажинская Н. Е. Духовно-нравственные основы и потенциал российского казачества: вера, культура, патриотическое служение. М.: Инфра-М, 2015. 204 с.

REFERENCES

1. Bakuradze A. B. [Functions and Hierarchy of Values in the Management of a Social Organization]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 1, pp. 17–26.
2. Bakuradze A. B. [What is Truth, and the Way it is Understood and Perceived by Modern Teachers?]. In: *Eksperiment i innovacii v shkole* [Experiment and Innovation at School], 2013, no. 3, pp. 2–4.
3. Bondareva Ya. V., Molchan E. M. [Spiritual and Moral Values as a Vector for the Development of Social Systems]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 1, pp. 43–51.
4. Komarov A. P. [Socio-philosophical Analysis of the Values of the Modern Russian Cossacks]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2018, no. 1, pp. 37–48.
5. Komarov A. P. [Evolution of the Traditional Values of the Cossacks in the Russian Empire and the USSR]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 1, pp. 158–166.
6. Lukash S. N. *Pedagogika kazachestva: proshloe i nastoyashchee Yuga Rossii* [Pedagogy of the Cossacks: Past and Present of the South of Russia]. Moscow, Central'noe izd-vo UMNL Publ., 2008. 302 p.
7. Mitropolit Kirill (Pokrovskij). *Priumnozhaya duhovnye i kul'turnye tradicii kazachestva* [Increasing the Spiritual and Cultural Traditions of the Cossacks]. Stavropol, Stavropol'skaya duhovnaya seminariya Publ., 2019. 213 p.
8. Pudavov V. M. *Istoriya Vojska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva* [The History of the Don Cossacks and the Ancient Beginnings of the Cossacks]. Moscow, Mir russkogo slova Publ., SverHnovaya Bylina Publ., 2015. 484 p.
9. Shafazhinskaya N. E. *Duhovno-nravstvennye osnovy i potencial rossijskogo kazachestva: vera, kul'tura, patrioticheskoe sluzhenie* [Spiritual and Moral Foundations and Potential of the Russian Cossacks: Faith, Culture, Patriotic Service]. Moscow, Infra-M Publ., 2015. 204 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Алексей Павлович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета);
e-mail: komarov_alexey11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komarov Alexey Pavlovich – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of History, Philosophy, Literature and Continuing Cossack Education, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky (First Cossack University);
e-mail: komarov_alexey11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Комаров А. П. Значение симбиоза духовных постулатов «вера – идея» для казачества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 16–22.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-16-22

FOR CITATION

Komarov A. P. The Significance of the Symbiosis of the Spiritual Postulates “Faith – Idea” for the Cossacks. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 16–22.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-16-22

УДК 141

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-23-31

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВАЖНОСТЬ ЕЁ УСВОЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Майкова В. П.¹, Молчан Э. М.¹, Гавва Р. В.²

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности философии любви в русской литературе.

Процедура и методы. Проанализированы литературно-художественные произведения классиков XIX в., начала XX в., времён Великой Отечественной войны. На основе историко-философского подхода и социально-философского анализа сделан вывод, что в русской литературе любовь многослойна, противоречива, различные времена и исторические события раскрывают разные уровни любви, стремясь к полному её раскрытию, никогда не достигая этой цели. При всём многообразии проявления любви имеется общее в её природе, смысле и характере, а именно, метафизика любви, которая является истинной экзистенцией человека. Применены общенаучные методы теоретического познания, методы системного анализа, сравнения и обобщения зарубежных и российских исследований по проблеме философии любви в произведениях русских писателей и поэтов.

Результаты. В контексте раскрытия философии любви, выраженной в творчестве русских классиков, любовь представлена как источник бытия, существующий в разнообразных формах, которые можно классифицировать следующим образом: 1) в виде абсолютности и объективности: возникающая беспредпосылочно, любовь пронизывает абсолютно всё; 2) в виде относительности и субъективности: любовь есть внутреннее переживание человека; 3) в виде трансцендентности: любовь выходит за пределы телесности, жизни, обретая бессмертие. Любовь может быть стремлением к совершенству, и тогда сама становится совершенством, в котором Бог является смысловой интуицией любви. Влечение и любовование, вожделение и забота, симпатия и благоговение – такова классификация любви. Любовь пластична в своей обращённости к прекрасному, восхождению от красоты тела к красоте души, к красоте духа, Бога. Сквозная тема произведений русских литераторов: *любовь как жизнь и любовь как смерть, как великая жертва, самопожертвование.*

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в методологическую базу социальной философии и обусловлены техногенной цивилизацией, информационными и другими технологиями, встраивающимися в новые общественные отношения и меняющими смыслы жизненных ценностей человека, трансформируя самые уязвимые из них. Тема гендерных отношений, взаимоотношений мужчины и женщины, современного понимания любви приходит в разрез с философией любви, выраженной в русской литературе. Осознание первостепенности духовной стороны любви, сакрального её смысла, *любви как тайны*, красоты, имеющей свой сокровенный, таинственный язык, может стать ориентиром духовно-нравственного развития общества и является эффективным средством проявления сущности человека и восстановления его целостной природы, воспитания патриотизма.

Ключевые слова: борьба, героизм, источник жизни, любовь и жизнь, любовь и смерть, мечта, патриотизм, прекрасное, противоречивость, эрос

THE PHILOSOPHY OF LOVE IN RUSSIAN LITERATURE AND THE IMPORTANCE OF ITS ASSIMILATION FOR THE FORMATION OF A SYSTEM OF LIFE VALUES

V. Maykova¹, E. Molchan¹, R. Gavva²

¹Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya 1 str. 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the features of the philosophy of love in Russian literature.

Methodology. The literary and artistic works of the classics of the 19th century, of the early 20th century and of the period of the Great Patriotic War are analyzed. Based on the historical-philosophical approach and socio-philosophical analysis, it was concluded that in Russian literature, love is multilayered, contradictory, different levels of love are revealed through different times and historical events, striving for its full disclosure, never reaching this goal. With all the variety of manifestations of love, there is something in common in its nature, meaning and character, namely, the metaphysics of love, which is the true existence of the man. General scientific methods of theoretical knowledge, methods of system analysis, comparison and generalization of foreign and Russian studies on the problem of the philosophy of love in the works of Russian writers and poets are applied.

Results. In the context of the disclosure of the philosophy of love, expressed in the creative activity of Russian classics, love is presented as a source of being that exists in various forms, which can be classified as follows: 1) in the form of absoluteness and objectivity, arising without preconditions, love permeates absolutely everything; 2) in the form of relativity and subjectivity, love is an inner experience of a person; 3) in the form of transcendence, love goes beyond corporeality, life, gaining immortality. Love can be a striving for perfection, and then it itself becomes perfection, in which God is the semantic intuition of love. Attraction and admiration, lust and care, sympathy and reverence - this is the classification of love. Love is plastic in its appeal to the beautiful, the ascent from the beauty of the body to the beauty of the soul, to the beauty of the spirit, and God. A cross-cutting theme of the works of Russian writers is: *Love as Life and Love as Death, as a great sacrifice, and self-sacrifice.*

Research implications. The material on the topic under study is summarized. The results of the study contribute to the methodological basis of social philosophy and are due to the technogenic civilization, information and other technologies that are embedded in new social relations and change the meanings of human life values, transforming the most vulnerable of them. The topic of gender relations, the relationship between a man and a woman, the modern understanding of love comes into conflict with the philosophy of love expressed in Russian literature. Awareness of the primacy of the spiritual side of love, its sacred meaning, love as a mystery, beauty, which has its own secret, mysterious language, can become a guideline for the spiritual and moral development of society and is an effective means of manifesting the essence of man and restoring his integral nature and patriotism development.

Keywords: struggle, heroism, source of life, love and life, love and death, dream, patriotism, beauty, contradiction, Eros

Введение

Техногенная цивилизация, информационные и другие технологии, которые встраиваются в новые общественные отношения, меняют смыслы жизненных ценностей человека, трансформируя самые уязвимые из них, те, что представляют

собой основу человеческого рода как биологического вида и духовного существа. Чем шире и глубже охватывают эти изменения социум, тем острее становится в философии тема гендерных отношений, взаимоотношений мужчины и женщины, современного понимания любви, зача-

стью оцениваемой сегодня пользой, выгодой, размытием традиционного смысла. Увеличение суицидальных действий в последние десятилетия, что зафиксировано в социологических отчётах, многие учёные связывают с этими преобразованиями, разрушающими прежние сущностные содержания и потому делающими человека растерянным, не понимающим происходящего.

Любовь как «система»

По мнению психолога В. А. Снегирёва, любовь представляет собой сложную и неоднозначную совокупность явлений, целую обширную группу, которая складывается из различных форм и видов, но которая, по сути, телеологически одного естества и одного состава [6, с. 131]. Она создаёт цели и смысл жизнь человека. Любовь играет роль связующей силы, наделяя в высшей степени ценностью свой предмет нежности, объединяясь с ним, и может служить источником счастья. Без любви чувствуется неполнота, недостаток единичного бытия и, следовательно, своего рода слабость и бессилие, которые усложняются и видоизменяются в различных условиях, вызванных разными ассоциациями. Действие любви расценивается как закон самосохранения. Чем ниже существо, тем проще и однообразнее, правильнее, неотразимее действует этот закон. Оттого животное эгоистичнее человека, дитя эгоистичнее взрослого, дикарь эгоистичнее нравственного и образованного человека. Так как стремление к счастью и благосостоянию составляет цель сознательной жизни, жизнь человека при таком понимании любви рассматривается как эгоистический процесс самосохранения, и духовное развитие человека определяется как процесс приспособления к окружающим условиям, как духовное орудие борьбы в борьбе за существование. Такая любовь определена понятием «переодетый эгоизм» или, как говорил римский философ Цицерон, переодетый порок [5]. Аристотель классифицировал понятие любви таким образом:

сторге – любовь детей и родителей, мания – сумасшедшая любовь, прагма – рассудительная любовь, агапао – жертвенная любовь, людус – любовь-забава, эрос – чувственная любовь, животная, филое – дружеская любовь, поддержка, диафосис – любовь к другим, равная любви к себе, самая редко встречающаяся из прочих [1]. Рационалисты материализовывали метафизический смысл любви, вытесняя его духовную суть и заменяя физиологией или расчётом, но, как метко подметил русский поэт Н. С. Гумилёв, «знание без любви – это большое знание», это вечная пустота¹. Русский писатель конца XIX – начала XX вв. Л. Н. Андреев, 150-летний юбилей со дня рождения которого отмечался в 2021 г., в произведении «Мысль» также показывает разрушительную силу размышлений, лишённых любви².

Онтологический аспект любви

Учение о любви как основе бытия человека получило творческое развитие в трудах представителей русской религиозной философии: П. А. Флоренского («Столп и утверждение истины») [9], Н. О. Лосского («Условия абсолютного добра») [3], С. Л. Франка («С нами Бог. Три размышления») [10]. Для них любовь есть высшее духовное единение с Богом. Она рождается и хранится в сердце человека и является источником добра, красоты, основой всей духовной жизни. В. С. Соловьёв («Смысл любви») [7] выделял два начала любви – идеальное и природное, а процесс любви рассматривал как восхождение и нисхождение [6]. Вслед за Б. Спинозой, А. Шопенгауэром и другими западными философами, Н. А. Бердяев в работе «Эрос и личность: философия пола и любви» сводил любовь к эросу, слиянию двух полов, в результате которого рождается целостная личность [2]. У В. В. Розанова любовь понимается как репродукция людей, дети –

¹ Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. С. 466–472.

² Андреев Л. Н. Мысль // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Рассказы и повести 1898–1903. М.: Книговек, 2012. С. 391–435.

наивысший результат творчества. Уделяли этой теме внимание и русские космисты – Н. Ф. Федоров и В. И. Вернадский. Не оставляют без интереса философию любви и современные мыслители. В 1990 г. вышел в свет двухтомник «Философия любви»¹, где представлены различные аспекты данной проблемы.

Философская проблема любви во всей её сложности и неоднозначности также отражена и в литературе. По словам участников Круглого стола «Философия и литература: проблемы взаимных отношений», без литературы немыслимо обсуждение глубоких философских вопросов. «Литература – в снятом, скрытом виде – проникла и навсегда осталась в сердце философа», «теперь сочинения Ф. М. Достоевского или Кафки, например, соотнесены с множеством методов, с помощью которых они включаются раз за разом в различные философские традиции» [8].

По-своему особенно и оригинально отразили философию любви русские писатели и поэты, обратившие внимание на противоречивость любви, её многослойность, неоднозначность, двойственность природы, мистику и другие аспекты. Русские классики в большей степени отмечали метафизику любви, отождествляли её с душой, называли местом рождения и пребывания любви сердце как средоточие души. Вот что пишет один из известных выразителей русской души, поэт XIX в., член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, панславянист А. Н. Майков: «любовь есть вся моя душа». Но сердце также место сражения любви – благодати (так вас любит, такою благодатью полна) и любви – страсти: «чем сердце сражено, и тогда страдания и слёзы мы опять душой благословим». Поэтому любовь – это вечный процесс, борьба с самим собой. «Как много любишь ты, как много ты страдала». В то же время Любовь – это тайна, имеющая свой сокровенный, таинственный язык, которому «сердце внимлет». Любовь неотделима от

прекрасного, и сама является красотой, красотой жизни, в основе которой лежит вера: «И ты невольно сим явлениям да rueшь жизни красоты, и этим милым заблуждениям и веришь и не веришь ты!». Писатель соотносит любовь и веру, они невозможны друг без друга, и в этой необходимости проявляется свобода: я люблю – я верю – я свободен². Философскую проблему свободы русские писатели предлагают рассматривать не столько с точки зрения сознания, как это делают рационалисты – Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель и др., – а через любовь и веру. *Любовь как воля* в творчестве М. И. Цветаевой способствует целостности человека, собиранию в его телесно-душевно-духовной сущности, но «есть любовь как доля», как завоевание, где возможны и любовная ложь, и любовная правда, где человек одновременно «и арлекин, и авантюрист». Философию любви как проблему свободы раскрывает и Л. Н. Андреев в повести «Бездна». Он соотносит её с философской проблемой духовности и телесности человека, проводя резкую границу между любовью – нежностью, наполненной молчаливой радостью, призывающей к добрым помыслам, созиданию милосердия, и грубым эросом, как насилием, убивающим душу и толкающим человека в бездну. Такая любовь – смерть, в ней нет свободы. В этом противоречии характера любви автор видит причину расколотости, нецелостности личности, с одной стороны, её духовная высота, духовный идеал, совершенство, но, с другой стороны, ослепление телесностью³.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина любовь также представлена в двух ипостасях: чувственной и духовной. Первая ограничена, ведёт к тщеславию, властолюбию, безграничной жадности и прочим страстям. Вторая проявляется в смирении, в покорности, в желании до-

¹ Философия любви: в 2 ч. / сост. А. А. Ивин. М.: Политиздат, 1990.

² Майков А. Н., Полонский Я. П. Биографии и избранные стихотворения / под ред. Д. И. Тихомирова. М.: Типография К. Л. Меншова, 1909. С. 21.

³ См.: Андреев Л. Н. Бездна // Libcat.ru: [сайт]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/333315-leonid-andreev-bezdna.html> (дата обращения: 30.11.2021).

ставить радость любимому человеку: «Чай, теперь твоя душенька довольна», – волнуется старик за свою старуху¹. Такая любовь не разочаровывается, она созидательна, способствует познанию внутреннего мира человека. Гармония в любви может быть только тогда, когда духовная сторона, носителем которой является мужчина, возвышается над чувственной, которая приводит к ложному пониманию свободы как стремление к получению удовольствия, ограниченному своей материальностью. У любой материи есть предел. Носителем такой любви является женщина. Здесь перекликается с библейским сюжетом об Адаме и Еве, с той разницей, что старик остаётся верен себе, своим духовным принципам. Сопровождаемая верностью любовь побеждает. Верность, вера – важный аспект любви, придающий ей целостность, устойчивость, свободу [4].

Губительную сторону чувственной любви, лишённой духовности, раскрывают многие русские классики. Н. С. Гумилёв в стихотворениях «Кредо», «Константинополь» и др., следуя пушкинской традиции, противопоставляет страсть, страдание чувственности и невинность, трепетность, стыдливость духовности в любви, которая «из душ родилась возле моря»². Последняя соотносима с девственной чистотой, красотой, нежностью: «как странно нежны гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя», – но такая любовь мечта, она товарищ от Бога и недосыгаема, как сам Бог, вечный и беспредельный: «Но любовь разве цветик алый, чтобы ей лишь мгновение жить, но любовь разве пламень малый, что её легко погасить?». В этой двойственности поэт видит противоборство жизни и смерти. *Любовь как жизнь и любовь как смерть* – сквозная тема произведений русских литераторов и автора стихотворения «Мне снилось», где он резюмирует, когда любовь умирает, люди становятся гробами умершей любви.

Для русской литературы метафизика любви, её трансцендентальный характер являются основными. Богоподобен в своей любви Человек, говорит М. И. Цветаева. Любовь может быть стремлением к совершенству, и тогда сама становится совершенством, в котором Бог является смысловой интуицией любви. Влечение и любование, вожделение и забота, симпатия и благоговение – такова классификация любви поэтессы. Любовь пластична в своей обращённости к прекрасному, восхождению от красоты тела к красоте души, к красоте духа, Бога. Любовь «уцелее на скрижалях», ибо «равноощен, равносущен» каждый в любви. Любовь не разделяет людей на мытарей, грешников или праведников, она, возникая беспредпосылочно, немотивированно, наделяет человека достоинством, выражается в доверии, вырываясь за пределы телесности. Символизм – одно из характерных направлений русской философии, сформированное в поэзии. Символом счастья поэты именуют любовь, которая, по выражению М. И. Цветаевой, становится горой, валящей навзничь небожителей любви и притягивающей на обман, страсть, но гора – это и надгробие, и застроенная дачами возвышенность, это связь неба и земли, как муки и выси, как воплощения драматического диалектического единства противоположностей³. Символом любви символисты также называют солнце и огонь, которые, с одной стороны, дают свет и тепло, и, с другой, обжигают и сжигают. Это «принц огня», по выражению Н. Гумилёва.

Хранителем любви как чистой бескорыстности русские писатели называют дом, семью. У А. С. Пушкина семья может быть бездетной (поэтому старик со старухой, а не дед с бабой) и поэтому может состоять из двух людей, но обязательно, разнополых. В условиях навязывания не свойственных стране ценностей стало важным и актуальным обратить внимание на то, что в русской классической литературе немислима любовь, которую популяризи-

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т.3: Поэмы. Сказки. М.: Гослитиздат, 1960. С. 341–342.

² Гумилёв Н. С. Стихотворения. Поэмы. М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2015. С. 219.

³ См.: Цветаева М. И. Стихи. Саранск: Красный октябрь, 1996. 367 с.

руют различные сторонники нетрадиционных отношений. В семье человек вдруг обнаруживает, находит себя бытийствующим, способным сказать себе: «Я есмь, и я люблю». «Братя, любовь учительница, но нужно уметь её приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работой и чрез долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок», – замечает старец Зосима в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского¹. Разрушенный дом, поломанная семья толкают Анну Каренину на самоубийство. Главную героиню не спасает и любовь к Вронскому, которая становится мукой, страданием и видимой причиной трагедии. В этой динамике проявлена вся коллизия, весь антагонизм любви. Неистовство, выраженное в страсти до болезненности, предательство семьи, неверность делают любовь болезнью, о чём пишут Л. Н. Толстой в произведении «Анна Каренина», М. И. Цветаева в цикле «Комедиант» и другие выразители художественного слова. Берегите гнездо и дом – восклицают литераторы, каждый в своей жанровой стилистике. Надо любить, «как маленькие дети», без надрыва, без предательства, без распушенности, всепрощая, искренно, смиренно, с терпением, надеждой и жертвенно, не сознавая этой саможертвенности, подчёркивает М. И. Цветаева. *Любовь как жертва* становится лейтмотивом целого ряда произведений русских литераторов. «А проравшийся в Бытие человек одним этим счастлив, несмотря ни на какое горе или беду»², – обращается Ф. М. Достоевский к читателям. Жертвенность любви ведёт к очищению. Она бескорытна. Символом такой любви у М. И. Пришвина в произведении «Лисичкин хлеб» является кусочек хлеба, который главный герой дедушка приносил из леса своему внуку как лисичкин. Сакральность хлеба отражена в самом христианском причастии. И хлеб, и любовь источают силу жизни.

Тема *любви как великой жертвы, самопожертвования* стала основной в русской литературе, посвящённой Великой Отечественной войне. Такие значительные авторы XX в., как К. М. Симонов, И. Г. Эренбург, В. П. Астафьев, Б. Л. Васильев, М. А. Шолохов и др., выдвинули на первый план любовь как величайшую ценность. Сам характер народного подвига является летописью любви как долга, веры, надежды, мирной жизни. Судьба Родины, её сохранение выступает доминантой эволюции сущностного содержания понятия любви, смысл которого сопрягается с событиями военных лет. Эстетическая сторона уходит на задний план, красота приобретает патриотический смысл, меняя степень категоричности, характер оценок. К. Симонов в стихотворении «Жди меня» любовь представляет как дар, возможный лишь для избранных³. У О. Ф. Бергольц любовь конкретизируется, она тождественна красоте, равной России, Петербургу: «Я никогда такой красивой, такой влюблённой не была»⁴, – пишет она в блокадном Ленинграде. Любовь разлита в природе, как в «Слове о полку Игореве», и сама является естеством, натурой: «Без вас бледнеют и сохнут рябины, ивы плачут». П. Г. Антакольский одухотворяет три берёзки, речонку, лесок. Из отвлечённой моральной или нравственной философской проблемы она становится экзистенциальной, проблемой существования, пограничной между жизнью и смертью. Возрастает мистическая сила любви: «не понять не ждавшим им, как среди огня, ожиданием своим ты спасла меня». Тема *любви как памяти*, ответственности перед погибшими, как личного счёта, как долга и внутреннего единственного устремления становится художественным осмыслением народной трагедии в произведениях «А зори здесь тихие», «Молодая гвардия» и др. Рождается новый человек с новыми свойствами, по шкале духовных ценностей

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14: Братья Карамазовы. Л.: Наука, 1976. С. 341.

² Там же. С. 404.

³ См. Симонов К. Симонов и война / сост. А. К. Симонова. М.: Время, 2016. 765 с.

⁴ Бергольц О. Ф. Ленинградская поэма. Л.: Художественная литература, 1942. С. 34.

определяемых минувшей войной. В любви типизируются, собираются героические черты целого народа и единичного человека. Художественно изображая человека на войне, писатели не мыслят его отдельно от любви. Особенность философии любви этого периода заключается в преобладающем стремлении воспроизводить подвиг человека через живую летопись любви, сосредотачивая внимание на этой глубокой философско-нравственной проблематике, когда герой на личном опыте познаёт высоту нравственных ценностей, проверенных собственной кровью. Любовь создаёт цельность героев, которые в грозное военное лихолетье существуют не в отвлечённом мире, а хранят в себе конкретные, простые и естественные чувства отчей земли, хлеба насущного, мирного дома. Герои мужают, как крепнет сама любовь в их душах, *любовь как нравственная чистота*, чувство душевной свободы, гордое национальное самосознание, которое с особой чёткостью выявляется в поступках в экстремальных ситуациях войны. *Любовь как совесть* проходит через весь духовный опыт писателей, рассказывавших о войне, и является эффективным средством проявления сущности человека.

Русская литература пронизана темой любви, в том числе и поэтому немецкий писатель Т. Манн писал: «Я с давних пор отношусь с преданной благодарностью к русской литературе, которую я ещё в юношеской новелле “Тонио Крёгер” назвал “святой русской литературой”»¹. Габриэль Гарсиа Маркес так отзывался о произведениях наших классиков-соотечественников: «Я думаю, что для любого писателя в мире русские романисты – основа основ...»². Современный английский писатель и мыслитель Джулиан Барнс в своей оценке русской литературы о философии любви обращается к творчеству И. С. Тургенева: «Он один из лучших писателей, писавших о любви, потому что он понимает приро-

ду неудачи... Тургенев так хорошо пишет о любви, потому что знает, что такое утрата надежд и ожиданий, знает, как любовь разбивается об определённые социальные обстоятельства ... впечатляет не столько описание общества, сколько его понимание человеческого сердца»³.

Тема любви в эпоху постмодерна

В современных условиях постмодернистских взламываний сущностных смыслов жизни, подмены ценностных идеалов на симулякры, естественных ограничений и норм как нападения на свободу, подменяемую произволом и вседозволенностью, философия любви, выраженная в русской литературе, обращает внимание на метафизический смысл любви как истинной экзистенции человека. Подлинная сущность любви противоречива, и в этом противоречии и является движущей силой бытия, человеческого со-бытия не только как области межличностного общения, но и как первичного реального пространства внутреннего, неосознаваемого стремления к воссозданию целостности в себе самом [3].

Как говорил Г. Сковорода, любовь смыкает «кольцо вечности», путём самопознания и обнаружения человеком самого себя в своём бытии и укоренения в другом, являющемся «не ты», это может быть другой человек, общество, природа, культура, космос. В любви выражена сама полнота бытия⁴.

Заключение

Современные мотивы размыwania аксиологически-нормативных пределов любви, сведение её к одному эросу выхолащивают сущностное содержание и смысл любви и самого эроса, ориентированного на внешнюю сторону любви, а её внутренний стержень пропадает вместе с целой гаммой прекрасного, связанного с творческими силами, художественным вымыс-

¹ Манн Т. Новеллы / пер. с нем. М.: Московский рабочий, 1989. С. 8.

² Гарсиа Маркес Г. Любовь во время чумы / пер. с исп. Л. Синянской. М.: АСТ, 2021. С. 345.

³ Барнс Дж. История мира в 10½ главах / пер. с англ. В. Бабкова. М.: Эксмо, 2013. С. 234.

⁴ См.: Сковорода Г. С. Дружеский разговор о душевном мире. М.: Эксмо, 2021. 319 с.

лом, романтикой, мечтой, целостностью человека и устойчивостью общества. Это в полной мере отражено в русской литературе. Философия любви в творчестве русских писателей не ограничивается данной работой, она многофакторна, многоаспек-

тна, недостаточно изучена и потому требует тщательного конкретно ориентированного научного исследования.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика Аристотеля / пер. с греч. Э. Радлова. СПб.: Философское общество, 1908. 207 с.
2. Бердяев Н. Эрос и личность: Философия пола и любви: сборник / сост., вст. ступ. В. П. Шестакова; комм. А. Н. Богословского. М.: Прометей, 1989. 156 с.
3. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
4. Майкова В. П. Целостность и современность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 3. С. 12–16.
5. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях // История Древнего Рима: [сайт]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423060633> (дата обращения: 30.11.2021).
6. Снегирев В. А. Психология. СПб.: Общество памяти игумены Таисии, 2008. 768 с.
7. Соловьёв В. С. Смысл любви: избранные произведения. М.: Современник, 1991. 526 с.
8. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола») [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2009. № 9. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67 (дата обращения: 30.11.2021).
9. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2012. 912 с.
10. Франк С. Л. С нами Бог. Три размышления // Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 217–404.

REFERENCES

1. Aristotle. *Nicomachean Ethics* (Rus. ed.: Radlov E., transl. *Etika Aristotelya*). St. Peterburg, Filosofskoe obshchestvo Publ., 1908. 207 p.
2. Berdyaev N. *Eros i lichnost': Filosofiya pola i lyubvi* [Eros and Personality: Philosophy of Sex and Love]. Moscow, Prometej Publ., 1989. 156 p.
3. Losskij N. O. *Usloviya absolyutnogo dobra. Osnovy etiki. Harakter russkogo Naroda* [Terms of Absolute Goodness. Fundamentals of Ethics. Character of the Russian People]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 368 p.
4. Majkova V. P. [Integrity and Modernity]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2012, no. 3, pp. 12–16.
5. Marcus Tullius Cicero. *Caton l'Ancien (De la vieillesse)* (Rus. ed.: *O starosti. O družhbe. Ob obyazannostyah*). In: *Istoriya Drevnego Rima* [History of Ancient Rome]. Available at: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423060633> (accessed: 30.11.2021).
6. Snegirev V. A. *Psihologiya* [Psychology]. St. Peterburg, Obshchestvo pamyati igumeni Taisii Publ., 2008. 768 p.
7. Solov'yov V. S. *Smysl lyubvi*. [The Meaning of Love]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 526 p.
8. [Philosophy and Literature: Problems of Mutual Relations (Materials of the "Round Table")]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2009, no. 9. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67 (accessed: 30.11.2021).
9. Florensky P. *Stolp i utverzhdenie Istiny. Opyt pravoslavnoj teodicey v dvenadcati pis'mah* [Pillar and Affirmation of Truth. Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2012. 912 p.
10. Frank S. L. [God with Us. Three Reflections]. In: Frank S. L. *Duhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual Foundations of Society]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 217–404.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Гавва Руслан Витальевич – кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника Управления стратегического развития Московского педагогического государственного университета;
e-mail: gavva@rambler.ru ORCID: 0000-0002-4781-8550

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Eduard M. Molchan – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Ruslan V. Gavva – Cand. Sci. (Economy), Assoc. Prof., Deputy Head, Department of Strategic Development, Moscow Pedagogical State University; e-mail: gavva@rambler.ru ORCID: 0000-0002-4781-8550

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Майкова В. П., Молчан Э. М., Гавва Р. В. Философия любви в русской литературе и важность её усвоения для формирования системы жизненных ценностей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 23–31.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-23-31

FOR CITATION

Maikova V. P., Molchan E. M., Gavva R. V. The Philosophy of Love in Russian Literature and the Importance of its Assimilation for the Formation of a System of Life Values. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 23–31.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-23-31

УДК. 37.017.93

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-32-43

ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ТЕОЛОГИЯ» К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ И ИХ СОЦИАЛИЗАЦИИ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Седанкина Т. Е.*Российский исламский институт**420079, г. Казань, ул. Газовая, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть вопросы адаптации студентов теологического факультета к духовно-ориентированному и научно-исследовательскому пространствам вуза и социализации в них.

Процедура и методы. На основе анализа литературы и практического опыта работы в вузе определены социальные и психологические трудности, испытываемые вновь поступившими студентами, и задачи по осуществлению успешной адаптации, стоящие перед педагогическим коллективом. Использование диалектического подхода позволило проанализировать взаимообусловленный процесс приближения теолога-исследователя к постижению теологического знания и одновременного развития его духовной сферы, ведущей к внутренней глубинной трансформации.

Результаты. Показано, что на теологическое сообщество ложится большая ответственность, заключающаяся в качественной подготовке теологов-исследователей – носителей особого типа мышления – посредством формирования определённого исследовательского теологического пространства с помощью особых условий, основанных на грамотном сочетании религиозных традиций и обычаев с академической направленностью, способствующих плавному вхождению студента как в учебный процесс, так и в особое пространство исламского мировосприятия, ведущему к духовно-нравственному развитию личности, а также к формированию особой аксиосферы, основанной на Божественных нравственных законах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленное исследование направлено на совершенствование воспитательного пространства университета в контексте ценностного содержания, основанного на нравственно-религиозных идеалах. Рассмотренные в работе факторы, ценностные сферы и условия адаптации студентов к духовно-ориентированной и научно-исследовательской среде, особенности социализации магистрантов в научно-исследовательском пространстве вуза, типы исследовательского поведения могут быть экстраполированы в практику вузов, реализующих направление подготовки «Теология».

Ключевые слова: внутреннее психическое напряжение, здоровая одержимость, интеллектуальный барьер, логический тупик, мотивация, социализация, теология, факторы адаптации, характеристики исследовательского поведения, ценностная сфера адаптации

Благодарности: статья подготовлена при поддержке грантовой программы Института интеграции знаний IKI Academy (Institute of Knowledge Integration).

ISSUES OF ADAPTATION OF STUDENTS OF THE DIRECTION OF PREPARATION “THEOLOGY” TO THE CONDITIONS OF LEARNING AT THE UNIVERSITY AND THEIR SOCIALIZATION IN THE RESEARCH SPACE

T. Sedankina*Russian Islamic Instituteul. Gazovaya 19, Kazan 420079, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the issues of adaptation and socialization of students of the theological faculty to the spiritually-oriented and research space of the university.

Methodology. On the basis of the theoretical analysis of the literature, as well as practical experience of work at the university, the social and psychological difficulties experienced by newly admitted students and the tasks of successful adaptation facing the teaching staff are determined. The use of the dialectical approach made it possible to analyze the interdependent process of the theologian-researcher's approach to the comprehension of theological knowledge and the simultaneous development of his spiritual sphere, leading to an inner deep transformation.

Results. The results of the study showed that the theological community bears great responsibility, which consists in the high-quality training of theologians-researchers - carriers of a special type of thinking through the formation of a certain research theological space, by creating special conditions based on a competent combination of religious traditions and customs with an academic orientation, contributing to smooth entry of the student both into the educational process and into the special space of the Islamic worldview, leading to the spiritual and moral development of the individual, as well as the formation of a special axiosphere based on Divine moral laws.

Research implications. The presented research is aimed at improving the educational space of the university in the context of the value content based on moral and religious ideals. The factors considered in the article, value spheres and conditions for students' adaptation to the spiritually-oriented and research environment, the peculiarities of socialization of graduate students in the research space of the university, types of research behavior, can be extrapolated into the practice of universities that implement the direction of training "Theology".

Keywords: internal mental stress, healthy obsession, intellectual barrier, logical dead end, motivation, socialization, theology, factors of adaptation, characteristics of exploratory behavior, value sphere of adaptation

Acknowledgments: This research was supported by grant program of the IKI Academy (Institute of Knowledge Integration).

Введение

Поступление студента в высшее учебное заведение сопровождается не только положительными эмоциями, вызванными достижением поставленной цели – первого шага на пути получения высшего образования, но и некоторыми трудностями, как социального, так и психологического характера, среди которых следует отметить:

- отрыв от привычной домашней среды, родных и близких;
- общение с незнакомыми людьми и вызванное в связи с этим формирование определённого типа межличностных связей и отношений;
- усвоение особого уклада жизни, норм, требований и традиций, продиктованных спецификой учебного заведения;
- перестройку системы ценностно-познавательных ориентаций;
- освоение новых способов познавательной деятельности.

Теологический вуз, являясь транслятором духовно-нравственных и этнокультурных ценностей, а также религиозного опыта, в случае нацеленности студентов на получение именно теологических знаний способствует успешной адаптации студента в пространстве образовательного учреждения. При поступлении на теологический факультет большая часть студентов знакомится с единомышленниками, разделяющими их религиозные убеждения, что является хорошей психологической поддержкой и возможностью практиковать свою религию в тесном кругу единоверцев. В случае же случайного (неосознанного) поступления студенты, не имеющие ранее опыта религиозной социализации, могут испытывать значительные трудности, которые в той или иной степени преодолеваются в ходе адаптации.

Несмотря на то, что в магистратуру по направлению «Теология» поступают более взрослые студенты, для которых отрыв от

домашней обстановки, также как и налаживание новых коммуникативных связей, представляется не столь трудным, для них довольно непростой становятся социализация в научно-исследовательском духовно-ориентированном пространстве вуза, формирование особой культуры научного мышления, осознание своей причастности к становлению новой научной теологической отрасли знания.

Несомненно, во вновь возникших условиях жизни первокурсник нуждается в поддержке как своих старших коллег, так и всего педагогического коллектива вуза, перед которым ставится ряд последовательных и в то же время взаимодополняющих задач:

- помощь в адаптации студентов направления подготовки «Теология» к условиям обучения в вузе в общем и к научно-исследовательской среде в частности;

- способствование социализации студента-теолога в научно-исследовательское пространство вуза.

Для наглядности представим часть схемы теоцентрической модели воспитания, касающейся вышеперечисленных задач, которая послужит планом дальнейшего повествования (рис. 1).

В начале рассматриваются вопросы адаптации студентов к условиям обучения в вузе и его духовно-ориентированной среде, для чего приводятся общие факторы успешной адаптации к учебной деятельности (мотивационный, когнитивный, коммуникативный и эмоционально-волевой), анализируются сферы адаптации к духовно-ориентированной среде вуза в соответствии со спецификой получения теологического образования (нервно-психическая, личностная и социально-психологическая сферы). Далее отдельное внимание уделено внешним и внутренним условиям успешной адаптации обучающихся по направлению «Теология» к научно-исследовательской среде вуза.

В ходе анализа социализации студента-теолога в научно-исследовательскую сферу деятельности приводится совокупность характеристик и сфер исследовательского поведения (когнитивная, эмоционально-суггестивная и ценностная сферы), а также

сопровождающие процесс трансформации и становления личности теолога (когнитивные барьеры и логические тупики, духовное напряжение и психологические барьеры, личные ограничивающие убеждения и религиозные рамки). Описываются возможные варианты выхода из психологического кризиса (не выдерживание, стремление к самоопределению и внутренний рывок, собственно преодоление и трансформация личности). В наилучшем варианте у студента появляется внутренняя потребность приближения к постижению предельных смыслов, в поиске которых у него развиваются духовные качества, трансформируются мировоззренческие установки, преобразуется система ценностей, формируется особый тип мышления.

Адаптация студентов к условиям обучения в вузе и его духовно-ориентированной среде

Адаптация – процесс взаимодействия личности студента и образовательной среды вуза, в котором личность выступает как «активный субъект адаптации, ответственный за успешность выбора стратегий и исход процесса» [3, с. 281]. На успешность адаптации к учебной деятельности в вузе влияют мотивационный, когнитивный, коммуникативный и эмоционально-волевой факторы [5, с. 906–913]:

- *мотивационный*, заключающийся в наличии внутренних мотивов к обучению в вузе (веление сердца), а также в убеждённости в правильности выбора профессионального пути (ощущение призвания);

- *когнитивный*, включающий в себя знание особенностей обучения на теологическом факультете, информированность о требованиях, предъявляемых к студентам, знание норм и правил поведения в соответствии с исламской традицией, наличие некоторого уровня религиозных знаний, а также определённого уровня владения арабским языком;

- *коммуникативный*, предполагающий наличие коммуникативных умений, оптимальный уровень удовлетворённости общением со сверстниками и преподавателями;

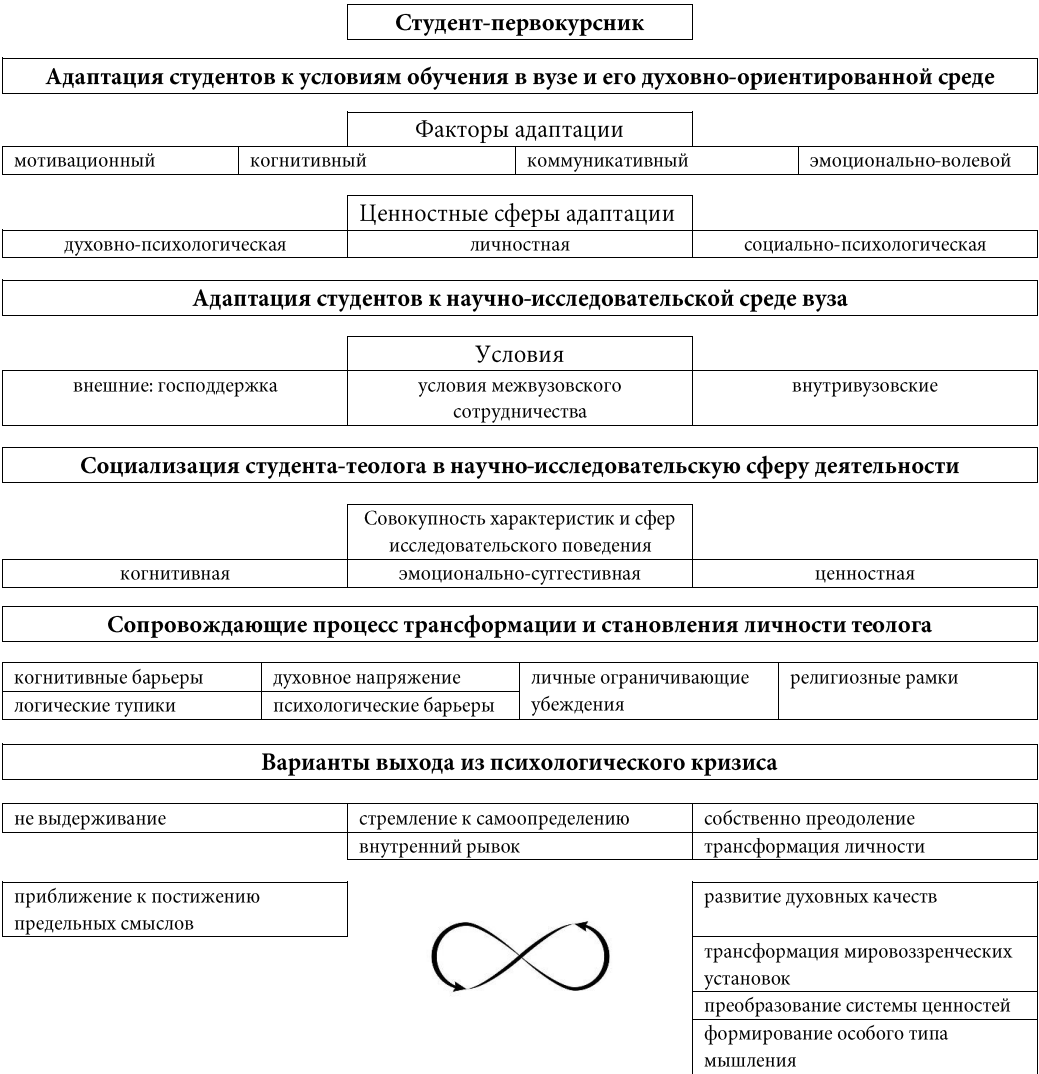

Рис. 1 / Fig. 1. Фрагмент схемы теоцентрической модели воспитания, включающий элементы адаптации и социализации, а также сопровождающие их трансформационные процессы становления личности теолога / A fragment of the scheme of the theocentric model of education, including elements of adaptation and socialization, as well as the transformational processes of the formation of the theologian's personality that accompany them

Источник: составлено автором.

– эмоционально-волевой, включающий в себя наличие адекватной самооценки, низкого уровня личностной тревожности.

В соответствии с вышеназванными факторами успешной адаптации перед коллективом вуза встают задачи по повышению мотивации вновь поступивших студентов, заключающейся в разъяснении особой важности и пользы получения религиозных знаний для мусульманина, с приведением

доказательств тому из Корана и хадисов. Особое внимание следует уделять воспитанию уважительного отношения как к теологии, науке, так и к теологу – носителю теологических знаний. Для этого следует неоднократно подчёркивать, что обучение по направлению «Теология» является не только большой честью, но и ответственностью перед носителем теологических знаний, особых, обогащающих не только

разум, но и душу, которые могут привести как к довольству Всевышнего, так и к обратному процессу в случае неверного понимания, безответственного отношения и искажённой передачи его другим. С первых дней поступления в вуз также важно вести разъяснительные беседы о нормах и правилах поведения студента в соответствии с исламской традицией, заключающихся как в особых внутренних ценностных установках, так и во внешних проявлениях: пожелании мира и милости Аллаха при каждой встрече; начале каждого дела с именем Всевышнего; обязательной пятикратной молитве; ношении одежд в соответствии с исламской традицией и др. Другим важным аспектом эмоционально-волевого фактора адаптации является воспитание у вновь поступивших студентов восприимчивости к знаниям, не касающимся ислама. Вновь поступающим студентам-теологам, в большинстве случаев являющимся людьми глубоко религиозными, необходимо прививать осознание необходимости приобретения знаний как светских наук, так и основ других религий – знаний, которые направлены не на «расшатывание веры», как некоторым студентам может показаться, а способствующих расширению интеллектуальной и мировоззренческой сферы, а также формированию теологического мировоззрения, предполагающего уважительное отношение к носителям иных мировоззренческих установок. «Взаимная бенефициарность» [1, с. 9] (владение, собственность), заключающаяся в интеграции светского и религиозного знания, способствует обогащению, а не вытеснению одного другим, гармоничное же их соотношение, заключающееся в «диалектическом единстве светского и теологического образования» [1, с. 11], развивает как светскую научную мысль, обогащая её теологическим содержанием, так и мысль теологическую, наполняя её научным содержанием.

Особая среда вуза, транслирующая как исламские религиозные традиции и обычаи, так и академическую направленность, а также важность ведения межрелигиозного диалога в сочетании с эмоциональ-

но-психологической поддержкой всего коллектива способствуют скорейшей адаптации студента к условиям обучения в вузе, а также формированию аксиосферы личности студента-теолога.

В соответствии с ценностными ориентациями студентов Е. И. Огаревой [4, с. 161–166] приводятся дополнительные факторы успешного вхождения в новую среду вуза, адаптированные нами в соответствии со спецификой получения теологического образования.

Нервно-психическая сфера адаптации заключается в ощущении стабильности в получении образования и его непрерывности, столь важной для мусульманина, что неоднократно подчёркивается в исламской традиции. Читаем в Коране «Скажи: *“Разве сравниются те, которые знают, и те, которые не знают?”*» (39:9). Немало хадисов посвящено разъяснению важности приобретения знания для мусульманина. Вот некоторые из них: «*Ищите знания от колыбели до могилы*»; «*Поиск знания – это обязанность каждого мусульманина и мусульманки*» (от Ибн Маджаха)¹. Помимо ощущения стабильности и непрерывности получения знаний, студенты ощущают психологическую готовность к формированию особого образа мыслей и действий (на основе Корана и Сунны), способствующих сохранению физического и духовного здоровья (в соответствии с устоями ислама).

Личная сфера адаптации заключается в получении морально-психологического удовлетворения от процесса обучения, возникающего в связи с появившейся возможностью следовать ценностным установкам ислама, согласно которым искателю знаний ангелы облегчают путь. Читаем в хадисах:

¹ Важность и ценность знаний [Электронный ресурс]. URL: <https://islamdag.ru/verouchenie/23412> (дата обращения: 14.01.2021). Приведём дополнительно хадисы пророка: «Кто вышел из дома за знаниями, тому Аллах облегчает путь в Рай» (Муслим, Хаким, Тирмизи и др.). «Знания – это душа Ислама и опора религии». (Абу Шайх). «Знание – свет, ниспосылаемый Богом в сердца тех, кого Он желает им одарить». «Каждый мусульманин должен стремиться к знанию». «Ищите знания, даже если за ними придётся отправиться в Китай».

«...Поистине, и ангелы простирают крылья над тем, кто стремится к знаниям, радуясь его занятиям» (Тирмизи, Абу Давуд, Байхаки и др.); «Добро пожаловать, искатель знаний», – с такими словами окружают ангелы того, кто стремится к знаниям. Затем ангелы встают друг на друга, и так они доходят до ближайшего неба, выражая любовь к знаниям, к которым тот стремится» (имам Ахмад, Табрани, Хаким, Ибн Маджих и др.). В процессе знакомства с подобными хадисами у студента возникает особое, мотивированное религиозными установками, стремление к достижениям в учебной деятельности, к саморазвитию и одновременное осознание ответственности как за точность усвоения и передачи знаний, так и за процесс собственного духовного совершенствования, открытость к внутренней трансформации.

Социально-психологическая сфера адаптации заключается в следовании традиционным нормам и ценностям религии, оберегающим от безнравственного поведения, в открытости к знаниям о других религиях и готовности к взаимодействию с их представителями на основе твёрдых знаний своей религии и уважения к людям писания¹; в осознании смысла многообразия творения Всевышнего. В Священной книге мусульман подчёркивается: «О люди! Мы сотворили вас равными от одного мужчины и одной женщины – Адама и Хаввы – и, размножив вас, сделали многими народами и разными племенами, чтобы вы знали друг друга и сотрудничали друг с другом» (49:13). Читаем также в Коране «Если бы Аллах пожелал, Он сделал бы всех людей в земной жизни одной религии...». (42:8); «Если бы Аллах пожелал, Он бы сделал вас одним народом: одного цвета и одной веры без различия и сотворил бы вас по-другому, как сотворил ангелов, не имеющих права выбора» (16:93).

Вышеприведённые факторы адаптации к условиям обучения в вузе способствуют плав-

ному вхождению студента как в учебный процесс, так и в особое пространство исламского мировосприятия, способствующего духовно-нравственному развитию личности, а также формированию особой аксиосферы, основанной на Божественных нравственных законах. Чем эффективнее пройдёт адаптация студентов к новым условиям, тем легче будет осуществляться процесс социализации, заключающийся в усвоении ценностных норм и духовных традиций вуза, тем будет выше психологический комфорт, от которого напрямую зависит учебная мотивация, заключающаяся в направленности на эффективное осуществление учебной деятельности.

Адаптация обучающихся по направлению «Теология» к научно-исследовательской среде вуза

Помимо адаптации к новым условиям обучения в вузе, для студентов уровня подготовки магистратуры важными являются адаптация к научно-исследовательской среде учебного заведения и морально-психологическая подготовка к собственной самостоятельной научно-исследовательской деятельности. В данном контексте можно выделить ряд условий.

Внешние условия (поддержка направления «Теология» государством):

- развитие системы теологического образования, признание на государственном уровне теологии в качестве науки;
- формирование на уровне государства модели компетентного современного теолога-исследователя;
- государственная поддержка исследовательских теологических проектов.

Условия межвузовского сотрудничества:

- наличие соглашений о сотрудничестве в сфере науки и образовании с вузами, реализующими подготовку по направлению «Теология»;
- членство в Научно-образовательной теологической ассоциации (НОТА) и наличие соглашения между НОТА и Советом по исламскому образованию²;

¹ Отношение мусульман к иным конфессиям, межрелигиозный диалог [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yarregion.ru/depts/anticom/DocLib1/Отношение%20мусульман%20к%20иным%20конфессиям.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).

² Совет по исламскому образованию заключил соглашение о совместной работе с НОТА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazanrii.ru/news/1798> (дата обращения: 03.01.2021).

– участие в стратегических межвузовских и межрелигиозных проектах в области теологических исследований.

Внутривузовские условия:

– формирование особой научно-исследовательской среды в вузе, направленной на развитие исследовательского творческого потенциала студентов-теологов;

– формирование локального научно-исследовательского пространства вуза посредством наличия интеллектуальных площадок, научных лабораторий;

– реализация особых способов социального научения и культуры научного руководства, вовлекающих будущего исследователя-теолога в культуру работы с научной информацией;

– создание условий для осознания студентом-теологом личной сопричастности к развитию теологической науки в России.

В настоящий момент в российском образовательном пространстве ярко представлена реализация внешних условий, дающих студентам уверенность как в своей дальнейшем профессиональной востребованности, так и в важности современных теологических исследований. Что касается положения межвузовского сотрудничества, то как перед профессорско-преподавательским составом, так и перед студенческим коллективом руководству вуза следует активно транслировать заключения соглашений с ведущими теологическими организациями, а также с вузами, реализующими направление подготовки «Теология», указывающими на место вуза в общей системе теологического образования страны. Реализация внутривузовских условий напрямую зависит от профессорско-преподавательского состава уровня магистратуры, от квалификации педагогов, их непосредственной вовлечённости в научную деятельность, которая оценивается количеством, качеством и актуальностью научных публикаций, а также от увлечённости преподаваемым предметом и способности привития интереса к научной деятельности. Общение студентов с педагогами, ведущими активную научно-исследовательскую деятельность, представ-

ляющими в процессе обучения свои новые научные наработки, транслирующими свой личный опыт участия в научных мероприятиях, даёт студентам ощущение сопричастности «живой науке», стимулируя к самостоятельной научно-исследовательской деятельности. Таким образом, параллельно с процессом адаптации начинается процесс социализации студентов уровня магистратуры к собственной исследовательской деятельности.

Социализация студента-теолога в научно-исследовательскую сферу деятельности

А. О. Карпов, занимающийся изучением вопросов социализации и исследовательского поведения научного типа, предлагает ряд определений, необходимых для понимания данного процесса.

«Социализация научно-исследовательского типа – специфический процесс внутреннего стремления к исследовательскому, поисковому типу мышления, приводящий к непосредственному вхождению в научно-исследовательскую сферу деятельности» [2, с. 30]. Несомненно, чаще всего в магистратуру поступают студенты когнитивного типа направленности личности, обладающие особым поисковым стилем мышления.

«Когнитивный тип личности – личность, характеризующаяся как носитель мышления поискового познавательного характера, когнитивной основой которого является исследование ситуации, прогноз возможных вариантов и предвидение последствий, выбор и оценка индивидуальных стратегий, аналитический контроль действий» [2, с. 28]. А. О. Карпов отмечает, что механизмом первичной социализации является «научно-познавательный импринтинг» [2, с. 29], характеризующийся промежуточным поведением, располагающимся между интуицией и «чистым» научением (подражанием, научением в пассивной форме). На первых этапах роль импринтера необходимо брать на себя научному руководителю, осуществляющему

функцию социального научения особого, научного типа.

Рассмотрим *совокупность характеристик и сфер исследовательского поведения*, ведущих к эффективным результатам в научной деятельности, которые желательно приобрести студенту в процессе социализации к исследовательской деятельности. Следует отметить, что представленные сферы исследовательского поведения важны представителю любого уровня научности, начиная от студента, заканчивая академиком, т. к., на наш взгляд, сферы, описанные А. О. Карповым, являются показателем эффективности любого научного труда.

Когнитивная сфера исследовательского поведения заключается в опоре на научную (теологическую) методологию мышления, критический рационализм (разум веры), логику (в том числе и логику противоречий) [4, с. 30].

Эмотивно-суггестивная сфера проявляется в настойчивости в познании, в «здоровой одержимости» за пределами учебной предметности» [2, с. 30]; в исследовательском интересе, движимым глубокими личностными смыслами, в устойчивости к условиям когнитивной неопределённости, к внутреннему психическому напряжению, в способности прогнозировать возможные проблемы и быть готовым к их осознанию.

Ценностная сфера включает в себя служение истине, когнитивной надёжности, верифицированности, инициативному творческому поиску нового. Согласно мусульманскому мировоззрению, одной из отличительной черт личности мусульманина является стремление к постоянному приумножению знаний: «*Мусульманин обязан подчиняться постоянному стремлению разума к науке и не отказываться от этого, пока в его жилах кровь струится*»¹.

Считаем, что наличие представленных характеристик и сфер исследовательского поведения хотя бы у незначительной части

педагогов, являющихся научными руководителями исследовательских работ, выступает «факелом», способным воспламенить сердца будущих исследователей-теологов.

Следует также отметить, что в процессе социализации студентов направления «Теология» к исследовательской деятельности (социализация может растянуться на годы) наблюдается двуединый взаимообусловленный процесс. С одной стороны, исследователь приближается к постижению истины (в нашем случае к осмыслению теологического знания). С другой стороны, в ходе этого осмысления происходит развитие духовной составляющей личности исследователя, его внутреннего трансформация. «Исследование и обучение науке служит формированию духовной жизни, понимаемой как открытие истины» [8, с. 64], – пишет К. Ясперс, подчёркивающий, что «поиск истины носит радикальный характер, сопровождающийся духовным напряжением, иногда достигающим сильнейшего накала» [8, с. 85], что является непрямым условием осуществления подлинно исследовательской деятельности.

Интеллектуальные размышления исследователя зачастую приводят его к *логическому тупику* (вспомним, что по А. О. Карпову одной из характеристик исследовательского поведения является допущение элементов парадоксальной логики), приводящему к внутреннему психическому напряжению, что является крайне важным, а порой и необходимым условием дальнейшего движения мысли теолога, т. к. именно этот накал даёт возможность преодолеть барьер, разделяющий знание наличествующее и искомое. Следует отметить, что преодоление этого барьера усложняется опасением теолога выйти за рамки как собственных ограничивающих убеждений, так и установившихся религиозных парадигм. В данном контексте слова К. Ясперса приобретают особые смыслы: «Безусловное исследование истины во всех её смыслах есть рискованное предприятие познания, в котором необходимо духовно выстоять» [8, с. 37].

¹ Аль-Хашими М. Личность мусульманина / пер. с араб. М.: Умма, 2006. С. 39.

Как нам видится, из этого «рискованного предприятия познания» имеется несколько выходов, каждый из которых является элементом социализации в одну из *групп научно-исследовательского сообщества*.

Первый – это не выдерживание духовного напряжения ввиду возможно недостаточной мотивированности к постижению искомого. В результате происходит либо оставление науки раз и навсегда, либо формальное написание исследовательской работы, соответствующей всем требованиям, касающимся структуры, всех её обязательных элементов и даже научного стиля (к сожалению, следует констатировать, что в научном пространстве немало таких «формальных статей», «формальных диссертаций»). Данной группой исследователей чаще всего движут прагматические мотивы: получение диплома, сертификата, звания и т. п.

Второй – это огромное желание преодолеть возникший когнитивный барьер, проявляющееся в некоторых элементах «здоровой одержимости за пределами учебной предметности» (по А. О. Карпову), однако в силу устоявшейся рациональности мышления, а также опасения выхода из зоны комфорта и возможного переступания через границы дозволенного в рамках религии, исследователь стремится отыскать приемлемые для себя доводы, позволяющие отложить осуществление внутреннего рывка. Можно перечислить массу подобных доводов, начиная от «когнитивной скромности», к которой в начале своей научной деятельности прибегал К. Г. Юнг, либо опасения быть непонятым и отвергнутым научным сообществом, о чём в конце своей жизни сожалел А. Эйнштейн, называя это «самой большой ошибкой в своей карьере»¹. В результате отыскания доводов события могут развиваться в нескольких вариантах: либо исследователь прекращает свою работу (на время или навсегда), либо принимает решение продолжить свой труд, но уже осознавая то, с трудностями какого характера придётся столкнуться на пути. Работы, выходящие из-под

пера такого типа исследователей, содержат реальные попытки приближения к сути искомого вопроса. Само исследование может носить несколько субъективный ангажированный характер, робко или открыто представляя позицию автора. Вполне вероятно, что работа не будет содержать всех обязательных пунктов, т. к. подобный тип личности зачастую испытывает внутренний протест от необходимости придания чёткой научной формы содержанию, рождённому в ходе хоть и частичного преодоления самого себя, несомненно сопровождающегося сильными внутренними духовными переживаниями, что в той или иной степени приводит к трансформации как личных убеждений, так и самой личности исследователя. «Подлинное образование ... захватывает и изменяет саму душу», оно является «руководством к изменению человека всего в его существе» [7, с. 35], – пишет М. Хайдеггер. Мотивы написания работы данной группой исследователей – наука ради обоснования собственной идеи, вызов самому себе и самопреодоление. Исследований подобного рода довольно много, но весьма проблематично найти научное издание для публикаций таких работ, т. к. порой в них не достаёт научной методологии и чёткой логической доказательной базы. Не каждый научный журнал также возьмёт на себя ответственность публиковать исследование, выходящее за рамки строгих научных концепций, предпочитая печатать формальные работы исследователей первого типа, вносящие незначительный вклад в науку.

Третьим исходом выхода из логического тупика и преодоления психологического напряжения является собственно преодоление и подлинное исследование, приводящее к полной трансформации личности исследователя, так и научной парадигмы. Думаем, что о данном типе личности объективно может судить лишь тот, кто является обладателем подобного типа – личности подлинного исследователя, являющегося носителем прорывных революционных идей в науке, образовании и иных сферах человеческого бытия. Главный мо-

¹ Харун Яхья. Коран указывает путь науке. М.: Ансар, 2002. С. 12.

тив – стремление к истине. Исследование подобного рода опережает время, вступая в конфликт со знанием, признанным большинством, и знанием, ещё не признанным. Вызывая волну критики, протест, негодование, тем не менее, оно закладывает фундамент новому научному мировоззрению.

Как нам видится, в настоящее время нечто подобное испытывает современная наука в связи с вхождением теологии в научно-образовательное пространство России и, как следствие, ввиду проникновения сферы сакрального в науку. По этой причине на исследовательское теологическое сообщество ложится большая ответственность, заключающаяся в качественной подготовке теологов-исследователей – носителей особого типа мышления, характеризующегося совмещением в себе рационального и иррационального, чувствования внешнего и внутреннего, устремлением к непознанному посредством наличествующего знания и знания интуитивного, когнитивной и духовной смелостью в осуществлении попыток познания непознаваемого, интерпретации неинтерпретируемого, выходящего за рамки привычного смысла, но открывающего смыслы иного порядка.

Заключение

Особая духовно-ориентированная среда теологического вуза, являющегося транслятором духовно-нравственных, этнокультурных ценностей и религиозного опыта, несомненно, способствует успешной адаптации студента к пространству образовательного учреждения посредством:

- организации учебного процесса в соответствии с системой ценностно-познавательных ориентаций студента, обладающего религиозным мировоззрением;

- осуществления жизнедеятельности студентов и педагогов в соответствии с традиционными ценностями и нормами религии благодаря ежедневному общению с единомышленниками.

Особая среда вуза, транслирующая как исламские религиозные традиции и обы-

чай, так и академическую направленность, а также важность ведения межрелигиозного диалога в сочетании с эмоционально-психологической поддержкой всего коллектива способствуют скорейшей адаптации студента к условиям обучения в вузе, а также формированию аксиосферы личности студента-теолога.

В ходе социализации к научно-исследовательской деятельности теолог испытывает интеллектуальный барьер, для одних являющийся *непреодолимым тупиком*, усиливающим прежние установки (как внешние, так и внутренние), которые становятся ещё более категоричными, особенно если вопрос касается осмысления устоявшихся богословских подходов. Для других этот логический тупик представляется когнитивно-психологическим барьером, преодоление которого (посредством «духовного напряжения, достигающего сильнейшего накала», решения ступить на путь «рискованного предприятия познания»), приводит к развитию духовной составляющей личности исследователя, её активной трансформации, что является подтверждением словам К. Ясперса, убеждённого в том, что «исследование и обучение науке служит формированию духовной жизни, понимаемой как открытие истины» [8, с. 64]. Б. И. Пружинин также говорит о том, что «экзистенциально-смысловой ракурс научного исследования (в нашем случае теологическая направленность. – Т. С.) имеет решающее значение в становлении личности. Тем, чья деятельность направлена на получение истины и владение ею, самоценность истины придаёт особый онтологический статус. Здесь личность выступает как субъект духовного мышления» [6, с. 96], т. е. в процессе осуществления теологического исследования наблюдается диалектическое единство приближения исследователя к истине и развития его личностных и духовных качеств.

Для реализации столь масштабных задач, а также успешной социализации студентов в теологическое научно-исследовательское пространство необходимо:

- создание особой исследовательской среды, посредством которой возможно формирование личности теолога-исследователя;

– выработка методологии теологии как особого социального научения, вовлекающего будущего теолога-исследователя в культуру работы с научным теологическим знанием и воплощением его в мировоззрении специалиста-теолога;

– личный пример активной научно-исследовательской позиции преподавателей

и наличие у них особых характеристик исследовательского поведения;

– грамотное, последовательное и планомерное ведение студента-теолога на каждом этапе исследовательской деятельности.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грязнова Е. В., Гончарук А. Г. Теология как научная специальность магистратуры: проблемы и перспективы их решения [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2019. № 3. Т. 7. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Карпов А. О. Социализация и исследовательское поведение научного типа // Школьные технологии. 2015. № 4. С. 21–34.
3. Милькова Е. В., Жегульская Ю. В., Варова Т. И. Современные проблемы адаптации обучающихся в социально-культурном пространстве образовательного учреждения // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 23. С. 276–281.
4. Огарева Е. И. Динамика адаптации студентов к вузу // Современное образование в России: проблемы и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: СПбГУИП, 2009. С. 161–166.
5. Потеряева О. Б., Дубровская Е. А. Проблемы социально-психологической адаптации студентов первого курса к обучению в вузе (на примере студентов УРФН) // Политика и Общество. 2015. № 7. С. 906–913.
6. Пружинин Б. И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. 423 с.
7. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 345–360.
8. Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т. В. Тягуновой. Минск: БГУ, 2006. 159 с.

REFERENCES

1. Gryaznova E. V., Goncharuk A. G. [Theology as a Scientific Specialty of the Magistracy: Problems and Prospects for their Solution]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 2019, no. 3, vol. 7. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru> (accessed: 10.01.2022).
2. Karpov A. O. [Modern Problems of Students' Adaptation to the Socio-Cultural Space of an Educational Institution]. In: *Shkolnye tekhnologii* [School Technologies], 2015, no. 4, pp. 21–34.
3. Milkova E. V., Zhegulskaia Yu. V., Varova T. I. [Modern Problems of Students' Adaptation to the Socio-cultural Space of an Educational Institution]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no. 23, pp. 276–281.
4. Ogareva E. I. [Dynamics of Students' Adaptation to the University]. In: *Sovremennoe obrazovanie v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern Education in Russia: Problems and Development Prospects: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, St. Petersburg Institute of Management and Law Publ., 2009, pp. 161–166.
5. Poteryaeva O. B., Dubrovskaya E. A. [Problems of Socio-psychological Adaptation of First-year Students to Studying at a University (On the Example of Students of the Ural Federal University)]. In: *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2015, no. 7, pp. 906–913.
6. Pruzhinin B. I. *Ratio serviens? Kontury kul'turno-istoricheskoy epistemologii* [Ratio Serviens? Contours of Cultural-historical Epistemology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 423 p.
7. Heidegger M. Platons Lehre von der Wahrheit (Rus. ed.: Bibihina V. V., transl. *Uchenie Platona ob istine*. In: Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 345–360).
8. Jaspers K. Die Idee der Universität (Rus. ed.: Tyagunova T. V., transl. *Ideya universiteta*. Minsk, Baikal State University Publ., 2006. 159 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Седанкина Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии Российского исламского института;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana E. Sedankina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Systematic Theology of the Russian Islamic Institute;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Седанкина Т. Е. Вопросы адаптации студентов направления подготовки «Теология» к условиям обучения в вузе и их социализации в научно-исследовательском пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 32–43.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-32-43

FOR CITATION

Sedankina T. E. Issues of Adaptation of Students of the Direction of Preparation “Theology” to the Conditions of Learning at the University and Their Socialization in the Research Space. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 32–43.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-32-43

УДК 155.9.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-44-52

САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПУТЬ К ЗДОРОВЬЮ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Удалова Л. В.¹, Горшкова С. Е.², Мещерякова Л. Я.², Батурина О. Ю.²

¹Тверской государственный технический университет

170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

²Тверской государственный университет

170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть проблему саморазвития личности в условиях глобализации и разрушения привычных моделей и условий существования человека, обосновать необходимость новых цивилизационных стратегий устойчивого развития на основе ценностей, заключённых в пространстве культуры.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет осмысление процессов саморазвития личности в контексте разрушения привычных моделей управления социальными процессами и возникновения новых моделей. Особое внимание уделено тому, что в условиях перманентного состояния социума возникают трудности в прогнозировании будущего.

Результат. Приведённый анализ показал, что саморазвитие личности в условиях разрушения привычных моделей развития социума, разного рода кризисов возможно через обращение к ценностям, заключённым в пространстве культуры. При этом очевидна взаимосвязь саморазвития и здоровья, понимание которого не ограничивается сегодня лишь медицинским аспектом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сегодня саморазвитие личности необходимо рассматривать как чрезвычайно значимый процесс, который осложняется множеством факторов внешнего и внутреннего порядка. Социальная неустойчивость, частая смена ценностных ориентиров, размывание представлений о нравственности затрудняют процесс не только идентификации, но и саморазвития личности, особенно в молодёжной среде. Обращение к культуре посредством «медленного», вдумчивого чтения художественных текстов и возрождения традиций семейного чтения, является эффективным средством саморазвития личности подрастающего поколения и обеспечения его здоровья.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, здоровье, культура, монолизм, «монологический» человек, нравственное становление, саморазвитие личности, художественный текст, цивилизация

SELF-DEVELOPMENT OF THE PERSON AS A WAY TO THE HEALTH OF THE GROWING GENERATION

L. Udalova¹, S. Gorshkova², L. Meshcheryakova², O. Baturina²

¹Tver State Technical University

nab. Afanasiya Nikitina 22, Tver 22170026, Tver Region, Russian Federation

²Tver State University

ul. Zhelyabova 33, Tver 170100, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the problem of self-development of the individual in the context of globalization and the destruction of habitual models and conditions of human existence, to justify the need for new civilizational strategies for sustainable development based on the values contained in the space of culture.

© CC BY Удалова Л. В., Горшкова С. Е., Мещерякова Л. Я., Батурина О. Ю., 2022.

Methodology. The main content of the study is the understanding of self-development processes of the individual in the context of the destruction of the usual models of managing social processes and the emergence of new models. Particular attention is paid to the fact that in the conditions of the permanent state of society, difficulties arise in predicting the future.

Results. The above analysis showed that the self-development of the individual is possible through an appeal to the values contained in the space of culture in the conditions of the destruction of the usual models of the society development, various kinds of crises. At the same time, the relationship between self-development and health is obvious, understanding of which is not limited today only to the medical aspect.

Research implications. Today, self-development of the individual must be considered as an extremely significant process, which is complicated by many external and internal factors. Social instability, frequent changes in value orientations, blurring of ideas about morality complicate not only the process of identification, but also the self-development of the individual, especially among young people. Appeal to culture through "slow", thoughtful reading of literary texts and the revival of family reading traditions is an effective means of self-development of the personality of the younger generation and ensuring its health.

Keywords: spiritual and moral education, health, culture, monologism, "monologic" person, moral development, personal self-development, literary text, civilization

Введение

XXI в. создаёт свои инструменты для формирования социальных процессов и управления ими. Одни инструменты после внедрения, принятия исчезают, другие работают продолжительно и эффективно. Во все времена человечество беспокоили проблемы, связанные с социумом, в частности с управлением и предсказанием его развития. Указанные проблемы становятся особо актуальны в периоды кризисов. Сегодня мы наблюдаем «обрушение» привычных моделей и условий, возникновение и развитие разного рода кризисов, существующих параллельно или сменяющих друг друга (пандемия, глобальный кризис финансовой системы, бедность, трансформация морали, экологические проблемы, международный терроризм, угроза ядерной войны и т. д.). О таком перманентном состоянии нестабильности говорит Ю. Н. Харари в бестселлере «Homo Deus. Краткая история будущего». Он отмечает, что ход истории остановить ни под силу никому, но у человечества есть возможность выбрать верное направление: люди должны понять и осознать, на каком перепутье они находятся и куда эти пути их при ведут [12].

Позиция неопределённости по отношению к настоящему и будущему состоянию конъюнктуры общества получила распространение в философских науках, где

осознаётся, что предвидеть будущее невозможно при его спонтанном, самопроизвольном развитии, когда происходит обновление парадигм и меняются идеалы. При этом модифицируется сам идеал прогресса, который понимался ранее как ускоряющиеся инновационные перемены. Его вытесняет идеал устойчивого развития, сущность которого состоит в возникновении инновационных сценариев, допускающих не просто «взлом» или совершенное уничтожение традиции, но адаптацию к некоторым её аспектам, выборочную и постепенную её трансформацию [9, с. 10].

Оказывая влияние на сознание людей, современные технологии манипулируют общественным сознанием посредством интернета, соцсетей, а также через ресурсы массовой коммуникации. Как верно отмечает В. С. Степин, «чтобы обеспечить освоение сложных, развивающихся человекообразных систем, необходимо сопоставление внутринаучных этических регулятивов с более широкими, выходящими за рамки собственно науки гуманистическими принципами. Сопоставление такого типа достигается в ходе социально-этической экспертизы научно-технологических программ и проектов. ... Если ранее полагалось, что автономия науки обеспечивает генерацию в ней объективно истинного знания и автоматически реализует гума-

нистические идеалы, то теперь выясняется, что достижение этих целей в науке XXI в. требует дополнительного социально-этического контроля, который обеспечит выбор из множества возможных сценариев научно-технологического развития наиболее благоприятных, не угрожающих биосфере и человеческой социальности разрушением» [9, с. 11].

Далее автор рассуждает о том, что генеральной задачей на пути достижения указанной цели выступает создание новой матрицы ценностей. Именно в этом случае возможен переход к новым стратегиям цивилизационного развития. Это «ключ» к устойчивому развитию цивилизации и решению проблем глобальных кризисов в мире [9, с. 11].

Актуальность проблемы заключается в том, что само появление новых вызовов и проблем в аспекте человека и социума связано с активным влиянием глобализации информационных технологий на индивидуальное и общественное сознание. Меняются представления о человеке и сам взгляд на него, видение окружающего мира, а также нормы социального и индивидуального поведения. При этом быстро развивающаяся цивилизация, как это ни парадоксально, не стремится сохранять культуру, а способствует её разрушению. По верному замечанию А. А. Гусейнова, во многом рыночные механизмы оказываются губительными для общества: межличностные отношения, интеллектуально-духовная деятельность и публичное пространство государства в целом испытывают кризис в своём развитии. Экономика, являясь первой и базовой категорией (поскольку с неё все начинается), не должна восприниматься как единственное целеполагание, ради которого делается всё. Многие ценностные вещи в области культуры, бытия человека и социума не измеряются лишь в экономических категориях и имеют иные механизмы сохранения и развития [6, с. 453].

Культура вырождения, господство которой мы сегодня наблюдаем, несёт в себе нигилизм в связи с манипулированием, фальсификацией и подтасовкой истории,

смещение национального к крайнему национализму, искажение и деформацию классики, обращение её к низменным инстинктам. По мнению того же автора, странность современной эпохи выражается в том, что Россия переживает глубочайшую национальную катастрофу, на которую практически не реагируют сферы культуры – литература, поэзия как её часть, философия, музыка. При этом само отсутствие духовных открытий, традиционно являющихся источником интеллектуального притяжения и вдохновения в обществе, удручает [6, с. 464]. Такое «молчание» культуры свидетельствует о системном кризисе цивилизационной модели и необходимости смены парадигмы развития социума.

Данную проблему отмечает и М. Ф. Антонов: «Что ждёт общество, где элиту составляют сплошь звезды попсы и дизайнеры и футболисты? Эти представители креативного класса в массе своей не создают сегодня подлинные ценности, а паразитируют на пороках и недостатках человека и общества, формируя искусственные, зачастую вредные потребности. Кто из креативщиков может похвастаться своим вкладом в культуру, который был бы сопоставим с вкладом учёных и художников прошлого?»¹.

Ценностный код, ценности, сформированные человечеством в процессе социальной эволюции, размываются в таких условиях. Возникает потребность в сохранении ценностного кода, и для этого необходимо решить вопросы по организации воспитания, перестройке и изменению процесса обучения нового поколения людей, внести изменения в стратегию воспитания и образования подрастающего поколения. Это путь к осознанному саморазвитию личности и здоровью подрастающего поколения, тем более что само понятие «здоровье» сегодня не ограничивается исключительно медицинским аспектом, а содержит в себе иные категории, в том числе и духовно-нравственного порядка [5; 10; 11].

¹ Антонов М. Ф. Феодализм «продвинутых». Вся власть олигархам интеллектуальной собственности? // Литературная газета. 2014. № 5. 5–11 февр. С. 9.

Культура и цивилизация как два пространства бытия человека в контексте саморазвития и здоровья личности

Цивилизация исходит из «цивильности», отделяет общество (социум) от природы, где общество формируется на своей платформе, где жизнь человека поддерживается, подкрепляется искусственными технологиями. Цивилизация выделяет человека из «природного царства» и делает его рациональным и автономным. От культуры цивилизацию отличают элементы, компоненты технологичности; культура этична, гуманистична (возвышенность нравственности, духовности, сознания), цивилизация индустриальна, урбанистична, многоинструментальна (мощность, товар, услуга), их ориентиры, цели аутентичны, культура духовна, цивилизация материальна¹.

Если цивилизация – это телесная оболочка, социум, культура – его душа. Усложнение и трансформация социума ведёт наше будущее к неопределённости, поэтому необходимо акцентировать внимание и исследования на том, как и чем помочь в его осмыслении. Сама жизнь создаёт и очерчивает проблемное поле. Пережив период смутного времени и хаоса девяностых, никто не будет отрицать высочайшую миссию национальной культуры, которая в те времена подверглась атакам с позиции либеральных реформаторов. С того времени культура понимается, осмысливается как система и возможность передачи, распространения духовной памяти народа и составляет духовный генофонд нации.

Сегодня необходимо понимать и рассматривать культуру как условие и необходимость сбережения и поддержания духовно-нравственного здоровья человека (особенно подрастающего поколения) и социума в целом, ведь культура прививает и сохраняет общепризнанные человеческие ценности, которые составляют универсальную составляющую для согласия, толерантности и диалога.

Здесь важно вспомнить о том, что именно в лоне культуры сохраняются определённые ценности и нравственные ориентиры. Актуальность влияния нравственности на становление и развитие человека трудно переоценить, а в эпоху постиндустриального информационного общества с его приоритетом прагматических знаний и новейших технологий нравственность становится специфическим и действенным регулятором человеческих поступков и отношений. При этом практически каждый человек может выступать в качестве объекта и субъекта этой регуляции. Всякий «другой» может поступать по отношению к нему «нравственно» или «безнравственно», в то время как и он сам каждодневно совершает нравственные или безнравственные поступки, ориентируясь на определённую систему ценностей. При этом подчёркивается, что нравственное становится «сущностным признаком каждого человека» [1, с. 293–294].

Подобное целеполагание нравственного регулирования отношений людей в социуме представляется базовой основой трансформационных векторов цивилизации. Нравственность затрагивает все сферы жизни человека, выступая в качестве универсального регулятора его поведения. При этом речь идёт не столько о выполнении моральных регулятивов, сколько о способности влиять на поведение людей духовными средствами. Она всегда воплощается в поступках и в самих отношениях между людьми.

Значение культуры в процессе духовно-нравственного становления и развития человека, особенно в пространстве художественного текста, переоценить невозможно. Именно в художественном тексте содержатся непреходящие, традиционные ценности, которые способствуют прогнозируемому, направленному, а не спонтанному развитию социума, являясь мощным инструментом саморазвития личности. По верному замечанию Е. М. Бабосова, сущность нравственных норм, ценностей и эталонов поведения трансформируется в нравственные чувства, сознание, убежде-

¹ Ильин В. В. Философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. С. 130–132.

ние и поступки и воплощается в деятельности людей [1, с. 294–295]. Иными словами, ценности, заключённые в культуре, «переводятся» на уровень субъективного мира личности и преобразуются в нём, т. е. «присваиваются». Художественный текст, «медленное», вдумчивое чтение развивает в человеке не только интеллектуальную, но и эмоционально-чувственную сферу, способность к эмпатии и «чуткости» по отношению к миру и другому человеку. Духовно-нравственные ценности, заключённые в пространстве художественного текста, часто связаны и с пространством религиозного, и вообще с традиционными духовно-нравственными ценностями. Такие концепты, как «милосердие», «прощение», «любовь», транслируемые через систему образов и смыслов художественного текста, обретают не абстрактные, а вполне реальные черты.

Здесь уместно напомнить, что термин «религия» многозначный, ему присуща множественность интерпретаций. При этом к числу наиболее существенных компонентов можно отнести то, что религия – это «совокупность идеалов, ценностей, норм, правил поведения, которым должен следовать религиозный человек как заповедям и требованиям, предъявляемым ему Богом. Это – нормативный компонент религии» [1, с. 137].

Многовековой опыт предков содержит в себе и нормативные регулятивы, передаваемые, в том числе, и через факты материальной культуры, к которым принадлежит, безусловно, и художественный текст. Литература, являясь часть культурного пространства, сохраняет и интерпретирует для последующих поколений определённые культурные коды, с которыми неразрывно связан процесс нравственного становления и саморазвития личности.

Процесс чтения художественных текстов, размышления над причинами поступков героев, сопоставление ситуаций с собственным эмпирическим опытом формируют определённое нравственное сознание. Человек становится нравственно ответственным не только за собственные

поступки, но и за бытие другого человека. Он учится слушать и слышать «другого», стремится его понять и оказать помощь. Последнее, безусловно, является исключительно важным, поскольку в этом случае происходит переход от состояния нравственного сознания к нравственному поступку. Это всегда индивидуальное, личностное отношение к миру и человеку, а также к самому себе. Саморазвитие личности через пространство художественного текста, через чтение художественной литературы – процесс довольно длительный, в каком-то смысле находящийся вне времени. Ценности, хранящиеся в лоне традиционной культуры, непреходящие по своей сути. Они не зависят от потребностей времени и являются частью экзистенциального пространства. Таким образом, «слово», в том случае, если оно наполнено глубоким смыслом, в пространстве человеческого бытия обретает исключительное значение. Однако ещё преподобный Исаак Сирий Ниневийский в «Словах подвижнических» размышлял над тем, что слова – это «орудие этого мира»¹. Можно предположить, что здесь шла речь о суетности мира внешнего и утрате внутренней созерцательности человека. Высказывание должно иметь глубокий смысл. Именно от пустого «говoreния» предостерегал человечество подвижник. Образ XXI в. – это пространство, заполненное шумом и хаосом, время «всё возрастающего говорения», «мир, стремящийся к тотальному высказыванию» [3]. В гуле и неразберихе такого говорения происходит подмена ценностей и смыслов, очень трудно говорить о подлинном саморазвитии личности, поскольку симуляция в области подлинных чувств и эмоций не позволяет сформировать подлинную нравственную культуру. Неумение сопереживать, эгоистическая заикленность на собственной исключительности – это не только отличительная черта, но и духовная болезнь современного человека.

¹ Сирий Ниневийский И. О божественных тайнах и о духовной жизни: духовные беседы / пер. с сир., прим., послесл. игумена Иллариона (Алфеева). М.: Изд-во Зачатьевского монастыря, 1993. С. 180.

Сегодня человек, особенно тот, который относится к подрастающему поколению, утопает в информации. Эта ситуация приводит к тому, что он перестаёт слышать, понимать себя самого и другого. Отличительная черта такой личности – монологичность поведения, мышления, общения. Корни монолизма кроются именно в характере эпохи с её массовым копированием, подражанием, тиражированием «чужого». Обнуляется само содержание и значения общения на уровне себя самого и «другого». Человек утрачивает «социальный слух», несостоятельно мыслит, анализирует, ведёт диалог. В интернете человек «молчит», т. к. такое «общение» не позволяет ему сформировать новые значения, смыслы, понятия, содержание, открыться самому себе и социуму в целом [7]. Это особенно актуально среди подрастающего поколения.

Глубоко понимая сущность монологического мира, М. М. Бахтин указывает на то, что такой мир не «слышит» другой, чужой мысли. Это опасно тем, что всё, что касается области идеологии, примитивно и грубо делится на две категории: «верно» / «неверно», причём последнее категорически отрицается [2, с. 132–133]. Монологизм – это воспроизведение, высказывание «одного сознания, одного духа» и отрицание, отторжение взглядов и мыслей «другого», «другого» мира.

При общении с «другим» перед человеком встаёт выбор. Он должен определить, является ли его позиция единственно и неоспоримо верной, исключительной и правильной, а позиция «другого» – чужой, ложной, или вторая тоже может иметь место быть и право существовать. Если выбирается первый вариант, мы можем наблюдать вид монологического мышления, т. к. при монолизме сознание «другого» (чужое) не считается повесным, верным.

В контексте монолизма, определяющего, устанавливающего абсолютную уверенность только в собственном мнении, взгляде, в собственной мыслительной позиции, в их избранности, привилегированности, превосходстве, безупречности, мы

видим то поле, ту среду, где проявляются агрессивность, нетерпимость, деструктивность в отношениях между людьми, как в межличностных, так и в общественных.

Одним из решений данной проблемы считаем переориентирование воспитательных и образовательных практик на формирование, развитие устойчивой, стабильной потребности в непрерывном, постоянном саморазвитии, самообразовании посредством чтения художественной литературы, возрождения традиций семейного чтения. Переход воспитательных и образовательных практик от монологического типа коммуникаций (получения готовых знаний) к получению, усвоению их путём «деятельным» (чтение, диалог) будет способствовать формированию глубокого познавательного, образовательного ресурса личности молодого человека в соответствии с его психофизиологическим возможностями.

Обращение к традиционным духовно-нравственным ценностям, передаваемым через культуру пространством художественного текста, на уровне воспитательных и образовательных практик в форме возрождения традиций семейного чтения будет способствовать саморазвитию и самообразованию личности подрастающего поколения.

Новые возможности человека и свобода выбора

Как отмечалось выше, мы живём в рискованном, неуправляемом, неподконтрольном, неопределённом мире, который преподносит нам всё новые проблемы. Когда-то возникшая и сформировавшаяся традиционная культура соотносена с конкретными временными эпохами, т. к. жизнедеятельность человека осуществлялась в определённой, сложившейся среде обитания и окружающей обстановке, а интернет позволяет человеку пересечь пространство и выйти за его пределы и время. Создавая социальные связи нового типа, человек становится более свободным, т. к. члены этих сообществ могут

выходить за принятые ранее рамки, при этом расширяется пространство свободы человека, т. к. в социальных сетях можно обсуждать и написать практически всё, не неся ответственности ввиду отсутствия цензуры, и никто не узнает, кто вы такой [8].

Основываясь на разработках искусственного интеллекта, новые информационные технологии несут вызовы устойчивым условиям человеческого бытия. Человек отвечает за свои поступки, т. к. обладает свободой воли, однако новые возможности и реалии с появлением интернета привели к обострению, к актуальности дискуссии о «свободе».

Свобода как одна из сущностных свойств человека является его большой ценностью. Тема свободы в философии сложна, рассматривается в различных ракурсах и в отличие от других категорий имеет две противоположности, такие как необходимость и ответственность. Свобода – это возможность человека проявлять свою волю, действовать по-своему, это относительное понятие, свобода относится как к «простору» ограниченному, частному, так и к полному, абсолютному самовольству и необузданному, неукротимому произволу¹. Свобода – это познание, постижение необходимости [4].

Современная тенденция развития социума показывает нам, что жизнь человека индивидуализируется, разнообразными становятся обстоятельства для принятия решения, увеличиваются возможности человека влиять на события за счёт своего нравственного выбора. Это говорит об усложнении степени индивидуальной ответственности, усложнении процесса принятия решения, познания его необходимости.

Можно ли считать всю информацию, размещённую в интернете, ценной? Если ответ будет положительным, возможно, такое отношение будет означать приход конца культуры: если любую авторскую информацию – и художественные тексты,

и публикации в рецензируемых журналах – можно оценить, в интернете и социальных сетях потеряны критерии, по которым можно дать подобную оценку текстам, отличить хорошее от плохого, добро от зла, что влечёт за собой потерю человеком ответственности за свои поступки.

Заключение

Как показывает проведённый анализ, нестабильность сегодня становится перманентным состоянием. Такие явления, как глобализация, кризисы экономический и финансовый, экологический усугубляются упадком морали. В совокупности эти процессы приводят к деградации духовно-нравственных ценностей, а угрозы со стороны международного терроризма, потенциальная возможность ядерной войны, пандемия осложняют социальные процессы, и общество оказывается на перепутье. Эпоха неопределённости производит свои способы и механизмы развития и координирования общества. Исключительно важно, чтобы они отсылали к исторической памяти человечества, к пониманию и восприятию ценности мирного сосуществования, а также к осознанию человеческой жизни и здоровья как высшей ценности.

В наше время «идеал прогресса» обусловлен условием перехода к другим стратегиям и практикам цивилизационного развития путём создания, установления новой матрицы ценностей. Значительная роль здесь принадлежит именно культуре, а не цивилизации, поскольку на основе культурных кодов происходит процесс саморазвития личности, её нравственное становление. Саморазвитие личности является значимым фактором здоровья, осмысление которого сегодня выходит за рамки медицинских трактовок.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. 8-е изд. М.: Русский язык, 1982. С. 152.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов Е. М. Человекомерность социальных систем. Минск: Белорусская наука, 2015. 318 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 318 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 232 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. 695 с.
5. Григорьев А. В. Антропология: от организмов к техносфере. М.: Либроком, 2009. 480 с.
6. Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПб ГУП, 2012. 845 с.
7. Король А. Д. Педагогическая проблема диалога востока и запада: молчание в обучении // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: материалы XIX Международных Лихачёвских научных чтений, 22–24 мая 2019 г. СПб.: СПб ГУП, 2019. С. 145–150.
8. Лекторский В. А. Цифровизация жизни как глобальный антропологический вызов // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: материалы XIX Международных Лихачёвских научных чтений, 22–24 мая 2019 г. СПб.: СПб ГУП, 2019. С. 159–162.
9. Степин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.
10. Удалова Л. В., Горшкова С. Е., Лебедев В. Ю., Мещерякова Л. Я. Актуализация духовно-нравственных ценностей как путь к здоровью молодёжи // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 5. С. 317–329.
11. Удалова Л. В., Горшкова С. Е., Мещерякова Л. Я. Здоровье молодёжи в контексте вызовов информационного общества: аксиологический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 79–89.
12. Харари Ю. Н. Homo Deus. краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 492 с.

REFERENCES

1. Babosov E. M. *Chelovekomernost' social'nyh sistem* [Human Dimension of Social Systems]. Minsk, Belorusskaya nauka Publ., 2015. 318 p.
2. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 318 p.
3. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation* (Rus. ed.: Kachalov A., transl. *Simulyakry i simulyacii*. Moscow, Postum Publ., 2015. 232 p.).
4. Hegel G. W. F. *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse* (Rus. ed.: Sitkovsky E. P., ed. *Enciklopediya filosofskih nauk*. T. 2. Moscow, Mys' Publ., 1975. 695 p.).
5. Grigor'ev A. V. *Antropologiya: ot organizmov k tekhnosfere* [Anthropology: from Organisms to the Technosphere]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 480 p.
6. Gusejnov A. A. *Filosofiya – mys' i postupok: stat'i, doklady, lekci, interv'yu* [Philosophy – Thought and Deed: Articles, Reports, Lectures, Interviews]. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2012. 845 p.
7. Korol' A. D. [The Pedagogical Problem of the Dialogue between East and West: Silence in Education]. In: *Mirovye razvitie: problemy predskazuemosti i upravlyaemosti: materialy XIX Mezhdunarodnykh Likhachevskikh nauchnykh chtenij, 22–24 maya 2019 g.* [World Development: Problems of Predictability and Manageability: Materials of the XIX International Likhachev Scientific Readings, May 22–24, 2019]. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2019, pp. 145–150.
8. Lektorsky V. A. [Digitalization of Life as a Global Anthropological Challenge]. In: *Mirovye razvitie: problemy predskazuemosti i upravlyaemosti: materialy XIX Mezhdunarodnykh Likhachevskikh nauchnykh chtenij, 22–24 maya 2019 g.* [World Development: Problems of Predictability and Manageability: Materials of the XIX International Likhachev Scientific Readings, May 22–24, 2019]. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2019, pp. 159–162.
9. Stepin V. S. [Civilization in the Era of Change: The Search for New Development Strategies]. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya* [Bulletin of the Belarusian State University. Sociology], 2017, no. 3, pp. 6–11.
10. Udalova L. V., Gorshkova S. E., Lebedev V. Yu., Meshcheryakova L. Ya. [Actualization of Spiritual and Moral Values as a Way to Youth Health]. In: *Rossiiskij humanitarnyj zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2021, vol. 10, no. 5, pp. 317–329.

11. Udalova L. V., Gorshkova S. E., Meshcheryakova L. Ya. [Youth Health in the Context of the Challenges of the Information Society: An Axiological Aspect]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2021, no. 4, pp. 79–89.
12. Harari Yu. N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow* (Rus. ed.: Andreev A., transl. *Homo Deus. kratkaya istoriya budushchego*. Moscow, Sindbad Publ., 2019. 492 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Удалова Лариса Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологии и связи с общественностью Тверского государственного технического университета;
e-mail: lv.udalova@mail.ru

Горшкова Светлана Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теологии Тверского государственного университета;
e-mail: s.gorshkova@mail.ru

Мещерякова Лариса Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теологии Тверского государственного университета;
e-mail: laara25@mail.ru

Батурина Ольга Юрьевна – старший преподаватель кафедры математического и естественнонаучного образования Тверского государственного университета;
e-mail: Baturina.OY@tversu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa V. Udalova – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Media Technology and Public Relations, Tver State Technical University;
e-mail: lv.udalova@mail.ru

Svetlana E. Gorshkova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department of Theology, Tver State University;
e-mail: s.gorshkova@mail.ru

Larisa Ya. Meshcheryakova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Theology, Tver State University;
e-mail: laara25@mail.ru

Olga Yu. Baturina – Senior Lecturer, Department of Mathematical and Natural Science Education, Tver State University;
e-mail: Baturina.OY@tversu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Саморазвитие личности как путь к здоровью подрастающего поколения / Л. В. Удалова, С. Е. Горшкова, Л. Я. Мещерякова, О. Ю. Батурина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 44–52.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-44-52

FOR CITATION

Udalova L. V., Gorshkova S. E., Meshcheryakova L. Ya., Baturina O. Yu. Self-Development of the Person as a Way to the Health of the Growing Generation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 44–52.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-44-52

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.4

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-53-59

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ НЕМЕЦКОГО ФИЛОСОФА ФРАНЦА КСАВЕРА ФОН БААДЕРА

Луценко В. Е.

*Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел России,
Владивостокский филиал
690087, г. Владивосток, ул. Котельникова, д. 21, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть религиозно-философское мировоззрение немецкого мыслителя Франца Ксавера фон Баадера, в основе которого лежит библейское учение о человеке.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Основное содержание исследования составляет анализ трудов философа. Использовались следующие методы: проблемная и описательная аналитика конкретных первоисточников в контексте убеждений и взглядов Ф. К. Баадера. В своих основных пунктах его философия представляет собой подлинный христианский теизм. В то время как другие теисты в своих религиозно-философских построениях исходили преимущественно или из философских теорий и положений, или только из этических побуждений, или в лучшем случае из обще-религиозных мотивов, Ф. К. Баадер видел свою задачу в уяснении смысла христианских догматов, истинность которых он не подвергал никакому сомнению.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что, являясь правоверным католиком по своим религиозным убеждениям, Ф. К. Баадер оставался таким же и в своём философском мышлении. Истины христианской религии Баадера являлись для философа основными в его философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение религиозной мысли второй половины XIX в. на примере взглядов немецкого философа и теолога Франца Ксавера фон Баадера предполагает дальнейшее развитие религиозно философского знания данного периода, а сделанные выводы помогут в осмыслении того влияния, которое оказал философ на славянофильство, а позже – на Владимира Соловьёва и Николая Бердяева, немецкую неоромантическую социологию, а также помогут в осмыслении путей развития современной философии.

Ключевые слова: абсолютный дух, пантеистическое мировоззрение, религиозная философия, религиозное сознание, религиозные убеждения, самосознание, теистическое миропонимание, христианский теизм

RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE GERMAN PHILOSOPHER FRANZ XAVER VON BAADER

V. Lutsenko

*Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation,
Vladivostok branch
ul. Kotelnikova 21, Vladivostok 690087, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the religious and philosophical worldview of the German thinker Franz Xaver von Baader, basing on the biblical teaching about the man.

Methodology. The corpus of texts is analyzed. The main content of the research is the analysis of the works of the philosopher. The following methods were used: problem and descriptive analytics of specific primary sources in the context of Baader's beliefs and views. In its main points, Baader's philosophy is the genuine Christian theism. While other theists in their religious and philosophical constructions proceeded mainly from philosophical theories and positions or only from ethical motives, and at best from general religious motives. Baader saw his task in understanding the meaning of Christian dogmas, the truth of which he did not doubt.

Results. Based on the results of the study, it was concluded that, being an orthodox Catholic in his religious convictions, Baader remained the same in his philosophical thinking. The basic truths of the Christian religion of Baader were basic for the philosopher in his philosophy.

Research implications. The study of religious thought in the second half of the 19th century on the example of the views of the German philosopher and theologian Franz Xaver von Baader presupposes the further development of religiously philosophical knowledge of this period, and the conclusions drawn will help in understanding the influence that the philosopher had on Slavophilism, and later on Vladimir Solovyov and Nikolai Berdyaev, and German neo-romantic sociology. They will also help in understanding the ways of modern philosophy development.

Keywords: absolute spirit, pantheistic worldview, religious philosophy, religious consciousness, religious beliefs, self-consciousness, theistic worldview, Christian theism

Введение

Рассматривая немецкую философию в послегегелевский период, нужно отметить, что философские построения этого периода оказали существенное влияние на последующее развитие человеческой мысли. Они явились отправной точкой к построению великих философских систем, одним из центральных вопросов которых неизменно оставался вопрос христианской религии, вопрос об отношении Бога к миру. Разрешить эту проблему на уже установившейся почве пантеистического миропонимания появившимся новым философским идеям было крайне сложно. Для решения этого вопроса неизбежно нужно было или окончательно устранить вопрос о Боге из сферы научно-философского мышления, или же продолжать его разработку, но уже в духе теистического миропонимания. И действительно, после Г. В. Ф. Гегеля философская мысль направилась по двум путям. С одной стороны, пантеизм перешёл в материализм и атеизм. С другой стороны, в противовес этим направлениям усилилась разработка произведений представителями философ-

ской мистики, которые находились под влиянием современных идейных течений того времени. Идеи деистической и пантеистической философии были предметом не только интеллектуального достояния философов-мистиков, но и идейной борьбы с этими течениями. Отцом новейшей мистики справедливо считают Франца Ксавера фон Баадера.

Источники становления философских взглядов Франца Ксавера фон Баадера

Франц Ксавер фон Баадер (1765–1841) – немецкий учёный, религиозный философ. Мировоззрение Ф. К. Баадера выросло на основе теософских учений Якоба Бёме – немецкого христианского мистика, теософа, родоначальника учения о «премудрости Божией».

Хотя Ф. К. Баадер и не основал своей философской школы в Германии, не развил своего учения в виде полной логической системы, как сделали, например, Ф. В. Шеллинг и Г. В. Ф. Гегель, его философия оказала большое влияние на современное ей и последующее развитие философской мысли. Этому влиянию способствовало личное знакомство

Ф. В. Шеллинга с Ф. К. Баадером, а также их общее знакомство с мистической философией Я. Бёме. Сам Ф. В. Шеллинг отмечал, что в своём учении о религиозной философии он заимствовал некоторые основания у Ф. К. Баадера [1], непосредственное влияние которого сказалось на втором периоде его философского развития. Но было бы ошибкой считать Ф. В. Шеллинга продолжателем идей Ф. К. Баадера. Сходство обоих мыслителей касается только факта наличия мистического элемента в их системах. По существу же философская мысль Ф. В. Шеллинга второго периода его развития резко отличалась от мысли Ф. К. Баадера по основным идеям и приёмам, а также по конечным результатам: в то время как система Ф. К. Баадера в существенных чертах вполне совпадает с христианским богословием, миропонимание Ф. В. Шеллинга является только некоторым приближением к подлинному теизму.

Ф. К. Баадер вёл жаркую полемику с Г. В. Ф. Гегелем, во взглядах которого видел крайнюю степень протестантизма. Он решительно отвергал связь учения Г. В. Ф. Гегеля с христианством. Хотя сам Г. В. Ф. Гегель в предисловии ко второму изданию своего произведения «Наука логики» с особым уважением отзывался об учении Ф. К. Баадера и даже в некоторых пунктах соглашался с его системой [3].

Развитие христианских идей Баадера

Будучи правоверным католиком по своим религиозным убеждениям, Ф. К. Баадер оставался таким же и в своём философском мышлении. Основные истины христианской религии были для него и основными истинами философии. Философия, по мнению мыслителя, не имеет права подвергать сомнению эти истины или пытаться доказать их достоверность. Задача философии заключается только в разумном обосновании христианских догматов, в приближении их к человеческим понятиям. Священное писание – вечный источник христианской веры – является для Ф. К. Баадера альфой и омегой всякой мудрости, а, следовательно, и философской.

По мнению Ф. К. Баадера, существуют три вида знаний:

- 1) эмпирическое, опытное, заключённое в самом предмете и только ему принадлежащее;
- 2) теоретическое, абстрактное или отвлечённое, возвышенное над предметом, от него отрешённое;
- 3) спекулятивное или умозрительное, заключённое также в предмете, но возведённое в наш дух, внутренне приобретённое.

В любой науке эти три знания должны быть соединены, т. е. к ним необходимо приходить сначала эмпирически, потом теоретически и, наконец, спекулятивно.

Спекулятивная философия, начиная с Р. Декарта, полагает основным началом знания сомнение, которое является первым шагом к приобретению знания. Отсюда и ложная мысль, что для получения знания необходимо поколебать и уничтожить веру, отсюда вытекает и раздор между наукой и религией. Но разве может человеческий ум, непрерывно отвергая и отрицая, что-нибудь утвердить или узнать? Ф. К. Баадер отвечает на этот вопрос отрицательно. Человек по природе своей сначала верит. Философ утверждает, что начало любого знания – вера, а не сомнение. И именно этот путь чрезвычайно важен. Это первое основание христианской философии.

В основе философских построений Ф. К. Баадера лежит библейское учение о человеке как образе Божьем и как Его отражении. В этом положении и заключается центр гносеологических взглядов философа. Источник философского знания, по мнению мыслителя, скрывается во внутренней жизни человека. Без сомнения, приведённая истина провозглашается Ф. К. Баадером догматически, поэтому не может в полной мере удовлетворить запросам научно-философского мышления. Однако, по существу, Ф. К. Баадер указывает верный источник религиозной философии. Т. к. речь идёт о предметах религиозного переживания человека, философ начинает своё объяснение с анализа внутреннего мира религиозной личности. Искать же иные пути для объяснения

основ религиозной веры Ф. К. Баадер считает делом несообразным. Он называет ложным те направления философии, которые пытаются доказать существование Бога на основании того, что Богом не является, тем самым «затемняют непосредственное совпадение самого знания с сознанием в себе абсолютного духа» [5, с. 6]. По учению Ф. К. Баадера, в своём самосознании человек сознаёт не себя самого, а абсолютный дух, создавший конечное сознание¹.

Некоторые философы относились с неким пренебрежением к основным понятиям философии Ф. К. Баадера только потому, что его положения навеяны больше религиозными чувствами, чем разумом человека. Такое отношение к философии Ф. К. Баадера совершенно несправедливо. В частности, это касается вопроса об источнике религиозной философии. Ф. К. Баадер указывал на верный и надёжный источник для разрешения вопросов об абсолютном и конечном бытии, о Боге и мире, об их взаимоотношении. В самом деле, какое преимущество с точки зрения идеала достоверности имеют метафизические положения солипсизм – И. Г. Фихте Старшего об «абсолютном Я» или панлогизм Г. В. Ф. Гегеля – перед положениями философской системы Ф. К. Баадера, если они такие же метафизические догматические построения, как и учения Ф. К. Баадера как о человеческом самосознании, так и о непосредственном богосознании. Разница только в том, что в то время, как упомянутые метафизики ищут решение об истине религии в голых абстракциях человеческого ума, Ф. К. Баадер ищет это в живых движениях религиозного сознания. И, несомненно, это различие в пользу больше Ф. К. Баадера, чем представителей немецкой метафизики².

В философии Ф. К. Баадера истина о человеке неразрывно связывается с истиной о Боге. Вполне понятно, что философ даже не ставит вопроса о доказательствах бытия Бога, потому что факт этого бытия уже утверждается непосредственным свидетельством человеческого самосознания. Философского обоснования требует вопрос о личности Бога. Ф. К. Баадер был хорошо знаком с деистическими и пантеистическими решениями этого вопроса. Разумеется, его не могло удовлетворить ни то, ни другое. Менее всего удовлетворял его религиозно философское сознание безжизненный, погружённый в вечный покой, безучастный к миру и человеку Бог деистического мировоззрения. Пантеистическое же миропонимание Ф. К. Баадер справедливо называл натурализмом и даже материализмом за то, что оно обожествляло конечную природу. По мнению немецкого мыслителя, пантеизм в корне подрывал религиозное мировоззрение. Провозгласив основой истинной религии положение «Бог есть всё во всем», пантеизм низвёл Бога на уровень конечного существования. Такое понимание Бога Ф. К. Баадер считал Его отрицанием. Подобное опровержение заключается, по мнению Ф. К. Баадера, в утверждении пантеистической философии о том, что Бог достигает самосознания только в конечном человеческом сознании³.

Религиозное чувство неизменно сопровождается мыслью о бесконечно возвышенной над индивидуальным человеческим существом Божественной личности. Пантеизм непременным условием божественного самосознания полагал существование мира. Ф. К. Баадер же утверждал, что божественное самосознание независимо от существования мира, считал его вечным процессом внутренней жизни Бога. Именно рассмотрению этого процесса посвящена весьма значительная часть работ Ф. К. Баадера. А мысли немецкого философа о внутренних процессах в Боге помо-

¹ Бельский А. Проблема теистического миропонимания в немецкой философии XIX века: дис. ... канд. наук. Казань, 1912 // ОР Казанского гос. ун-та имени Н. И. Лобачевского. Ф. Казанская духовная академия. Е. х. 3576. Л. 195.

² Там же. Л. 203.

³ Там же. Л. 197.

гают выяснить и понять основные черты природы Божественной личности.

Согласно своим воззрениям на источник богопознания Ф. К. Баадер рассматривает вопрос о внутренней жизни Бога на психологической основе. Осознание личности, по Ф. К. Баадеру, заключается в творческой производительности. Так, в человеческой личности при её творческом осознании неизменно присутствуют три момента, осуществляющие творческий процесс. Когда человек решает создать что-либо, у него, во-первых, возникает план работы (мыслительная операция), во-вторых, человек одобряет этот план и решает реализовать его, и, наконец, в-третьих, он готовит средства для осуществления поставленной цели. Таким образом, любое осознание человеческой личности неизменно сопровождается тремя психологическими актами: мысли, воли и действия. Перечисленные моменты творческого проявления человеческой личности также характерны и для абсолютной личности Бога. Как и в человеке, в Божественной личности следует различать три процесса: логический процесс божественного мышления (процесс эсotericический), прологический процесс божественной воли (процесс экзotericический) и духовный процесс божественного действия. Все обозначенные процессы осуществляют факт божественного самосознания и самоопределения. Эти же процессы лежат и в основе различия лиц в Боге, т. е. в основе учения о Святой Троице.

Логический процесс (эсotericический) обуславливает собой возможность божественного самосознания, а экзotericический – божественной воли. Особое значение имеет утверждение волевого процесса в Боге. Что касается интеллектуального процесса, он всегда выдвигался в немецкой метафизике. Волевой же элемент, если и признавался, то не прямо, а мимоходом, как, например, у Г. В. Ф. Гегеля. Утверждение волевого процесса наряду с логическим процессом особенно ценно, как середина между гегелевским пантеизмом, с одной стороны, шопенгауэровским волюнтаризмом, с другой. Учение Ф. К. Баадера

представляет середину между указанными крайностями, и эта середина совпадает с чисто христианским учением о Личности Бога.

Интеллектуальный и волевой элементы объединяются между собой в акт божественного действия или божественной жизни, что составляет сущность третьего духовного процесса – внутренней жизни Бога.

Осуществление божественной воли и божественной жизни нельзя понимать в виде перехода Бога к конкретному, конечному бытию, т. е. к миру. Весь описанный процесс протекает внутри Бога совершенно независимо от факта существования мира [2].

Здесь уже появляется другая основная проблема теистического миропонимания: проблема отношения Бога к мировому бытию. Пантеистическое мировоззрение либо отождествляло мир с Богом, либо же выводило его непосредственно из самой природы Бога. Ф. К. Баадер полностью снимает вопрос о развитии мира из природы Бога, было ли это путём рождения или другим каким-либо способом. На место пантеистического учения о непосредственном развитии мира из природы Бога Ф. К. Баадер провозглашает христианское учение о творении мира. Он не даёт философского объяснения этого акта. Более того, он считает такое объяснение непостижимым для человеческого разума, и даже само стремление к этому признаёт греховным. «Образ и способ творения для нас был, есть и останется тайной. К познанию этого некогда стремился Люцифер» [6, с. 8].

Заключение

Ф. К. Баадер не развил своей философии в полную философскую систему. Но если постараться вникнуть в его учение, то в нём можно найти единство духа и верность одному христианскому началу. Книгой, из которой философ черпал дух своего учения, было Евангелие. В течение двенадцати лет он ежедневно, каждое утро, читал Новый Завет, и таким постоянным чтением он смог напитать дух свой учени-

ем Христовым так, что все мысли его вращались только в этой сфере.

Он сожалел, что немецкая философия изменила тому христианскому направлению, которое в своё время дал ей философ-теист Я. Беме, на основе теософских учений которого выросло мировоззрение Ф. К. Баадера. В своих основных пунктах философия Ф. К. Баадера представляет собой подлинный христианский теизм и в своих основных чертах полностью совпадает с христианским богословием. В то время как другие теисты в своих религиозно-философских построениях исходили преимущественно из философских теорий, положений, этических побуждений и только в лучшем случае из обще-религиозных мотивов, Ф. К. Баадер видел свою задачу в уяснении смысла христианских догматов,

истинность которых он не подвергал никакому сомнению. Ф. К. Баадер – единственный из крупных немецких мыслителей XIX в., который строил своё философское мировоззрение на церковно-христианской вере, понял и с замечательным глубоким мыслием обнаружил философское значение догматов христианства [4, с. 188]. Выход из общественных противоречий своего времени Ф. К. Баадер видел в создании универсальной христианской религии, преодолевающей расхождения между всеми конфессиями. Его взгляды оказали влияние на славянофильство, а позже на Владимира Соловьёва и Николая Бердяева, а также на немецкую неоромантическую социологию.

Статья поступила в редакцию 06.12.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельгунов И. А. Шеллинг (Из путевых записок) // Отечественные записки. 1839. Т. 3. № 5. С. 112–128.
2. Микосиба М., Бондарева Я. В. Синтез мистицизма и рационализма как парадокс русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 55–62.
3. Пустарнаков В. Ф. Шеллинг: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 688 с.
4. Франк С. Л. Новое издание Баадера // Путь. 1926. № 4. С. 188–189
5. Baader F. X. Vorlesungen gehalten an der Ludwig-Maximilians-Hochschule über religiöse Philosophie im Gegensatz der irreligiösen älterer und neuerer Zeit. München: Bei Jacob Siel, 1827. 111 p.
6. Baader F. X. Ueber Kant's Deduction der praktischen Vernunft und die absolute Blindheit der letzteren // Gesammelte Schriften zur philosophischen Erkenntniswissenschaft als spekulative Logik. Sämtliche Werke: in 2 books. B. 1. Leipzig: Scientia, 1851. P. 8–10.

REFERENCES

1. Mel'gunov I. A. [Schelling (From Travel Notes)]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 1839, vol. 3, no. 5, pp. 112–128.
2. Mikosiba M., Bondareva Ya. V. [The Synthesis of Mysticism and Rationalism as a Paradox of Russian Religious Philosophy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 3, pp. 55–62.
3. Pustarnakov V. F. *Shelling: pro et contra* [Schelling: pro et contra]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2001. 688 p.
4. Frank S. L. [New Edition of Baader]. In: *Put'* [Way], 1926, no. 4, pp. 188–189.
5. Baader F. X. Vorlesungen gehalten an der Ludwig-Maximilians-Hochschule über religiöse Philosophie im Gegensatz der irreligiösen älterer und neuerer Zeit. München, Bei Jacob Siel Publ., 1827. 111 p.
6. Baader F. X. Ueber Kant's Deduction der praktischen Vernunft und die absolute Blindheit der letzteren. In: *Gesammelte Schriften zur philosophischen Erkenntniswissenschaft als spekulative Logik. Sämtliche Werke. B. 1.* Leipzig, Scientia Publ., 1851, pp. 8–10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Луценко Виктория Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел России;
e-mail: vika_04@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria E. Lutsenko – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Special Disciplines, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Vladivostok Branch);
e-mail: vika_04@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Луценко В. И. Религиозная философия немецкого философа Франца Ксавера фон Баадера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 53–59.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-53-59

FOR CITATION

Lutsenko V. E. Religious Philosophy of the German Philosopher Franz Xaver von Baader. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 53–59.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-53-59

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 101.1:316.3, 004

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-60-67

ТЕХНОЛОГИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ЭВОЛЮЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА: ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ И ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ

Бакланов И. С.¹, Пелевин С. И.²

¹Северо-Кавказский федеральный университет

355000, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, Российская Федерация

²Армавирский государственный педагогический университет

352901, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, д. 159, Российская Федерация

Аннотация

Цель. С позиций социальной философии исследовать социокультурные особенности процессов развития технологий и становление технологического сознания в условиях постиндустриализма. Для её достижения проанализированы специфика развития современных технологий и динамика постиндустриального общества, а также рассмотрен феномен технологического сознания как социальной рефлексии технологических перемен.

Процедура и методы. Исследование проведено на основе взаимного дополнения деятельностного, социокультурного и формационного подходов. Первый был использован в экспликации деятельностных оснований современных технологий, второй показал сложность и диахронность социального и культурного развития современных технологий, третий способствовал уточнению модели развития постиндустриального общества.

Результаты. Проведённый анализ показал, что развитие технологий в условиях современности рефлексировалось на индивидуальном и общественных уровнях в рамках технологического сознания. Под «технологическим сознанием» понимается специфическая сфера общественного сознания, сформировавшаяся в результате рефлексии социальными субъектами: во-первых, над связанными с техникой и технологиями экологическими проблемами взаимоотношения человека, общества и природы, во-вторых, над вызовами и рисками, исходящими от технологий для социального развития, наконец, над угрозами и опасностями, которые технологии несут биологической, социальной и духовной природе человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обосновано представление, что постиндустриальная фаза социального развития последовательно развивалась в виде форм: информационное общество, общество знаний и цифровое общество.

Ключевые слова: деятельность, информационное общество, общество знания, общество, постиндустриализм, технологии, цифровое общество

TECHNOLOGIES AND TECHNOLOGICAL CONSCIOUSNESS IN THE EVOLUTION OF POST-INDUSTRIALISM: FROM INFORMATION SOCIETY TO KNOWLEDGE SOCIETY AND DIGITAL SOCIETY

I. Baklanov¹, S. Pelevin²

¹North Caucasus Federal University

ul. Pushkina 1, Stavropol 355000, Stavropolsky Krai, Russian Federation

²Armavir State Pedagogical University

ul. Rozy Luxemburg, Armavir 159352901, Krasnodarsky Krai, Russian Federation

© СС ВУ Бакланов И. С., Пелевин С. И., 2022.

Abstract

Aim. From the standpoint of social philosophy, to investigate the socio-cultural features of the processes of technology development and the formation of technological consciousness in the conditions of post-industrialism. To achieve it, the specificity of the development of modern technologies and the dynamics of post-industrial society are analyzed, and the phenomenon of technological consciousness as a social reflection of technological changes is considered.

Methodology. The research is conducted on the basis of mutual complementarity of activity, socio-cultural and formational approaches. The first was used in the explication of the activity foundations of modern technologies; the second showed the complexity and diachrony of the social and cultural development of modern technologies, the third helped to clarify the model of the development of post-industrial society.

Results. The analysis showed that the development of technology in the modern world is reflected at the individual and social levels within the framework of technological consciousness. "Technological consciousness" refers to a specific sphere of public consciousness, formed as a result of reflection by social subjects: firstly, over the ecological problems of the relationship between man, society, and nature-related to engineering and technology, and secondly, over the challenges and risks to social development emanating from technologies, finally, over the threats and dangers that technologies bring to the biological, social and spiritual nature of man.

Research implications. The idea is substantiated that the post-industrial phase of social development has consistently developed in the form of subsequent forms: information society, knowledge society, and digital society.

Keywords: activity, information society, knowledge society, society, post-industrialism, technology, digital society

Введение

Структура человеческой деятельности по своей природе такова, что она направлена достижение определённых целей, т. е. деятельность, проявляя себя как процесс целенаправленной активности, изначально представляет собой проект в своей сути. Иначе говоря, любая человеческая деятельность (как целенаправленная активность) формализуется и алгоритмизируется, и, как следствие, может быть технологизирована. В свою очередь, усложнение используемых в обществе технологий способствует тому, что человеческая деятельность всё больше диверсифицируется: как происходит усложнение структуры и растёт разнообразие форм деятельности, так и множатся пути и методы её реализации в социокультурном пространстве.

При этом ускорение социокультурной динамики, происходящее в том числе и под воздействием совершенствования и широкого применения материальных и социальных технологий, всё больше способствует диверсификации форм деятельности [3, с. 445–447]. Чем чаще изобретались,

совершенствовались и использовались в рамках определённых социальных практик технические устройства, средства и технологии, тем больше появлялось проблем перед человечеством [11]. Эти проблемы занимали мысли индивидов, в том числе и тех, кто непосредственно не был связан со сферой технического творчества и изобретательства.

По нашему мнению, именно значимость и важность результатов и проблем технико-технологического развития для человека и общества способствовали оформлению в рамках общественного сознания такой специфической сферы, как «технологическое сознание», сформировавшейся как результат рефлексии социальными субъектами: во-первых, над связанными с техникой и технологиями экологическими проблемами взаимоотношения человека, общества и природы, во-вторых, над вызовами и рисками, исходящими от технологий для социального развития, наконец, над угрозами, которые технологии несут биологической, социальной и духовной природе человечества.

Необходимость адекватного и релевантного осмысления практики и проблем технико-технологического развития в рамках научно обоснованной и логически непротиворечивой рефлексии этого процесса стимулировала появление в корпусе социально-гуманитарного знания такого направления, как «философия техники и технологии». Интенсификация данного направления в современном постиндустриальном обществе (которое также можно представить также в качестве «техногенного общества» [10, р. 2437–2443]) связана с повышением важности технологий в рамках происходящих социальных изменений.

Развитие технологий и динамика постиндустриального общества

Динамика социального развития нелинейна по своему характеру. В интерпретации математических графиков эта нелинейность носит экспоненциальный характер. Особенностью экспоненты является то, что до определённых пределов первоначальные изменения самой функции незначительны. Однако со временем графически экспонента резко возрастает вверх, поднимаясь до немислимых высот. График экспоненты хорошо отражает, репрезентует динамику социального развития: процессы развития общества, происходящие социальные изменения первоначально практически незаметны. В буквальном смысле кажется, что социальное время и общественная жизнь остановились в традиционных цивилизациях, которые объективно развиваются очень медленно, ориентируясь на традиционные устои.

Технологический уклад и повседневный быт в обществах традиционного типа продолжительно остаются фактически неизменными, а новшества – малоизвестными и практически не распространяются. Всё кардинально изменяется, когда общество входит в фазу модерна. Общества премодерна и общества модерна отличаются не только технологическим укладом, но прежде всего возрастанием роли знания в социальном развитии, тем, что знания

становятся непосредственным производственной силой [4, с. 26–31]. Социальные изменения тем интенсивнее, чем больше инноваций начинает применяться в рамках разнообразных социокультурных практик. Эти инновационные социокультурные практики в буквальном смысле переформируют социальную структуру, генерируя различные социальные институты и новые элементы общества [6].

Безусловно, авангардом этих изменений является экономика, где применение различных инноваций способствует повышению производительности труда и росту эффективности производства. Но в рамках экономики модерна не просто растут это богатство и экономический достаток производителей, а благодаря новым ценностям капиталистического производства полученные ранние богатства, финансовые ресурсы и ценности, по большей части, вновь вкладываются в производственный процесс. Само знание также превращается в капитал в условиях общества модерна. Если в обществе премодерна довольно важны навыки производителей, их технологические умения, то теперь в обществе модерна к ним присовокупились знания о мире.

Социальную значимость в обществе модерна приобретает наука, которая в эпоху высокого модерна становится значимой и мощной производительной силой. Само продуцирование научного знания в условиях раннего модерна превращается в производственный процесс, который был локализован в университетах и академиях. Иными словами, значительную роль играет организационно дисциплинарная научная структура, которая начинает активно взаимодействовать со структурами экономики и политики. В свою очередь, актуализируется деятельность учёных, которая в развитых индустриальных государствах очень часто рассматривается как деятельность чиновников, работающих в государственных структурах, академиях и университетах. Вместе с производством научного знания большую роль начинает играть экспертиза социальных, экономических и политических проектов.

При этом если первоначально экспертиза проводилась в интересах государственных структур, то постепенно она стала проводиться и в интересах общественных организаций гражданского общества. В общем, оформление структур гражданского общества является одной из основных тенденций общества модерна. В этой связи интересным является то, что в постиндустриальном обществе производителями научного знания являются не только дисциплинарно организованные в академические и университетские лаборатории учёные, но и адресаты научного знания, а также различного рода дилетанты. В этой связи проекты преобразования общества, предложенные Огюстом Контом, Карлом Марксом и их последователями, в значительной степени ориентированы на использование научных знаний.

Усиление рационалистической позиции в эпоху зарождения общества модерна и рост позитивистского мировоззрения в эпоху классического высокого модерна показывают социальную значимость знания. Наблюдается тенденция, что знания постепенно перетекают из массива, корпуса накопительного знания в массив знания релевантного, которое находит применение в различных социокультурных и прежде всего, производственных практиках. Именно это тенденция широкого охвата научным знанием всех социокультурных практик способствует бурному росту социальных изменений, наблюдаемых в условиях общества модерна, а затем и в условиях постмодерна как постиндустриальной фазы общественного развития. При этом сами научные структуры отлично инкорпорировались в сложную организованную систему общества модерна и со временем только укоренились в них.

Если в условиях общества модерна экономика была ориентирована преимущественно на материальное производство, то в условиях постмодерна новые научные знания осуществляют экспансию в социокультурную сферу, превращая экономику в экономику знака. Культура постиндустриального общества сама становится не сферой сохранения традиций, а простран-

ством зарождения различных инноваций социокультурного характера, которые интенсивно воздействуют и переформируют жизнь людей, вторгаясь даже в сферу функционирования идентичности, которая, в свою очередь, оказывает влияние на систему человеческой деятельности, включая деятельность в сфере экономики и в рамках других социокультурных практик.

Действительно, современная экономика представляет собой эффективные практики продаж символов, смыслов, брендов. Знаки и символы всё время превращаются в товар, который имеет в современной экономике значимый статус, повышающийся в условиях унификации общественной жизни в различных уголках планеты благодаря безудержным процессам глобализации. Развитие информационных технологий и средств телекоммуникации лишь усилили эту тенденцию, способствовали фетишизации брендов. Раньше, в условиях индустриализма, появление транснациональных корпораций было связано с протеканием капитала и идей из одной страны в другую: корпорация, договорившись с местными национальными правительствами, могла открыть свои заводы и производства в различных частях мира. В условиях цифровизации транснациональные корпорации работают практически круглосуточно. Благодаря тому, что их офисы находятся в различных частях земного шара, а их производства также разбросаны по всему миру, они становятся подобны Британской империи, над которой никогда не заходило солнце. Особо следует сказать о трансформациях, происходящих в обществах уже в постиндустриальную эпоху.

По нашему мнению, в процессе эволюции постиндустриального общества наблюдается переход от общества информационного [7, с. 1–4] к обществу знаний [5, р. 322–343], а затем – к дигитальному обществу, т. е. обществу цифровому [9, р. 277–297]. Эти социальные конфигурации, по нашему убеждению, следует отличать друг от друга. Безусловно, на них основаны информационно-цифровые технологии, созданные на базе электронно-вычислительной

техники. Но эти конфигурации обществ, их социальные структуры отличаются прежде всего особенностями использования знаний, осуществлением переноса потоков информации и, наконец, типами цифровых и инфокоммуникационных технологий, применяющихся в них. В условиях раннего постиндустриализма информация тоже или была нерелевантной с точки зрения её инструментально-прагматической значимости, а её потоки благодаря средствам массовой информации и масс-медиа перемещались хаотично, или не находила применения в рамках производственных технологий, а только в процессах статистических расчётов и вычислений, а также в некоторых производственных процессах, которые поддавались минимальной алгоритмизации и автоматизации.

Данная тенденция характерна именно для так называемого информационного общества. Однако с изобретением автоматизированных систем обработки информации, которые первоначально работали на устройствах и схемах с аналоговыми сигналами, ситуация изменилась. В совокупности с этим развитие программного обеспечения способствовало более широким внедрению и применению информационных потоков в различных производственных процессах. Информация превратилась в знание, которое всё больше и больше становилось востребованным в рамках производственных процессов и других социальных практик. Постиндустриальное общество приобрело особенности общества знания, в котором основной тенденцией стала компьютеризация, когда элементная база электронной техники пошла по пути дальнейшей микролизации и минимизации, и общество знания со временем эволюционировало в цифровое общество. Их различие состоит в том, что цифровые технологии не только охватили производственные процессы, но и глубоко проникли в жизнь каждого человека.

Благодаря этим технологиям осуществляется контроль деятельности человека, социальные субъекты могут эффективно коммуницировать друг с другом. Однако цифровые технологии также способствовали усилению

контроля за социальным субъектом, за его передвижением, а также за тем, какими средствами связи он пользуется, вплоть до того, какие этические и политические мысли он выражает. Безусловно, это является положительным моментом в ситуации борьбы с усилившимися во всем мире в последнее время проявлениями экстремизма и терроризма. В этой связи следует обратить внимание, что роль государственных структур усиливается в наше время и вопрос о свободе индивида под надзором Всевидящего Ока Государства, (которое Томас Гоббс представил в образе библейского чудовища Левиафана), который стал краеугольным в рамках развития общества модерна, не просто всё ещё остаётся актуальным, но и приобретает новый смысл.

Очевидно, что установка идеологии модерна на центрацию отношений власти и легитимацию смыслов и основных политических нарративов никуда не исчезли, они лишь стали не столь очевидны для наших современников и стали латентными, более скрытыми в социокультурном пространстве постсовременного, постмодерного или постиндустриального общества. Заметим, что тенденция центрации социальных институтов наблюдается именно в политическом плане: процессы концентрации общественной жизни вокруг государственных идеологий всё ещё являются актуальными и даже усиливаются.

Тут стоит вспомнить идеи «другого модерна» или «второго модерна», которые развивались такими мыслителями, как Ульрих Бек [1], Энтони Гидденс [2; 8], и их единомышленниками. Её суть заключается в том, что тенденция модернизации усиливается именно благодаря технологиям, хотя в значительной степени увеличиваются риски развития общества. Эти риски по своему характеру являются как социокультурными, так и технологическими. Итак, круг замкнулся: в технологическо-производственном и социокультурном пространстве современного общества постиндустриализма генерируется множество разнообразных рисков, которые необходимо рефлексировать, что актуализирует феномен технологического сознания.

Технологическое сознание как рефлексия технологических перемен

История становления человеческого общества представляет собой единство развития его материальных и духовных оснований. Изменениям и структурным трансформациям подвергается не только сфера материального производства, но и культура как сфера духовного производства. В этом смысле уместно говорить о совершенствовании материальных и социальных технологий.

Важным в этом аспекте является технологическое сознание общества, наличие которого способствует не только экономическому развитию, но и адекватному восприятию социальных изменений и перемен. Важность технологического сознания постоянно возрастает в связи с тем, что человеку необходимо постоянно рефлексировать изменения, которые связаны с технологиями и их применением. Возникают множество вопросов и множество проблем, которые требуют неотложного решения. Эти проблемы распадаются на проблемы отношения человека и природы, а также на проблемы собственно социального развития и включают проблемы развития человека в аспектах его биологического, социального и духовного существования.

То, что повседневная жизнь человека изменяется в обществе в результате технологий, очевидно. Но современные технологии также устремлены к глубине человеческого бытия, стремятся изменить внутреннюю духовную жизнь человека и основу его экзистенциального существования. Совсем недалеко то время, когда технологическому изменению будут массово подвергаться различные части тела человека, его органы по медицинским показаниям и не только, по причине моды или экономической выгоды, а, может, и по указанию органов власти (это в самом крайнем случае развития в будущем глобального общества до формы «цифрового фашизма»).

Современные технологии также в значительной степени призваны изменить потребности людей, которые в качестве субъектов общества пытаются употреблять

информацию наравне с материальными ресурсами. Финансы, которые затрачивает современный индивид, особенно молодой человек, нацеленный на цифровые инновации, зачастую используются для потребления информационных ресурсов. Технологическое сознание представляет собой рефлекссию отдельным человеком и обществом в целом того, как современная технологическая система производит изменение жизни отдельного человека и как она обеспечивает существование элементов социальной системы. Технологическое сознание – это комплексное, сложное явление, в котором не только присутствуют креативные элементы, связанные с деятельностью человека, но и постоянно рефлексировуются вопросы этического и аксиологического плана, как возможно и нужно ли применять технику и технологии в рамках определённых социокультурных практик.

Этими вопросами задаются не только отдельные люди, но и социальные группы, что актуализирует феномен общественного технологического сознания, где уже обществом рефлексировуются и осмысляются возможности применения и в дальнейшем использования тех или иных технологий. Очень трудно понять, как, под воздействием каких технологий будет в дальнейшем развиваться общество. Важным также является то, какими ценностями будут руководствоваться общество и отдельные государственные деятели при выборе тех или иных решений, что будет поставлено при этом во главу угла: баланс потребностей человека в духовном совершенствовании и реализации его насущных материальных потребностей, либо экономические выгоды транснациональных корпораций. Очевидно, к сожалению, что чаша весов перевешивает в сторону последних. Это является наиболее страшной угрозой человечества. Транснациональные корпорации в современном постиндустриальном цифровом обществе не только используют ресурсы природы, но и высасывают ресурсы из тел и душ людей в результате цифрового воздействия. Человеческий капитал очень важен для развития современного цифрового общества, но этот капитал

в часто очень неправильно используется или откровенно нещадно эксплуатируется транснациональными корпорациями цифрового постиндустриального общества.

Заключение

Таким образом, в современном цифровом постиндустриальном обществе всё более важной становится рефлексия технико-технологического развития в условиях глобальной пандемии и политической и социальной турбулентности. Безусловно, большую значимость приобретают этические проблемы развития современных технологий. Возникает вопрос, какие ценности должны превалировать в современном мире: человек подвергается различным вызовам и рискам как со стороны природы, так и со стороны технологий и, находясь между естественным и искусственным, между природой и техникой, ищет своё место в глобальном мире. В этих условиях довольно сложно выбрать золотую середину между безудержным техническим развитием и сохранением гармоничных отношений в естественной природной среде. Вызовы, которые несёт человеку техника в современных условиях, совершенно отличаются от тех, которые она несла раньше: если в условиях индустриального общества технологии угрожали прежде

всего экологической нише существования человечества, разрушали окружающую человека среду обитания и могли разрушить его здоровье, то в условиях постиндустриализма ситуация усугубилась.

В постиндустриальном цифровом обществе угрозам и рискам уже подвергается сама человеческая природа, которую новые технологии пытаются разрушить. Практически безудержной атаке подвергается прежде всего биологическая природа человека, которую некоторые мировоззренческие течения предлагают существенным образом усовершенствовать, например, путём введения в тело имплантов или даже непосредственно различных девайсов и приспособлений. Киборгизация человеческого тела превратилась из фантастических прогнозов во вполне реальную тенденцию развития современных технологий. Кроме того, технологии атакуют также человеческую личность, вторгаются в её сознание с помощью различных инновационных технологий, которые внедряют чуждые человеку идеи и помыслы. Всё это в своей совокупности показывает очень важную роль технологического сознания как рефлексии современного технико-технологического развития и его возможных перспектив.

Статья поступила в редакцию 09.11.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому Модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Фёдоровой; посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / пер. И. Тюриной. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
3. Денисенко С. В., Бакланова О. А., Бакланов И. С. Техника как фактор социального развития // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 445–447.
4. Пелевин С. И. Технологизация общества как фактор социокультурной модернизации // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 4. С. 26–31.
5. Cerroni A. Steps Towards a Theory of the Knowledge-Society // Social Science Information. 2018. Vol. 57. № 2. P. 322–343.
6. Floridi L. The Philosophy of Information. Oxford: Oxford University Press, 2011. 426 p.
7. Floridi L. Mature Information Societies – a Matter of Expectations // Philosophy and Technology. 2016. Vol. 29. № 1. P. 1–4.
8. Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p.
9. Olesen Th. The Politics of Whistleblowing in Digitalized Societies // Politics and Society. 2019. Vol. 47. № 2. P. 277–297.
10. Pelevin S. I., Taubaev B. D., Baklanov I. S. Problem of Technogenic Society Dynamics under the Conditions of Contemporaneity // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. № 11. P. 2437–2443.
11. Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2010. 244 p.

REFERENCES

1. Beck U. Risikogesellschaft – Auf dem Weg in eine andere Moderne (Rus. ed.: Sedelnik V., Frolova N., transl. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu Modernu*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2000. 384 p.).
2. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration (Rus. ed.: Tyurina I., transl. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturacii*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2003. 528 p.).
3. Denisenko S. V., Baklanova O. A., Baklanov I. S. [Technologies as a Factor of Social Development]. In: *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Bulletin], 2020, no. 8 (147), pp. 445–447.
4. Pelevin S. I. [Technologization of Society as a Factor in Socio-cultural Modernization]. In: *Logos et Praxis*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 26–31.
5. Cerroni A. Steps Towards a Theory of the Knowledge-Society. In: *Social Science Information*, 2018, vol. 57, no. 2, pp. 322–343.
6. Floridi L. The Philosophy of Information. Oxford, Oxford University Press, 2011. 426 p.
7. Floridi L. Mature Information Societies – a Matter of Expectations. In: *Philosophy and Technology*, 2016, vol. 29, no. 1, pp. 1–4.
8. Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge, Polity Press, 1990. 186 p.
9. Olesen Th. The Politics of Whistleblowing in Digitalized Societies. In: *Politics and Society*, 2019, vol. 47, no. 2, pp. 277–297.
10. Pelevin S. I., Taubaev B. D., Baklanov I. S. Problem of Technogenic Society Dynamics under the Conditions of Contemporaneity. In: *International Journal of Civil Engineering and Technology*, 2018, vol. 9, no. 11, pp. 2437–2443.
11. Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Hoboken, Wiley-Blackwell, 2010. 244 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакланов Игорь Спартакович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета;
e-mail: baklanov72@mail.ru

Пелевин Сергей Игоревич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета;
e-mail: pelevin17@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor S. Baklanov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Philosophy, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University;
e-mail: baklanov72@mail.ru

Sergei I. Pelevin – Cand. Sci. (Politics), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University;
e-mail: pelevin17@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бакланов И. С., Пелевин С. И. Технологии и технологическое сознание в эволюции постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 60–67.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-60-67

FOR CITATION

Baklanov I. S., Pelevin S. I. Technologies and Technological Consciousness in the Evolution of Post-Industrialism: From Information Society to Knowledge Society and Digital Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 60–67.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-60-67

УДК 172

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-68-75

ФИЛОСОФИЯ АВТОМАТИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТАЛОСА ДО БУДУЩИХ КИБОРГОВ

Георгиу Т. С.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности развития автоматизации, техники и эволюции искусственного интеллекта (ИИ), осуществить философский анализ этого процесса.

Процедура и методы. Философские вопросы, связанные с внедрением систем ИИ в повседневную жизнь человека, рассматриваются на основе системного и междисциплинарного подходов. Аспекты, связанные с моделированием мышления человека, с построением искусственного сознания и с созданием цифровых существ, анализируются в разрезе социально-философской методологии.

Результаты. Обосновано, что агенты ИИ даже без наличия сознания являются мощным инструментом с огромными возможностями, что предполагает разработку правил безопасности и этических норм, которые будут регулировать их использование и существование.

Теоретическая и/или практическая значимость. Критический анализ автоматизации, техники и эволюции ИИ с точки зрения социальной философии позволяет осмыслить комплекс актуальных философских аспектов новой технической реальности современного общества. В данной работе анализируется онтологический аспект этого развития и описываются возможные социальные риски для человечества.

Ключевые слова: автоматизация, искусственный интеллект, мышление, сознание, социальные риски, цифровые существа, этика

PHILOSOPHY OF AUTOMATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM MYTHOLOGICAL TALOS TO FUTURE CYBORGS

T. Georgiou*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of the development of automation, technology and the evolution of artificial intelligence (AI), to carry out a philosophical analysis of this process.

Methodology. Philosophical issues related to the introduction of AI systems into everyday human life are considered on the basis of a systemic and interdisciplinary approach. Aspects related to the modeling of human thinking, the construction of artificial consciousness and the creation of digital creatures are analyzed in the context of socio-philosophical methodology.

Results. It is substantiated that AI agents, even without the presence of consciousness, are a powerful tool with great potential, which involves the development of safety rules and ethical standards that will regulate their use and existence.

Research implications. A critical analysis of automation, technology and the evolution of AI from the point of view of social philosophy allow us to comprehend the complex of relevant philosophical aspects of the new technical reality of modern society. This paper analyzes the ontological aspect of this development and describes the possible social risks for humanity.

Keywords: automation, artificial intelligence, thinking, consciousness, social risks, digital creatures, ethics

Введение

Многие фундаментальные вопросы искусственного интеллекта (ИИ) вызывают огромный интерес в философии ещё с древних времён. Сама идея создания ИИ, подобного человеческому разуму, и концепция моделирования мыслительной способности не являются визитной карточкой исключительно современного общества, они присутствовали в далёком прошлом, в древнейших эпохах и наиболее рельефно проявились в наши дни. В современном мире, помимо обещанных благ для человека, за такими усилиями скрывается множество рисков и опасностей для самого человека и его существования.

Целью исследования являются изложение истории и критический анализ автоматизации, техники и эволюции ИИ с точки зрения социальной философии. Актуальным является осмысление комплекса философских аспектов новой технической реальности современного общества. В данной работе анализируется онтологический аспект этого развития и описываются возможные социальные риски для человечества.

Происхождение понятия «автоматизация». От мифа к реальности

Слово *автомат* (др. греч. αὐτόματος) состоит из двух частей: αὐτός ('он', 'сам') и μέμα ('стремиться'), которое переводится как «самодвижущий», «самодействующий», «самостремительный»¹. Однако в Древней Греции трактовка этого термина была более глубокой: слово *автомат* обозначало действия человека, в основе которых лежат многократное обдумывание, постановка целей, подбор средств, а потому эти действия становятся со временем практически неосмысливаемыми, опривыченными. Из этого можно сделать вывод,

что автоматизация – это совокупность действий на основе алгоритмизированного мышления [9].

Идея автоматизации появилась практически одновременно с появлением человека разумного. В качестве примера можно назвать Талоса из древнегреческой мифологии – бронзового богатыря, данного Зевсом Европе для охраны острова Крит. Платон сделал из этого сказочного персонажа полицейского чиновника, который три раза в день обегал остров и следил за порядком и правосудием [8]. Этот миф доказывает желание человека найти способ автоматизации разумного поведения, порядка и даже справедливости.

Если отойти от мифологических аллюзий и попытаться отыскать следы самодействующих автоматизированных устройств – прообразов современных автоматов, и здесь глубокая древность открывает перед нами свидетельства об автоматически открывающихся дверях, об «автоматах» в мастерской Гефеста, о движущихся скульптурах Дедала и др. [9]. Самое впечатляющее изобретение – это Антикитерский механизм, который считается первым «компьютером» мира. Это сложное механическое устройство использовалось для расчёта движения небесных тел и позволяло узнавать дату 42 астрономических событий. Этот механизм мог отображать положение солнца и луны, определял солнечные и лунные затмения и, самое главное, способствовал определению дат важнейших греческих мероприятий (Олимпиад, Нааийских игр, Пифийских игр и др.) [7].

Первую машину, которая «могла считать сама», создал французский учёный Блез Паскаль. В 1642 г. молодой Паскаль мечтал подарить отцу машину, которая бы облегчила его труд с расчётами, и впоследствии придумал и сконструировал машину под названием «Паскалина», позволяющую складывать и вычитать числа². Несколько позже, в 1673 г., немецкий философ и математик Г. Ф. Лейбниц соз-

¹ Mantoylidis E. Etymologiko lexiko tis Archaiais Ellinikis [Etymological dictionary of Ancient Greek]. 2nd ed. Thessaloniki: Ekpaideytiria Mantoylidh, 2009. P. 54; Stamatakoy I. Lexikon tis Archaiais Ellinikis [Dictionary of Ancient Greek: in 3 vols. Vol. 1. Athina: Bibliopromitheytiki, 1999. P. 197.

² Казакова И. А. История вычислительной техники: учебное пособие. Пенза: Изд-во ПГУ, 2011. С. 27–28.

дал счётную машину, позволяющую складывать, вычитать, умножать, делить и извлекать квадратные корни. Арифмометр Г. Ф. Лейбница считается одним из величайших изобретений – и активно использовался до недавнего времени.

В 1834 г. английский математик Чарльз Беббидж начал проектировать машину, которую назвал аналитической. Она представляла собой универсальную механическую цифровую вычислительную машину, которая впервые в истории техники работала по принципу программного управления. Ада Лавлейс, английский математик, составила первую в мире программу для этой машины. Именно эта «примитивная» с точки зрения современных пользователей машина была механическим прототипом современного компьютера¹.

Научно-техническая революция и искусственный интеллект

Самые заметные изменения в области информатики связаны с переходом на электронный этап развития техники и с изменением соответствующих математических, теоретических и технических основ. В первую очередь речь идёт о двоичной системе счисления Г. Ф. Лейбница и алгебре логики, разработанной Дж. Булем. Теоретические предпосылки, заложенные в работах К. Шеннона, способствовали интеграции электроники и логики. И, наконец, разработанная Аланом Тьюрингом абстрактная машина, позволяющая реализовать некоторые алгоритмы, придала существенный импульс ИИ. В свою очередь, развитие электроники способствовало реализации математической логики.

Создание надёжных машин для автоматизированных расчётов не стало конечным пунктом для человека, мечтавшего автоматизировать даже собственное мышление. Такая идея появилась у многих специалистов в этой области и нашла отражение в их трудах. Основоположниками системы ИИ являются Алан Тьюринг, Джон Маккарти, Фрэнк Розенблатт и др.

Самая известная и широко обсуждаемая работа в области ИИ – «Тест Тьюринга», или, как он её сам назвал, «Игра в имитацию». Тест был предложен в статье под названием «Вычислительные машины и разум», опубликованной в 1950 г. в философском журнале “Mind”. «Может ли машина мыслить?» – главный вопрос данной работы [12]. Этот эксперимент характеризуется новым подходом к вопросу «Думают ли машины?». А. Тьюринг изменяет смысл самого вопроса, рассуждая не о том, что машины думают, а о том, могут ли они делать то, что может делать человек как мыслящее создание [1, с. 9].

Отметим, что для А. Тьюринга машина должна лишь имитировать мышление человека. Он не утверждает, что машина должна понимать смысл общения, и именно это вызвало ряд противоречивых реакций среди учёных. Самая известная критика теста – это мысленный эксперимент «Китайская комната», предложенный Джоном Сёрлом в 1980 г. Несмотря на все свои достоинства и известность, тест подвергается критике по нескольким основаниям, где обнаруживался ряд недостатков. Тем не менее, «Тест Тьюринга» дал старт эре ИИ, вызвав азарт среди специалистов в области информационных технологий и став своего рода «символом» ИИ.

В 1958–1960 гг. выдающийся учёный Фрэнк Розенблатт создал вычислительную систему «Марк-1» на основе модели персептрона. Таким образом, впервые в истории ИИ применились искусственные нейронные сети [3, с. 4; 6, с. 24]. По большому счёту, концепция нейронных сетей формулировалась намного раньше, в 1943 г., в работе под названием «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» Уолтера Питтса и Уоррена МакКаллока [11].

На основе теорем Альфреда Норта Уайтхеда и Бертрана Рассела “Principia Mathematica” в 1957 г. исследователи Аллен Ньюэлл, Герберт А. Саймон и Клифф Шоу разработали программу «Логик-теоретик» (англ. “Logic Theorist”). Впервые программа могла выполнить автоматизированные

¹ Казакова И. А. История вычислительной техники: учебное пособие. Пенза: Изд-во ПГУ, 2011. С. 41–47.

«рассуждения» на основе логических предикатов и, таким образом, стала первой программой ИИ. В 1959 г. эта группа учёных создала программу «Универсальный решатель задач» (англ. “General Problem Solver”), в которой предпринималась стратегия решения задач. В качестве примеров решений задач использовались доказательства теорем евклидовой геометрии и логики предикатов.

В 1965 г. профессор Джозеф Вейценбаум создал программу «Элиза» (англ. “ELIZA”), которая претендовала на прохождение теста А. Тьюринга. «Элиза» могла «имитировать» беседу с психотерапевтом и была способна вести в какой-то мере человеческий диалог. Несмотря на недостатки данной программы, «Элиза» стала первым чат-ботом (виртуальным собеседником) в истории ИИ.

Специалисты по ИИ никогда не упускали из виду человеческого мышления (мозг) и стремились разработать машину, которая будет решать проблемы как человек. Результатом стало создание Эдвардом Альбертом Фейгенбаумом «Экспертных систем» – программ, целью создания которых было решение машиной трудных задач, не уступающее по качеству и эффективности решению эксперта-человека.

Для достижения поставленной цели – победы над интеллектом человека – специалисты в области ИИ направили все усилия на разработку «умной машины». В 1997 г. был совершён прорыв в истории ИИ, заодно изменивший и историю человечества. «Машина против человека» – вовсе не название фильма-фантастики. Так назвали матч суперкомпьютера «Дип-Блю» (англ. “Deep Blue”) против Гарри Каспарова, чемпиона мира по шахматам, где Суперкомпьютер одержал победу¹. На фоне поражения человека не обычных (стандартных) способностей, а одного из самых умных в мире создалось впечатление, что создание автономных мыслящих

машин принципиально возможно, и оно не заставит себя долго ждать.

Безусловно, дальнейшее развитие этой сферы требовало не только специальных знаний, большого количества данных и вычислительных ресурсов, но и другого подхода для решения задач. Поэтому разработчики использовали технологию искусственных нейронных сетей. Эксперты довольно быстро поняли, что для того, чтобы нейросеть приносила искомые результаты, её надо «учить». Таким образом, специалисты в области ИИ ещё с 1980-х гг. старались усовершенствовать технологию машинного обучения.

В рамках исследования ИИ суперкомпьютера «Дип-Блю» разработчики “DeepMind” добавили в программу возможность самообучения, и в 2016 г. программа «АльфаГо» обеспечила победу сильнейшего игрока «Го». В отличие от предыдущих программ программа «АльфаГо» могла сама обучаться без посторонней помощи (человека) и без заранее заданного алгоритма.

В области робототехники первый человекоподобный робот, который, по словам производителей, обладает ИИ, – это робот София, созданный в 2015 г. Робот оснащён технологиями обработки визуальной информации и распознавания лиц. София может имитировать человеческие жесты и выражения лица, а также может отвечать на определённые вопросы и проводить простые беседы. Самое удивительное в истории с роботом София – это получение гражданства Саудовской Аравии в 2017 г., что породило массу фундаментальных вопросов, связанных с этикой: *андроид* получает гражданство страны, где не все люди имеют полноценные человеческие права.

Системы ИИ стали коммерчески успешными и востребованными практически в любом бизнесе. Такие компании, как Google, Microsoft, IBM, Amazon, сделали ИИ важным направлением своей стратегии, где системы ИИ стали важным компонентом основных продуктов. Речь идёт о интеллектуальных помощниках (чат-ботах и виртуальных ассистентах)

¹ Каспаров против Deep Blue. Матч, изменивший историю // Chess.com: [сайт]. URL: <https://www.chess.com/ru/article/view/kasparov-protiv-deep-blue-match-izmenivshii-istoriiu> (дата обращения: 09.04.2021).

онлайн-переводчиков, поисковых машин, систем бизнес-аналитиков, самоуправляемых автомобилей, об «умных» системах и др. Современные системы ИИ оснащены функциями взаимодействия с человеком, и, вне всякого сомнения, такие человеко-подобные системы будут применяться в повседневной жизни всё больше и больше.

Развитие технологии ИИ – это дорога без возврата, и, как показывает время, внедрение в повседневную жизнь интеллектуальных систем будет продолжаться и охватывать все параметры личной, профессиональной и социальной деятельности человека. Современные технологии позволяют «умным» системам обучаться на собственном опыте, адаптироваться к окружающей среде и к параметрам задач, принимать решения, которые раньше были прерогативой человека, и даже «вести» себя как человек!

Социальный аспект ИИ

Научно-технический прогресс развивается такими ускоренными темпами, что даже футурологи не успевают прогнозировать будущие изменения в сфере ИИ. В последнее время наблюдается процесс киборгизации, связанный с появлением особых бионических существ, трансгенов (генетически модифицированных людей), «биотехнического» человека, а также с изобретением роботов, подключённых к ИИ [5].

Симбиоз человека и мыслящей техники является фактом и, следовательно, формирует новую реалию. Придётся привыкать к мысли, что в обществе среди людей появятся новые существа – киборги, роботы, автономная техника, агенты ИИ и другие интеллектуально-цифровые объекты. Как обещают специалисты в этой области, они смогут существовать сами по себе и даже будут каким-то образом оснащены сознанием. В этой ситуации объекты становятся субъектами, что само по себе уже порождает вопросы идентификации ИИ, киборгов, возможных гуманоидов (разумных человекоподобных существ) и самого человека, что, в свою очередь, рождает вопросы об

использовании этих созданий, о границах такого использования и, конечно, вопросы самоидентификации, что выводит проблему на философско-нравственный уровень [13].

Возможность моделирования мышления человека и построения искусственного сознания – одна из основных философских проблем в области ИИ. Вопрос уже не совсем гипотетический и очевидно имеет большое значение не только для научного сообщества, но и для человечества в целом. Следовательно, это вызывает не только философские вопросы, но и ряд этических, психологических и даже юридических вопросов. Некоторые учёные, такие как Ник Бостром, утверждают, что скоро машины достигнут «сверхразума» [2], который будет превосходить во многих универсальных проявлениях когнитивной деятельности разум человеческий. В таком случае возникает главный вопрос, связанный не с интеллектом как алгоритмом математической логики, а с сознанием и философско-онтологическим существованием человека, т. к. создание такого мощного искусственного интеллекта влечёт за собой огромные социальные риски [1, с. 17].

Если в обществе будут присутствовать (с разной степенью активности) такие существа, о которых говорилось выше, тогда какие взаимоотношения будут установлены между ними и людьми? Будут ли этим существам предоставлены права? Если да, то о каких правах возможно вести речь, если не о человеческих? Кто будет являться гражданином страны? Если они будут умнее людей, будут ли иметь право занимать руководящие позиции? Будет ли это ознаменованием конца человеческой расы, как предупреждал известный учёный Стивен Хокинг? Вот некоторые серьёзные экзистенциальные вопросы, которые человечеству необходимо иметь в виду.

С другой стороны, известные учёные – философ Джон Сёрл и нейрофизиолог Майкл Грациано – отмечают, что именно сознание, а не интеллект является существенным отличием высших млекопитающих, включая человека разумного.

Машина не способна обладать сознанием, и моделирование человеческого сознания является нерешённой научной задачей. ИИ не может заменить человека, это невозможно [4; 10, с. 139]. Другими словами, эти системы характеризуются очень узкой специализацией. Они предназначены для выполнения одной конкретной задачи, и им далеко до многозадачности человека. Майкл Грациано сравнивает этот процесс с алхимическими теориями, когда ряд учёных пытались найти способ превратить любой металл в золото: «У них не было недостатка в теориях, но их алхимические теории, как правило, основывались на аналогиях или мифах, а не на логических выводах», – утверждает автор [10, с. 123].

Впрочем, агенты ИИ даже без наличия сознания являются мощным инструментом с огромными возможностями, и, если не будут предусмотрены правила безопасности и этические нормы, регулирующие их использование и существование, последствия будут не менее катастрофическими, чем при взрыве атомной бомбы или «успешном» клонировании человека.

Машины, способные анализировать сложные данные для освоения и совершенствования конкретных навыков и имитировать сложные интеллектуальные функции человека, уже не редкость. Образы технологий ИИ с экранов кинотеатров и телевизоров, вероятно, в ближай-

шем будущем перестанут быть элементами фантастики, но, очевидно, станут нашей новой реальностью. Конечно, прогнозировать дорожную карту развития ИИ на среднесрочную перспективу невозможно. Таким образом, развитие технологий ИИ с целью ускорения технологического прогресса – лишь верхушка айсберга, поскольку сегодня мы не можем определить, что скрывается под водой, а именно – какие последствия можно ожидать для общества и, следовательно, для человечества.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что история автоматизации и ИИ преподнесла много достижений и «сюрпризов», и, вероятно, человечество ожидают новые вызовы. По всей видимости, человек столкнётся с основными вопросами, связанными и с его идентичностью, и с самим его существованием. Поэтому на учёных-исследователей, разработчиков, инвесторов и на всех участников общественных организаций возложена огромная ответственность перед человечеством – сделать всё возможное для регулирования всех этических и других вопросов, которые проявятся из-за возможного будущего симбиоза человека с новыми цифровыми существами.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуев А. В. Философские проблемы развития искусственного интеллекта // Философские проблемы развития искусственного интеллекта: коллективная монография / под ред. А. В. Волобуева, Н. А. Ореховской. М.: Прометей, 2019. С. 7–24.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы, угрозы, стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 493 с.
3. Городецкий В. И., Юсупов Р. М. Искусственный интеллект – наука и информационная технология: настоящее и будущее // Информационные технологии в управлении: материалы XIII мультиконференции по проблемам управления, Санкт-Петербург, 06–08 октября 2020 г.. СПб.: Электроприбор, 2020. С. 3–14.
4. Душкин Р. В. Критика «Китайской комнаты» Дж. Сёрла с позиции гибридной модели построения искусственных когнитивных агентов // Сибирский философский журнал. 2020. № 2 (18). С. 30–47.
5. Малькова Т. П. Киборгизация: онтологические проблемы исследования // Манускрипт. 2018. № 3. С. 87–92.
6. Марголин И. Д., Дубовская Н. П. Основные этапы развития искусственного интеллекта // Молодой учёный. 2018. № 206 (20). С. 23–26.

7. Мерчант Д. Антикитерский механизм: Самое загадочное изобретение Античности / пер. с англ. П. Г. Дейниченко. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 280 с.
8. Назиров Р. Г. Родословная робота, или История о соперничестве фантазии с техникой // Назировский архив. 2017. № 2 (16). С. 72–74.
9. Очеретяный К. А. Автоматы Платона // Платон и античная наука: материалы XXV конференции Универсум платоновской мысли, 21 июня 2017 г. М.: Изд-во РХГА, 2017. С. 191–196.
10. Graziano M. S. A. Rethinking Consciousness: A Scientific Theory of Subjective Experience. New York: W. W. Norton & Company, 2019. 224 p.
11. McCulloch W. S., Pitts W. A Logical Calculus Nervous Activity // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1943. № 5. P. 115–133.
12. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. № 236 (59). P. 433–460.
13. Warwick K. Cyborg Morals, Cyborg Values, Cyborg Ethics // Ethics and Information Technology. 2003. № 3 (5). P. 131–137.

REFERENCES

1. Volobuev A. V. [Philosophical Problems of the Development of Artificial Intelligence]. In: Volobuev A. V., Orekhovskaya N. A., eds. *Filosofskie problemy razvitiya iskusstvennogo intellekta* [Philosophical Problems of the Development of Artificial Intelligence]. Moscow, Prometei Publ., 2019, pp. 7–24.
2. Boström N. Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies (Rus. ed.: Filin S., transl. *Iskusstvennyj intellekt. Etapy, ugrozy, strategii*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2016. 493 p.).
3. Gorodecky V. I., Yusupov R. M. [Artificial Intelligence – Science and Information Technology: Present and Future]. In: *Informacionnye tekhnologii v upravlenii: materialy XIII mul'tikonferencii po problemam upravleniya, Sankt-Peterburg, 06–08 oktyabrya 2020 g.*, [Information Technologies in Management: Materials of the 13th Multi-conference on Management Problems, St. Petersburg, October 06–08, 2020]. St. Petersburg, Electropribor Publ., 2020, pp. 3–14.
4. Dushkin R. V. [Criticism of the “Chinese Room” by J. Searle from the Standpoint of a Hybrid Model for Constructing Artificial Cognitive Agents]. In: *Sibirsky filosofsky zhurnal* [Siberian Philosophical Journal], 2020, no. 2 (18), pp. 30–47.
5. Malkova T. P. [Cyborgization: Ontological Research Problems]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2018, no. 3, pp. 87–92.
6. Margolin I. D., Dubovskaya N. P. [The Main Stages in the Development of Artificial Intelligence]. In: *Molodoi uchyony* [Young Scientist], 2018, no. 206 (20), pp. 23–26.
7. Marchant J. Decoding the Heavens: Solving the Mystery of the World's First Computer (Rus. ed.: Deinichenko P. G., transl. *Antikitserskiy mekhanizm: Samoe zagadochnoe izobretenie Antichnosti*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2017. 280 p.).
8. Nazirov R. G. [The Genealogy of a Robot, or the Story of the Rivalry of Fantasy with Technology]. In: *Nazirovsky arhiv* [Nazirovsky Archive], 2017, no. 2 (16), pp. 72–74.
9. Ocheretyany K. A. [Plato's Automats]. In: *Platon i antichnaya nauka: materialy XXV konferencii Universum platonovskoy mysli, 21 iyunya 2017 g.* [Plato and Ancient Science: Proceedings of the 25th Conference Universum of Platonic Thought, June 21, 2017]. Moscow, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2017, pp. 191–196.
10. Graziano M. S. A. Rethinking Consciousness: A Scientific Theory of Subjective Experience. New York, W. W. Norton & Company, 2019. 224 p.
11. McCulloch W. S., Pitts W. A Logical Calculus Nervous Activity. In: *Bulletin of Mathematical Biophysics*, 1943, no. 5, pp. 115–133.
12. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence. In: *Mind*, 1950, no. 236 (59), pp. 433–460.
13. Warwick K. Cyborg Morals, Cyborg Values, Cyborg Ethics. In: *Ethics and Information Technology*, 2003, no. 3 (5), pp. 131–137.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Георгиу Такис Софокли – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: takis.georgiou.s@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Takis S. Georgiou – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: takis.georgiou.s@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Георгиу Т. С. Философия автоматизации и искусственного интеллекта: от мифологического Талоса до будущих киборгов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 68–75.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-68-75

FOR CITATION

Georgiou T. S. Philosophy of Automation and Artificial Intelligence: From Mythological Talos to Future Cyborgs. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 68–75.
DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-68-75

УДК 101.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-76-84

ЭКОФИЛОСОФИЯ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Гурьянова А. В.¹, Жданова В. В.²

¹Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

²Медицинский университет «Реавиз»
443001, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 227, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть экофилософию в качестве мировоззренческой основы процессов глобализации и цифровизации, обуславливающей стабильное развитие современного общества, построение гармоничных или по меньшей мере корректных взаимоотношений внутри системы *человек – общество – природа*.

Процедура и методы. В работе последовательно рассматриваются историческая эволюция экофилософии и её проблемного поля, формирование экоцентризма как этической альтернативы традиционному антропоцентрическому мировидению, совокупное влияние процессов глобализации и цифровизации на сферу экологии и природопользования. Используются диалектический, исторический, компаративный и прогностический методы исследования.

Результаты. С позиций экофилософии получает обоснование отказ от исторически доминировавшего принципа антропоцентризма в пользу принципов экологизма и экоцентризма. Экологизация, глобализация и цифровизация признаются не только взаимосвязанными, но и взаимообусловленными явлениями, оказывающими совокупное воздействие на формирование парадигмы устойчивого развития. Их корреляция рассматривается в качестве отправного пункта для эффективного разрешения экологической и прочих глобальных проблем современности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в попытке представить экофилософию как актуальную и жизненно необходимую основу мировоззрения человечества в эпоху глобализации и цифровизации. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его основных выводов и положений для выстраивания гармоничных взаимоотношений внутри системы *человек – общество – природа* в соответствии с парадигмой устойчивого развития.

Ключевые слова: антропоцентризм, глобализация, цифровизация, экологизм, экофилософия, экоцентризм

ECOPHILOSOPHY AS A WORLDVIEW BASIS OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION

A. Guryanova¹, V. Zhdanova²

¹Samara State University of Economics
ul. Sovetskoi Armii 141, Samara, 443090, Russian Federation

²Reaviz Medical University
ul. Chapaevskaya 227, Samara 443001, Russian Federation

Abstract

Aim To consider ecophilosophy as the worldview basis of the globalization and digitalization processes, which determines the stable development of the modern society, the construction of harmonious or at least correct relations within the *human – society – nature* system.

© CC BY Гурьянова А. В., Жданова В. В., 2022.

Methodology. The study consistently examines the historical evolution of ecophilosophy and its problematic field, the formation of ecocentrism as an ethical alternative to the traditional anthropocentric worldview, the cumulative impact of the globalization and digitalization processes on the sphere of ecology and nature management. Dialectical, historical, comparative and prognostic research methods are used.

Results. In the study, from the standpoint of ecophilosophy the rejection of the historically dominant principle of anthropocentrism in favor of the principles of environmentalism and ecocentrism is justified. Environmentalism, globalization and digitalization are recognized not only as interrelated, but also as dependent phenomena that have a cumulative impact on the formation of a paradigm of sustainable development. Their correlation is considered as a starting point for the effective resolution of environmental and other global problems of nowadays.

Research implications. The theoretical significance of the research lies in an attempt to present ecophilosophy as an actual and vital basis for the worldview of the humanity in the era of globalization and digitalization. The practical significance of the research lies in the possibility of applying its main conclusions and provisions to construct harmonious relations within the *human – society – nature* system in accordance with the paradigm of sustainable development.

Keywords: anthropocentrism, globalization, digitalization, environmentalism, ecophilosophy, ecocentrism

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем нашей современности является проблема выстраивания цивилизацией гармоничных или по меньшей мере корректных взаимоотношений внутри системы *человек – общество – природа*, способных предотвратить целый комплекс серьёзных антропо-, социо- и био-ориентированных последствий. Так, решение экологической проблемы может считаться императивом выживания человечества, своего рода экзистенциальной основой, от стабильности и устойчивости которой находятся в непосредственной зависимости все прочие, в первую очередь глобальные проблемы современности. Будущее цивилизации напрямую коррелирует с возможностью обнаружения ею компромиссов во взаимоотношениях с окружающим природным мирозданием. И, напротив, исторически сложившаяся практика потребительства и консьюмеризма может обернуться неизбежным отторжением и, как следствие, возможной гибелью и человечества, и планеты как естественной среды его обитания.

В сложившейся ситуации по необходимости возрастает роль таких фундаментальных, мировоззренчески значимых областей знания, как экология и философия. Однако следует обратить внимание также и на формирующуюся на стыке указанных

дисциплин и перекрестье их совместных интересов особую междисциплинарную область – экологическую философию или, как её ещё называют, «экофилософию», «экософию», «глубинную экологию». Вне зависимости от предпочтения одного из вышеназванных терминологических обозначений, экофилософия по праву считается одной из новейших и актуальнейших областей современного философского знания, формирование и экспоненциальное развитие которой детерминировано рядом обстоятельств объективного содержания.

К их числу можно отнести, к примеру, то, что современная цивилизация выстраивает вектор развития весьма агрессивно, сопровождая свой эволюционный прогресс практически бесконтрольным ростом потребления и консьюмеризма. Данная тенденция, что вполне очевидно, приводит исследователей к довольно-таки пессимистичным выводам относительно перспектив будущего развития, например, следующим: «... техногенная цивилизация, основными ценностями которой являются бессмысленный рост производства и бесконечный научно-технический прогресс, этому росту способствующий, зашла в тупик и в настоящее подвергает опасности всё, в том числе и нетехногенные культуры» [1, с. 233].

Вышеизложенное демонстрирует потребность западной цивилизации, как и всего

следующего по проложенному ею пути мирового сообщества, в критической саморефлексии и самооценке, в осознании необходимости формирования принципиально иных мировоззренческих целей, ценностей, приоритетов. В идеале, в основу самоопределения современного общества должны быть положены не только достижения научно-технического прогресса, которые безусловно важны и жизненно необходимы. Экстенсивный рост информационно-цифровых технологий должен по необходимости сопровождаться сопутствующим развитием духовности, формированием бережного отношения человечества к естественной среде его обитания.

Именно эту мировоззренческую корректировку призвана осуществить экофилософия, ставящая своей главной целью комплексное социально-философское осмысление коэволюции человека, общества и природы.

Экологизация мировоззрения: от экологии к экофилософии

Как уже отмечалось выше, экофилософия формируется на стыке и с учётом перекрёстного взаимодействия экологической и философской проблематики. Рассмотрим подробнее эту междисциплинарную двойственность, свойственную экологической философии. Само слово «экология», как известно, вошло в оборот ещё во второй половине XIX столетия, а точнее, с 1866 г. Его автором считается немецкий биолог Э. Геккель. Этимологически «экология» производна от двух древнегреческих терминов: οἶκος – ‘дом’, ‘жилище’ и λόγος – ‘наука’, ‘учение’. Так называемая наука о доме, в понимании её создателя, представляет собой особую область научного знания, призванную сделать предмет своего изучения взаимоотношения, в которые вступают организмы между собой, а также с окружающей их средой обитания.

Несмотря на довольно длительный (вот уже более 150 лет) срок существования самого понятия, экология долгое время не имела чётко выраженной профессиональной направленности. Значимость, а порой даже и сам факт наличия экологических

проблем цивилизацией попросту не осознавался. Лишь в 1972 г. по результатам проведения Международной Стокгольмской конференции, на которой были озвучены конкретные статистические данные по развитию человечества, подтвердившие наличие серьёзных экологических проблем, наконец-то проявилась вполне закономерная в этих условиях обеспокоенность происходящим. Вторая половина XX в. ознаменовалась всплеском активной пропагандистской деятельности по охране окружающей среды, нашедшей отголоски практически во всех уголках планеты. Тем не менее, в качестве общепризнанной сферы профессиональной активности экология заявила о себе значительно позже.

Фактически, первыми «экологами» можно считать учёных-биологов, которые в контексте выполнения своих непосредственных профессиональных обязанностей уже достаточно давно занимались сохранением дикой природы, защитой редких и исчезающих видов. Однако в современных условиях сфера деятельности экологов уже не может быть сведена только и исключительно к природоохранной деятельности, т. к. она существенно расширилась за счёт объёмного спектра проблем, связанных с многообразными и разнонаправленными взаимодействиями, развёртывающимися внутри системы *человек – общество – природа*. Современная экология вобрала в себя множество различных и подчас далёких друг от друга специализаций, включая и проблемы загрязнения, и социальные и политические составляющие и др. [3].

Такое расширенное понимание предмета экологии и поля её профессиональной принадлежности – продукт последних десятилетий. В общем экология нацелена на достижение гармоничного сосуществования природы и человека. Примерно в той же плоскости, но в гораздо более широких масштабах, осуществляется развитие экофилософии. Как и философия в целом, экофилософия не имеет строгого и однозначного определения, но, будучи философской в своей сущности дисциплиной, она делает акцент на интегративности, стремится «по-

знать и осмыслить происходящие процессы в целом, выявить общие закономерности, понять место человека в мире» [2, с. 23], определить его отношение к миру, и в первую очередь, и к миру природы.

Временем становления экологической философии является последняя четверть XX столетия. Её идейными провозвестниками считаются норвежский философ Арне Несс и французский философ и психоаналитик Феликс Гваттари. В 1973 г. была опубликована программная работа А. Несса [8, р. 95–100], в которой, собственно, и начал впервые фигурировать термин «экософия». «Под экософией, – писал А. Несс, – я понимаю философию экологической гармонии или баланса. Как и любая “София”, она содержит нормы, правила, постулаты, приоритеты и гипотезы, касающиеся состояния дел во Вселенной. Направления интересов экософии вариативны и включают не только факты загрязнения, ресурсы, население, но и ценностные приоритеты» [9, р. 8].

Экософия рассматривалась А. Нессом не в изоляции, а в тесной связи с глубокой экологией, с акцентированием принципиальной разницы, имеющей место между так называемым «поверхностным» и «глубоким» экологическим движением. Отличительной характеристикой «поверхностного» движения являются, по А. Нессу, устранение лишь некоторых, внешних, точечных проявлений экологической деградации, эпизодическая защита окружающей среды во имя процветания современного общества. Что же касается глубокой экологии, она ставит под вопрос не только внешние проявления, но и сами основания бытия социума индустриального типа. Вследствие этого глубокая экология вмещает в себя не только философию, но также и теорию, и практику политического движения, имеющую на сегодняшний день немало последователей и сторонников.

В 80-90-е гг. XX в. экофилософия в полной мере заявила о себе, представ в качестве комплексного социально-философского направления, всесторонне исследующего диалектику взаимодействия общества и природы. Такое расширенное понимание представлено, например, у Ф. Гваттари,

трактовавшего «экософию» как «...модель, выходящую за пределы изучения экосистем» [2, с. 23]. В состав экофилософии, согласно Ф. Гваттари, должны быть включены три основных раздела, в том числе экология окружающей среды, а также социальная и ментальная экология. Французский философ специально подчёркивал необходимость соотнесения экологии окружающей среды с так называемой социальной экологией разума, поскольку радикальные трансформации человеческого сознания в принципе недостижимы без сопутствующих им изменений материальной и социальной среды обитания человека.

Экоцентризм как альтернатива антропоцентризму

Долгое время главным мировоззренческим стержнем развития западной цивилизации выступал безоговорочный и единогласно поддерживавшийся всеми её адептами антропоцентризм. Антропоцентрическая парадигма мировоззрения, согласно которой именно человек является венцом творения и наивысшей ценностью, в полной мере заявила о себе ещё в эпоху Возрождения и продолжила победоносное шествие в период Нового времени в контексте революционного развития новоевропейской философии и науки. Лидеры научной революции XVII–XVIII вв. – Р. Декарт, Ф. Бэкон, Г. Галилей, И. Ньютон и др. – своими естественнонаучными и методологическими изысканиями отвернули классическую науку от свойственного ей ранее органичного подхода к изучению мироздания, заменив его техникой аналитического механицизма. Проектируемые человеком машины и технические приспособления максимально расширили его когнитивные возможности, сформировав при этом соответствующую данным начинаниям новую механистическую картину мира.

Максимально дистанцировав механизм от его создателя и объект от наблюдателя, этот новый взгляд на мир предполагал, что абсолютно всё может быть описано и контролировано извне. Данное убеждение послужило мощным импульсом для разви-

тия индустриальной цивилизации, грандиозного роста её технических достижений. Однако уже в прошлом XX столетии стало совершенно очевидно, что механицизм и техницизм по большей части непродуктивны в объяснении сущности живого и жизни, в разгадке тайны бытия человека и непрерывного возобновления жизненных циклов. В свете же происходящих в современном мире изменений антропоцентризм представляется по меньшей мере наивным.

На фоне роста подобного рода антициентистских умонастроений в экофилософии получил преобладание иной подход, направленный на изучение целого, а не его отдельных частей и элементов. Данная мировоззренческая установка подразумевает, что любая целостность вне зависимости от того, подразумеваются ли под ней живые клетки, тела, экосистемы или даже вся наша планета, представляет собой не просто сумму отдельно взятых частей, но сложноорганизованную, сбалансированную систему. Все элементы данной системы являются взаимосвязанными и взаимозависимыми в каждый момент своей жизнедеятельности, в процессе обмена информацией и энергией¹, т. е. любой элемент является частью большей системы, охватывающей его структуры, которая, в свою очередь, имеет определённые закономерности и тенденции развития.

Необходимость выявления и понимания подобного рода тенденций стала стимулом для формирования «теории живых систем». Её основателем считается австрийский биолог Л. фон Берталанфи. В его понимании теория систем была призвана выступить принципиально новым «способом видения», который впоследствии проявил себя не только в биологии, но и во многих других дисциплинарных областях. В контексте экофилософии это «новое видение» означает признание взаимозависимости как отдельного человека, так и человечества в целом со всеми прочими формами жизни на Земле,

что имеет колоссальное значение для выработки совместной скоординированной системы деятельности и взаимоотношений. На этой идейной основе происходит формирование нового экологического мировоззрения в противовес господствовавшему ранее антропоцентрическому подходу.

Экофилософия нацелена на искоренение «специфического высокомерия, которое угрожает не только нам самим, но и всем сложным формам жизни на Земле»². Поэтому с позиций экофилософии человек ни в коей мере не может считаться универсальной «мерой всех вещей». Человек – лишь структурный компонент (наряду со многими другими компонентами) в рамках единой системы мироздания. Следует признать, что западноевропейская философия с её исторически сформировавшимися антропоцентричными приоритетами весьма далека от подобной мировоззренческой установки, – последняя гораздо более типична для восточной философской традиции, в частности, для учения буддизма, постулирующего бесконечность жизни, её текучую и динамическую природу. Буддизм учит человека уважать окружающую природную среду, считая её лишённой каких бы то ни было границ и барьеров.

Подобное отсутствие границ даёт человеку ощущение родственности, сопричастности, единения со всем существующим, способствует повышению в обществе уровня экологического сознания, что побуждает отказаться от распространённой практики эгоцентризма в пользу осознания себя частью целого – большего и всеохватывающего. Под «целым» в данном случае подразумевается бытие самой природы, развивающееся по собственным законам, свободным от излишнего антропогенного воздействия и цивилизационной экспансии. Таким образом, основополагающим принципом современной экофилософии, влекущим за собой радикальные мировоззренческие и социальные следствия, становится экологизм.

С позиций экологизма в экофилософии даётся философское обоснование отказу от

¹ Мэйси Дж. Возвращение к жизни: система упражнений для воссоединения с жизнью и миром // Зелёный мир: [сайт]. URL: <http://www.greenworld.org.ru/?q=node/751> (дата обращения: 06.02.2022).

² Там же.

принципа антропоцентризма и провозглашается эгоцентризм – этически окрашенная убежденность в том, что всё в окружающем человека природном мире обладает собственной значимостью и ценностью. Исходя из подобного рода этических соображений, эгоцентризм отрицает исключительность человека, постулирует его равенство со всеми прочими живыми существами. В результате антропоцентризм, ставящий человека в изначально привилегированное положение, отвергается в качестве фундаментального мировоззренческого принципа нашей современности. Ни один биологический вид и ни одна особь не являются носителями какого-либо особенного статуса. Данное убеждение становится важнейшим постулатом современной экофилософии, которая исповедует этику, основанную на эгоцентризме.

Экологизация и глобализация

С середины прошлого XX столетия антропогенная индустриальная цивилизация стала довольно быстро преобразовываться, трансформируясь в цивилизацию информационную. Этому способствовали беспрецедентный рост и активное внедрение в науку и повседневность информационной техники и технологий. Уже в 70-х гг. XX столетия было осознано, что если в прошлом мировое сообщество было просто совокупностью независимых элементов, то в изменившихся условиях оно стало всё больше напоминать единый организм, комплекс взаимозависимых элементов, функционирование которых также является взаимообуславливающим. На смену партикуляризму и обособленности пришло убеждение, что изменения, происходящие в одном компоненте, автоматически влекут за собой изменения в других [6, р. 567].

В XXI в. мир стал восприниматься как единое целое, куда включаются потенциал самого человечества и создаваемая им техносфера в масштабах планетарного уровня. В такой ситуации повышенные антропогенные нагрузки на природу привели к её деградации, а в худшем случае –

к превращению в среду, полностью непригодную для проживания человека. Наряду с этим пришло понимание того, что экологическая проблема, как и все прочие глобальные проблемы современности, не может быть решена локально, в рамках усилий, предпринимаемых отдельными странами, нациями, государствами. Тем более что естественная среда обитания, как и биосфера в целом, является общемировой ценностью, единой для всех обитателей планеты, не признающей национальных, государственных и каких бы то ни было иных границ.

В русле данного видения мира выдержаны общеизвестные концепции «одной лодки», «Земли как космического корабля» и многие другие, предвосхитившие интеллектуальную атмосферу рубежа тысячелетий и первой четверти XXI столетия. Объективными причинами трансформации мировоззрения цивилизации в сторону его экологизации и глобализации стали, в первую очередь, реалии наступившего человечество экологического кризиса. Кроме того, следует отметить тенденцию формирования глобального пространства – физического и информационного. В нём ущерб природе, причинённый в одной из его частей, неминуемо влечёт за собой негативные последствия в другой и, как следствие, наносит урон безопасности человечества в целом. Таким образом, уже «в 70-е годы XX столетия понятия “глобализации” и “экологизации” совместились» [5, с. 64], став не только взаимосвязанными, но и в полной мере взаимообусловленными.

Цифровая трансформация экологии

Не менее существенное влияние на сферу взаимодействия общества и природы оказал также процесс цифровизации. За несколько последних десятилетий цифровые технологии кардинальным образом изменили образ жизни и мировоззрение цивилизации [4, с. 64]. Это нашло отражение как в бытовой, так и в профессиональной сферах, неотъемлемыми атрибутами которых стали компьютерная техника, со-

товая связь, информационные технологии и многие другие составляющие современного цифрового общества. Под «цифровизацией» в данном случае понимается «замена аналоговых (физических) систем сбора и обработки данных технологическими системами, которые генерируют, передают и обрабатывают цифровой сигнал о своём состоянии, ... процесс переноса в цифровую среду функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями»¹.

Ускоряющееся развитие цифровых технологий открывает беспрецедентные возможности реформирования и качественного роста самых разных областей, в том числе и сферы экологии. Внедрение новейших цифровых технологий может быть использовано для аналитики и решения экологических проблем путём создания специализированных систем сбора данных и мониторинга, разработки сервисов по эффективному управлению отходами, внедрения электромобилей, проведения наблюдений за изменениями климата, создания условий и технологических возможностей для предсказания природных катаклизмов и предотвращения экологических нарушений.

Подтверждением значимости и ответственности цифровых технологий в области экологии можно считать принятое Правительством РФ в декабре 2021 г. Распоряжение № 3496-р, в котором зафиксированы «стратегические направления цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования»². Данный документ предполагает внедрение в сферу экологии следующих цифровых технологий: больших данных, искусственного интеллекта, цифровых двойников, дистанционного

зондирования планеты и др. Технологии искусственного интеллекта, в том числе беспилотные летательные аппараты, планируется применять в области природопользования в целях контроля над изменением климата, мониторинга и анализа информации, охраны окружающей среды и природных ресурсов, планирования их эффективного использования и воспроизводства.

Согласно данному Распоряжению Правительства, к 2024 г. должен начать функционировать проект по «экомониторингу», связанный с разработкой и внедрением новых цифровых сервисов в области гидрометеорологии. К 2030 г. должны быть запущены государственные федеральные системы управления фондом недр и водными ресурсами, мониторинга лесного комплекса, поддержки и развития экологического туризма, обращения с отходами и др. Реализация данных экопроектов должна в идеале сопровождаться переходом российских пользователей на отечественные программные устройства и ресурсы.

Однако при всех очевидных «плюсах», следует помнить, что цифровизация – это инструмент, использование которого должно выстраиваться на корректной мировоззренческой основе. Сегодня мы являемся очевидцами и непосредственными участниками гонки цифровизации, набирающей обороты как в России, так и по всему миру. И здесь важно не увлечься открывающимися технологическими перспективами, цифровизацией ради самой цифровизации, а выдержать фокус в контексте парадигмы устойчивого развития [7, р. 43]. Последняя предполагает, что природные ресурсы, цифровые технологии, институциональные трансформации и направления инвестирования будут взаимосвязаны и согласованы между собой. Вполне возможно, именно подобная корреляция станет отправным пунктом для эффективного разрешения как экологической, так и прочих глобальных проблем, связанных с последствиями негативной антропогенной деятельности цивилизации.

¹ Цифровые технологии в экологии: электронное пособие // Атомные города: эколого-просветительский проект: [сайт]. URL: https://eco.atomgoroda.ru/content/media_files/1601440763-52330.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

² Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2021 № 3496-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования» // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403109030> (дата обращения: 08.02.2022).

Заключение

В современных условиях, связанных с последствиями негативной антропогенной деятельности цивилизации, экофилософия может и должна рассматриваться в качестве мировоззренческой основы процессов глобализации и цифровизации. Её основополагающим принципом, влекущим за собой радикальные мировоззренческие и социальные последствия, является экологизм. С позиций экологизма в экофилософии даётся философское обоснование отказу от принципа антропоцентризма и провозглашается эоцентризм – этически окрашенная убеждённость в том, что всё в окружающем человека природном мире обладает собственной значимостью и ценностью. В результате антропоцентризм, ставящий человека в изначально привилегированное положение, отвергается в качестве фундаментального мировоззренческого принципа современности.

Объективными причинами трансформации мировоззрения цивилизации в сторону его экологизации и глобализации являются реалии экологического кризиса в совокупности с формированием глобального пространства – физического и инфор-

мационного. В нём ущерб природе, причинённый в одной из его частей, неминуемо влечёт за собой негативные последствия в другой и, как следствие, наносит урон безопасности человечества в целом. Таким образом, в современных условиях «глобализация» и «экологизация» совмещаются, становясь не только взаимосвязанными, но и в полной мере взаимообусловленными явлениями.

Не менее существенное влияние на сферу взаимодействия общества и природы оказывает цифровизация, кардинальным образом изменившая образ жизни и мировоззрение человечества. Однако цифровизация должна базироваться на корректной мировоззренческой основе, выстраиваемой в рамках парадигмы устойчивого развития. Последняя предполагает, что природные ресурсы, цифровые технологии, институциональные трансформации и направления инвестирования будут взаимосвязаны и согласованы между собой. Именно подобная корреляция может стать отправным пунктом для эффективного разрешения как экологической, так и прочих глобальных проблем современности.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безвесельная З. В. Принципы и перспективы глубинной экологии // Право и практика. 2021. № 2. С. 232–236.
2. Горохов С. А. Экофилософия: современные подходы и проблемы // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 22–29.
3. Горяшко А. Экология. Рождение профессии [Электронный ресурс] // Биология. 2004. № 2. URL: <https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200400207> (дата обращения: 06.02.2022).
4. Гурьянов Н. Ю., Гурьянова А. В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 63–69.
5. Дзялошинский И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакommunikаций. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 551 с.
6. Guryanova A. V., Petinova M. A., Guryanov N. Yu. Socio-economic Problems and Perspectives of Globalization in the Context of Coronavirus Pandemic // Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World. IES 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 160. Cham: Springer, 2021. P. 567–573.
7. Guryanova A. V., Stotskaya T. G., Khafiyatullina E. R. Information Security as a Condition for Sustainable Development in the Global World // Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality. ISCDTE 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 304. Cham: Springer, 2022. P. 43–50.
8. Naess A. Superficial and Deep, Long-term Ecological Movements // Inquiry. 1973. № 16. P. 95–100.
9. Naess A., Snyder G. The Deep Ecology Movement: An Introductory Anthology. Berkeley: North Atlantic, 1995. 328 p.

REFERENCES

1. Bezvesel'naya Z. V. [Principles and Perspectives of Deep Ecology]. In: *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2021, no. 2, pp. 232–236.
2. Gorohov S. A. [Ecophilosophy: Modern Approaches and Problems]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2020, no. 2, pp. 22–29.
3. Goryashko A. [Ecology. Birth of a Profession]. In: *Biologiya* [Biology], 2004, no. 2. Available at: <https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200400207> (accessed: 06.02.2022).
4. Gur'yanov N. Yu., Gur'yanova A. V. [Digital Globalization in the Context of Digital Economy and Digital Technologies Development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 3, pp. 63–69.
5. Dzyaloshinsky I. M. *Filosofiya cifrovoj civilizacii i transformaciya mediakommunikacij* [Philosophy of Digital Civilization and Transformation of Media Communications]. Chelyabinsk, South Ural State University Publ., 2020. 551 p.
6. Guryanova A. V., Petinova M. A., Guryanov N. Yu. Socio-economic Problems and Perspectives of Globalization in the Context of Coronavirus Pandemic. In: *Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World. IES 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 160*. Cham, Springer, 2021, pp. 567–573.
7. Guryanova A. V., Stotskaya T. G., Khafiyatullina E. R. Information Security as a Condition for Sustainable Development in the Global World. In: *Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality. ISCDTE 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 304*. Cham, Springer, 2022, pp. 43–50.
8. Naess A. Superficial and Deep, Long-term Ecological Movements. In: *Inquiry*, 1973, no. 16, pp. 95–100.
9. Naess A., Snyder G. *The Deep Ecology Movement: An Introductory Anthology*. Berkeley, North Atlantic Publ., 1995. 328 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурьянова Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и философии Самарского государственного экономического университета;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Жданова Влада Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского университета «Реавиз»;
e-mail: zhdanova_vlada@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Guryanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Theory of Law and Philosophy Department, Samara State University of Economics;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Vlada V. Zhdanova – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Humanities, Reaviz Medical University;
e-mail: zhdanova_vlada@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гурьянова А. В., Жданова В. В. Экофилософия как мировоззренческая основа глобализации и цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 76–84.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-76-84

FOR CITATION

Guryanova A. V., Zhdanova V. V. Ecophilosophy as a Worldview Basis of Globalization and Digitalization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 76–84.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-76-84

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-85-89

TO THE QUESTION OF THE TECHNIQUE OF SCIENTIFIC RESEARCH

D. Kostadinovich¹, Ya. V. Bondareva²¹ University of Niš*Univerzitetskigr 2, Niš 18106, The Republic of Serbia*² Moscow Region State University*ul Veri Voloshinoy 24, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To designate the place of methodology in the system of scientific research, to substantiate the legitimacy of the Triad “theory-methodology-technique” in the process of analyzing phenomena.

Methodology. The work was carried out based on a systematic approach, taking into account the interdisciplinary significance of the subject under study.

Results. It is revealed that the technique specifies the methodology in the search for activity and praxeological thought. In the structure of the abilities of the subject of cognition conceptual blocks are formed: «methods – ways – technique», where methods are concretized in ways, and ways – in specific techniques. All this is the technological side of cognitive activity.

Research implications. The research results can be used to improve the competency-based approach at the stage of modernization of the education system.

Keywords: theory, methodology, technique, scientific research, methods, subject of cognition

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Костадинович Д.¹, Бондарева Я. В.²¹ Университет в Нише*18106, г. Ниш, Университетская пл., д. 2, Республика Сербия*² Московский государственный областной университет*141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обозначить место методики в системе научного исследования, обосновать правомерность триады «теория – методология – методика» в процессе анализа явлений.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с учётом междисциплинарной значимости изучаемого предмета.

Результаты. Выявлено, что методика конкретизирует методологию в поиске деятельностной и праксиологической мысли. В структуре способностей субъекта познания формируются концептуальные блоки: «методы – способы – методики», где методы конкретизируются в способах, а способы – в конкретных методиках. Всё это представляет собой технологическую сторону познавательной деятельности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании компетентностного подхода на этапе модернизации системы образования.

Ключевые слова: теория, методология, методика, научное исследование, методы, субъект познания

Introduction

It is obvious that a methodology becomes effective if it is organically combined with a scientific method (recall the well-known triad: from theory – through methodology – to technique). Even having at his disposal, a fairly rich set of methodological tools (methods, approaches and, in fact, methodologies), each researcher must be able to use them in the interests of analyzing phenomena. Life convinces us that, when solving each specific problem, a scientist must be able to choose from the whole mass of scientific methodological means exactly those that will ensure its solution [1]. This is on the one hand. On the other hand, having selected them, he must determine the sequence (sequences) of their use. It is our deep conviction that it is these two positions that give rise to the need for special attention to the content of the technique of scientific research.

The content and essence of the technique of scientific research

So, the authors proceed from the organic unity of methodology and technique, focusing on the fact that the methodology concretizes the methodology in the search for an active, praxeological thought. Technique cannot exist in isolation from methodology as a system of methods, approaches, and methodologies since it offers rules for operating these means in the process of cognition and transformation of phenomena [3]. Each scientific technique is simultaneously based both on its scientific and theoretical basis and on its methodological basis. The technique brings theory and methodology to practice, connecting them with the activities of people. The technique largely implements their prognostic capabilities. It has the opposite effect on both the theory and the methodology of scientific research, developing them. Theory, methodology and technique have a relative independence, manifested in the fact that they develop not only under the influence of each other, but also based on their own contradictions [2].

It is extremely difficult to divide the process of cognition into strictly scientific-theoretical,

methodological, and technique parts, since in real life they are organically merged. This can be done only in the interests of highlighting their content-essential features during scientific knowledge of them as specific phenomena [4; 5]. Real processes of cognition always integrate theory, methodology, technique. They are organically combined in the content of the general scientific algorithm of cognition, being the necessary links in the practical activity of people.

Note that it is the technique that is closest to practice, because it determines the choice of methodological tools that are then used to solve specific problems, as well as the sequence of their application. This makes it relevant to know and understand the technique rules for the practical use of the possibilities of the general scientific algorithm of cognition during scientific research.

Technique rules for conducting scientific research

The content of each proposed rule of scientific research, as well as the content of their system, is in a state of constant refinement of development. The system of technique rules of cognition is not closed, given once and for all. It develops, changes, refines. And this circumstance should not remain outside the attention of the subjects of knowledge [6].

What technique rules should guide the subjects of cognition using methodological means formed based on the content of scientific categories, laws, principles, concepts, and theories?

1. The choice of methodological means and the sequence of their use must be strictly subordinated to the goals and objectives of a specific scientific research. In a word, the goals and objectives of the study are the main determinants of the technique for its implementation.

2. It is necessary to focus on understanding the special role of analysis during scientific research. Analysis is the basic methodological procedure of scientific research. This role is assigned to analysis not by chance, since it is it that directs us to the division of cognizable phenomena into components and the study of them, regardless of the whole. Without

knowledge of the elements that make up the objects of study, other methodological procedures are impossible (synthesis, deduction, induction, comparison, modeling, idealization, formalization, etc.)

3. Analysis and synthesis are one; there is no analysis without synthesis, and vice versa. Abstracting from the unity of these procedures is possible only in the interests of knowing their specifics. In real scientific research, they are organically merged, complement each other.

4. Each scientific research involves the use, in addition to analysis and synthesis, of the entire arsenal of methodological procedures: induction, deduction, comparison, observation, modeling, absolutization, formalization, idealization, abstraction, objectification, experiments [7]. These procedures should be used targeted, in certain circumstances, systematically.

5. During scientific research, all methodological means should work: techniques, methods, approaches, methods and methodologies. The sequence of their use is strictly determined by the goals and objectives of the study.

6. The experience of research work shows that each scientific research offers the use of methodological tools of private, sectoral and general scientific disciplines. Their systematic, targeted application, as a rule, guarantees high efficiency of scientific research.

7. It is necessary to understand the special role of techniques as methodological means in the system of methodology. This role of techniques lies in the fact that they are the main, basic means of analysis, and this means the methodological initial means of the entire process of scientific research.

8. Conducting each scientific research involves the definition, choice of a “starting”, initial method of cognition or a block of such methods. The problem of choosing, defining such a method or methods is one of the most important in scientific research. The choice of other methodological means by which the research tasks will be solved, as well as their coordination, subordination and correlation in the process of conducting it, largely depends on its solution.

9. This is the rule of systematic use of methodological tools during scientific research. In

other words, without exception, all scientific research should be carried out using methodological tools that are not just their totality, but a system that is a kind of integrity, the elements of which are in a state of all-connectiveness, providing an effective solution to the problems of scientific knowledge.

10. The experience of conducting scientific research shows that the systematic use of means of knowledge enhances the methodological capabilities of each of them. And vice versa: their unsystematic application weakens their scientific productivity.

11. The methodological possibilities of means of cognition in the course of their systematic application not only increase, but in some cases, change their functional role. Thus, the methodological possibilities of cognition techniques can reach the methodological potentialities of methods, and even approaches and even methods. At the same time, research experience suggests the reverse process. Its essence: methodological possibilities, for example, methods, can be reduced under certain conditions for conducting scientific research, to the role of approaches, methods, and even techniques. This rule can be qualified as a rule of variable use of methodological means during scientific research.

12. Each scientific research is unique, singular; hence the conclusion follows: the technique for its conduct, despite the existence of general methodological rules of scientific knowledge, is also always unique. This should be kept in mind by every researcher.

13. The subject of knowledge should be focused on constant attention to the organic dialectical unity. Theoretical, methodological and technique foundations of scientific research. This unity can be expressed in the following positions: a) theory, methodology and technique do not exist without each other; b) their differentiation is permissible only in the interests of knowing the features of each of them; c) changes occurring in the content of each of these phenomena lead to changes in other phenomena that form the Triad: theory – methodology – technique; d) in every established science – they form a system with all the ensuing consequences; e) despite the or-

ganic connection of scientific theories, methodologies and techniques, they have relative independence, which is expressed in the fact that they develop not only under the influence of each other, but also on the basis of their own contradictions, and this suggests that they can develop pace, advance or lag behind each other in development.

14. In the context of the ongoing conversation, it should be noted that all new scientific research must necessarily use the previously accumulated methodological experience of cognition. This is on the one hand. On the other hand, they should consider the fact of constant development of techniques of scientific knowledge.

15. This is the rule of the «dialectical circles» of the study of phenomena. What is it about? The point is that the study of virtually all phenomena of reality involves the repeated repetition of cognition procedures. Experience suggests that, perhaps, there are no objects of scientific knowledge that would reveal their essence of subjective research on the first try. There are several such attempts as a law. Hence the need to formulate this rule arose.

16. The experience of scientific research suggests that the information studied in their course must be constantly refined, developed, and corrected [8]. The essence of this rule can be understood without much difficulty if we agree with the facts of the stages of scientific research, their duration, and the constant development of both the objects of research themselves and the subjects of their conduct, as well as the facts of the development of the means used by them during research work.

17. Scientific technique cannot be effective if it ignores the laws of both formal and

dialectical logic. In a word, in scientific technique there is a rule of strict observance of the requirements of the laws of formal logic (contradiction, identity, sufficient reason and the excluded middle) and the laws of dialectical logic (connection of content and essence, quantity and quality, organization and structure, system and function, unity and struggle of opposites, necessity and chance, negation of negation, possibility and reality, connection between the one and the general, etc.).

Conclusion

The subjects of scientific research are aimed at mandatory verification of the objectivity of their results. For these purposes, researchers must know and own the system of indicators for verifying the truth obtained during scientific research of information (results). Such a system exists. It includes ontological, historical, cognitive, epistemological, epistemological, nomonological, methodological, technique, logical, intuitive, worldview, ideological, cultural, teleological, and practical indicators. Only after making sure that the requirements of these indicators were observed during scientific research, it is legitimate to assume that the results of scientific research are true and objective.

Summarizing the above, we note that this article does not present all the methodological rules of scientific research. There are definitely more of them. At the same time, these rules, according to the authors, reflect the main links in the technique for conducting scientific research.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельский В. Ю., Майкова В. П., Молчан Э. М. Традиции и новации в формировании духовно-нравственных ценностей личности в образовании // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 60–67.
2. Буренков С. В. Антропология и аксиология труда: Эллада // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 39–45.
3. Буренков С. В. Феномен неотчуждённого труда: дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 149 с.
4. Загребин М. В., Буренков С. В. О первостихии разумного категориального способа мышления // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов IV Международной научной конференции / под общ. ред. Г. В. Бариновой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М.: Российский университет транспорта, 2020. С. 140–146.
5. Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: МГОУ, 2015. 353 с.

6. Молчан Э. М. Трансформация образовательной деятельности как социокультурный феномен // Методология в науке и образовании: материалы Всероссийской конференции университетов и академических институтов РАН, Москва, 30–31 марта 2017 г. М.: МГТУ, 2017. С. 210–212.
7. Ellul J. *Autopsy of Revolution*. Eugene, Oregon: Wipf and Stock, 2012. 318 p.
8. Gadamer H. G. *Truth and Method*. London; New York: Continuum, 2004. 637 p.

REFERENCES

1. Belsky V. Yu., Majkova V. P., Molchan E. M. [Traditions and Innovations in the Formation of Spiritual and Moral Values of the Individual in Education]. In: *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2019, no. 5, pp. 60–67.
2. Burenkov S. V. [Anthropology and Axiology of Labor: Hellas]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 39–45.
3. Burenkov S. V. *Fenomen neotchuzhdyonnogo truda: dis. ... kand. filos. nauk* [The Phenomenon of Non-alienated Labor: Cand. Sci. Thesis in Philosophical Sciences]. Moscow, 2017. 149 p.
4. Zagrebin M. V., Burenkov S. V. [On the Primary Element of a Rational Categorical Way of Thinking]. In: Barinova G. V., Blonsky L. V., Klimov S. N., eds. *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Philosophical and Methodological Problems of the Study of Russian Society: A Collection of Proceedings of the IV International Scientific Conference]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2020, pp. 140–146.
5. Kokorin A. A. *Metodologiya nauchnyh issledovanij* [Methodology of Scientific Research]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. 353 p.
6. Molchan E. M. [Transformation of Educational Activity as a Socio-cultural Phenomenon]. In: *Metodologiya v nauke i obrazovanii: materialy Vserossijskoj konferencii universitetov i akademicheskikh institutov RAN, Moskva, 30–31 marta 2017 g.* [Methodology in Science and Education: Materials of the All-Russian Conference of Universities and Academic Institutes of the Russian Academy of Sciences, Moscow, March 30–31, 2017]. Moscow, Moscow State Technical University Publ., 2017, pp. 210–212.
7. Ellul J. *Autopsy of Revolution*. Eugene, Oregon: Wipf and Stock, 2012. 318 p.
8. Gadamer H. G. *Truth and Method*. London; New York: Continuum, 2004. 637 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Danijela D. Kostadinovic – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš (The Republic of Serbia);

e-mail: danijela.kostadinovic@filfak.ni.ac.rs

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head at the Department, Department of Philosophy, Moscow Region State University;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костадинович Даниэла – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша (Республика Сербия);

e-mail: danijela.kostadinovic@filfak.ni.ac.rs

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

FOR CITATION

Kostadinovic D., Bondareva Ya. V. To the Question of the Technique of Scientific Research. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2022, no. 1, pp. 85–89.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-85-89

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Костадинович Д., Бондарева Я. В. К вопросу о методике научных исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 85–89.

DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-85-89

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<http://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
2022. № 1

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Е. В. Приказчикова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 5,75, уч.-изд. л. 7,75.
Подписано в печать: 21.03.2022 г. Дата выхода в свет: 31.03.2022 г. Заказ № 2022/03-04.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А